

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УСТНАЯ ИСТОРИЯ В КАРЕЛИИ

Сборник научных статей и источников

Выпуск II

Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2007

УДК 947
ББК 63.3 (2) 7
У808

Составители и научные редакторы:
*И. Р. Такала, кандидат исторических наук, зав. кафедрой
истории стран Северной Европы ПетрГУ (Россия);
А. В. Голубев, кандидат исторических наук,
руководитель Центра устной истории ИФ ПетрГУ (Россия)*

Рецензенты:
*А. В. Суни, доктор исторических наук, профессор ПетрГУ (Россия);
Тимо Вихавайнен, доктор философии, профессор
российских исследований Хельсинкского университета (Финляндия);
Алексис Погорельский, доктор философии, профессор университета
Миннесоты (США)*

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Петрозаводского государственного университета*

У808 Устная история в Карелии: Сб. науч. ст. и источников. Вып. II. Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / Сост. и науч. ред. И. Р. Такала, А. В. Голубев. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. — 192 с.
ISBN 978-5-8021-0617-4

Второй выпуск сборника «Устная история в Карелии» посвящен истории пребывания в Карелии американских финнов. В исследовательских статьях, интервью и воспоминаниях освещаются вопросы, связанные с особенностями жизни финской диаспоры в Северной Америке, с причинами переезда североамериканских финнов в Советскую Карелию в начале 1930-х гг., рассказывается о судьбах переселенцев, анализируется их вклад в культурное, экономическое, социальное развитие республики.

Сборник предназначен для всех, кто интересуется историей трудовой иммиграции советского времени, историей Карелии XX в. и устной историей.

Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-01-42104а/С

УДК 947
ББК 63.3 (2) 7

ISBN 978-5-8021-0617-4 © Такала И. Р., Голубев А. В., сост. и науч. ред., 2007
© Петрозаводский государственный университет, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителей	5
Исследования	8
<i>Варпу Линдстрём</i> . Канадские финны и десять лет Великой депрессии	8
<i>Александр Осипов</i> . Культурное наследие канадских финнов — журнал «Кулак» («Nyrkki»).....	26
<i>Ирина Такала</i> . Североамериканские финны в довоенной Карелии.....	32
Устная история	52
Интервью с Дагнэ Сало, 1915 г. р.	52
Интервью с Пааво Алатало, 1920 г. р.....	68
Интервью с Юрьё Мюккяненем, 1922 г. р.	90
Письмо Давида Мюккянена сестре	117
Интервью с Вейкко Лекандером, 1931 г. р.	119

Семейная история	136
Интервью с Робертом Маннером, 1949 г. р.	136
<i>Анита Луома</i> . О моей семье.	144
<i>Виктор Паасо</i> . О моем деде, любившем яблоки.	149
Научная жизнь	159
<i>Варпу Линдстрём</i> . Международный исследовательский проект «Пропавшие в Карелии: канадские жертвы сталинских репрессий» («Missing in Karelia: Canadian Victims of Stalin's Purges»).....	159
<i>Ирина Такала</i> . Научно-исследовательский проект «Североамериканские финны в Советской Карелии в 1920—1950-е гг.»	164
Библиография	168
Основные публикации о североамериканских финнах в Карелии (Сост. <i>И. Р. Такала</i>)	168
Аннотированный библиографический указатель статей о североамериканских финнах в Карелии, опубликованных в журнале «Карело-Мурманский край» за 1930—1935 гг. (Сост. <i>В. Иштонкова</i>)	176
Именной указатель	179
Указатель географических названий	185

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Второй выпуск серии «Устная история в Карелии» посвящен истории пребывания в Карелии североамериканских финнов.

Появление Советского Союза на политической карте мира в начале XX в. привело к возникновению нового феномена — миграции, основанной на идеологических принципах, когда десятки тысяч людей, привлеченные образом справедливого социалистического общества, устремились в СССР. Одной из самых значительных групп иммигрантов были финны, переезжавшие из Финляндии, США, Канады и Швеции в Советскую Карелию, во главе которой в 1920—1935 гг. стояло правительство Эдварда Гюллинга, состоявшее по большей части из финских политэмигрантов. Примерно половину переселенцев (6,5 тысяч чел.) составляли финны, приехавшие в республику из Канады и США. Североамериканские иммигранты, переезжая в Карелию с семьями, деньгами и оборудованием, надеялись найти здесь работу по душе и внести свою посильную лепту в дело построения социализма на земле. Основная волна американских финнов прибывает в КАССР в 1931—1932 гг.

Этот исторический период — начало 1930-х гг. — находится, пожалуй, на самой периферии возможностей устной истории как

исторической дисциплины. О событиях собственно иммиграции могут рассказать лишь люди, родившиеся не позднее начала 1920-х гг. Респонденты, родившиеся в начале 1930-х гг., также могут поведать о быте, работе и других сторонах жизни североамериканских переселенцев, но уже более ограниченно. С одной стороны, это сужает круг тем, событий, персоналий и пр., о которых могут рассказать наши респонденты, — иными словами, ограничивает репрезентацию прошлого. С другой стороны, если не зафиксировать хотя бы это ограниченное знание о прошлом сейчас, через несколько лет фиксировать будет уже нечего...

В разделе «Устная история» данного сборника публикуются интервью с четырьмя североамериканскими переселенцами. Истории этих людей хорошо иллюстрируют как сам феномен иммиграции финнов из Северной Америки в Карелию, так и дальнейшие судьбы переселенцев. Двое из наших респондентов эмигрировали из Канады, двое — из США, причем трое были в сознательном возрасте и даже успели поучиться в англоязычных школах. В СССР каждый из респондентов оказался в совершенно разном социальном окружении. Д. А. Сало и Ю. Д. Мюккянен после переезда жили в Петрозаводске, В. В. Лекандер — в поселках с преобладающим финским населением, а П. И. Алатало вместе с семьей пересек всю Европейскую Россию с севера на юг. По-разному складывалась и их жизнь во время большого террора, в годы Великой Отечественной войны и, наконец, после нее.

Помимо интервью с собственно североамериканскими переселенцами в сборник включены интервью и воспоминания детей и внуков иммигрантов (раздел «Семейная история»). Эти документальные данные, относящиеся к семейной истории — дисциплине, смежной с устной историей, также важны для исследователей, поскольку в них содержится знание о прошлом, подчас не доступное из других источников.

Исторические источники, публикуемые в сборнике, предваряются научными статьями по проблеме североамериканской иммиграции в Карелию. Статья профессора Варпу Линдстрём (университет Йорк, Торонто, Канада) освещает историю финской диаспоры в Канаде

в годы Великой депрессии и, в частности, объясняет причины, стоящие за т. н. «карельской лихорадкой» — массовым желанием канадских финнов переехать в Советскую Карелию. В статье А. Ю. Осипова (ПетрГУ) рассматривается редкий источник, дающий представление о политических настроениях финской диаспоры в Канаде, — рукописный финноязычный журнал «Кулак». Из статьи И. Р. Такала (ПетрГУ) читатель может получить общее представление об иммиграции финнов из Северной Америки в Карелию, причинах переселения, структуре и численности североамериканской диаспоры в республике, жизни и быте иммигрантов, степени их адаптации в новом обществе и об их судьбах в 1930-е гг.

В сборнике публикуется также избранная библиография работ, посвященных североамериканской иммиграции в Карелию (составитель И. Р. Такала), и аннотированный указатель статей о североамериканских переселенцах, опубликованных в журнале «Карело-Мурманский край» за 1930-е гг. (составитель В. Иштонкова). Помимо этого, в разделе «Научная жизнь» представляется информация о научных событиях и проектах, связанных с изучением североамериканской иммиграции в Карелии.

Сборник проиллюстрирован фотографиями из семейных альбомов, а также рисунками немецкого художника Генриха Фогелера, посетившего Карелию в 1930-е гг. и оставившего замечательные свидетельства о жизни и труде жителей края, выполненные акварелью и цветными карандашами. Коллекция рисунков и акварелей Фогелера 1933—34 гг. хранится в Карельском государственном краеведческом музее, и составители сборника очень признательны сотрудникам музея и его директору М. А. Гольденбергу за предоставленную возможность проиллюстрировать публикуемые материалы работами художника, посвященными американским финнам.

И. Р. Такала

А. В. Голубев

Петрозаводск, май 2007 г.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Варпу Линдстрём,

профессор истории,

Йорк университет (Торонто, Канада)

Канадские финны и десять лет Великой депрессии

«Сейчас Канада — земля страданий».

Айно Норкооли, 1932 г.

Великая депрессия 1929—1939 гг., охватившая весь западный мир, особенно сильно затронула Северную Америку. Тяжелее всех как в социальном, так и экономическом отношении пришлось иммигрантам. Их положение усугублялось тем, что к ним зачастую относились как к незванным виновникам растущей безработицы. Большинство иммигрантов из Финляндии прибыли в Канаду незадолго до кризиса, в двадцатые годы XX в. Как правило, это были молодые и здоровые люди, желавшие разбогатеть на этой многообе-

щающей земле. Они были готовы трудиться с утра до ночи на самых опасных и физически тяжелых работах. Однако они не были готовы к экономическому кризису и безработице. Из-за нищеты и дискриминации многие финские иммигранты изменили свое прежнее решение навсегда обосноваться в Канаде. Экономический кризис привел к росту политического радикализма и поляризации в их среде. Многие решили вернуться обратно в Финляндию или присоединились к массовому исходу в Советскую Карелию. Как следствие, диаспора, особенно та часть, которая придерживалась леворадикальных взглядов, осталась без самых энергичных рабочих и способных лидеров. Во время Великой депрессии политические настроения среди канадских финнов переместились с левого фланга в сторону центра, а отчасти даже приняли консервативный характер.

Радикализация левых сил среди канадских финнов — очень интересная тема, которая рассматривается в работе Ойвы Сааринена и Джерри Таппера¹. Однако в данной статье предпринимается попытка переосмыслить экономическое воздействие Великой депрессии на финских иммигрантов в Канаде и проследить рост правых настроений, формировавших новые политические силы среди канадских финнов. В ней также будет рассмотрен вопрос, почему очень много канадцев финского происхождения в конечном итоге отказались от своей мечты о лучшей жизни в Канаде и начали поиски других альтернатив.

Некоторые финские иммигранты прибыли в Канаду еще до 1900 г. Это были пионеры — строители, шахтеры, лесорубы и прислуга, которые прокладывали путь массовой эмиграции из Финляндии, развернувшейся перед Первой мировой войной и после нее.

Иммигранты, уезжавшие до 1917 г., покидали автономное Великое Княжество Финляндское, которое в тот период находилось в ситуации постоянных социальных, экономических и политических волнений. Глубоко укоренившиеся противоречия привели к тому, что вскоре после провозглашения независимости 6 декабря 1917 г. Финляндия на три месяца погрузилась в гражданскую войну. Красные

¹ *Saarinena Oiva, Tapper Gerry. Sudbury in the Great Depression: The Tumultuous Years // Journal of Finnish Studies. 2004. Vol. 8. № 1. P. 48—66.*

финны потерпели в ней поражение, многие из них сгинули в концлагерях, в то время как другие еще долго после войны подвергались постоянным унижениям. Когда окончилась Первая мировая война и морские пути снова стали безопасными для пассажирских перевозок, многие из них решили эмигрировать в Северную Америку. Среди них было довольно много способных лидеров, деятелей культуры и журналистов из левых кругов. В финской диаспоре в Канаде они оказались на лидирующих позициях. В крупнейшей волне иммиграции (1921—1930 гг.) были и правые, «белые» финны, придерживающиеся националистических взглядов, в Канаде они оказались в меньшинстве.

Таблица 1

Финская иммиграция в Канаду²

1901—1910	12 621
1911—1920	9 651
1921—1930	36 076
1931—1940	758

Источник: Канадские переписи.

Иммигранты из Финляндии, как правые, так и социалисты, главным образом были выходцами из рабочего класса или младшими детьми крестьян из Эстерботнии. Среди них практически не было зажиточных, а также людей с высшим образованием. В Канаде они предпочитали заниматься на шахты, строительные работы или на предприятия лесной промышленности и жили в городках, расположенных поблизости от тех ресурсов, которые им приходилось добывать. Финские женщины нанимались в прислуги или работали поварихами на лесозаготовках. Поначалу Канада предлагала множество возможностей для работы, в особенности тем иммигрантам, кто был готов мириться с изолированной жизнью в лесу, трудиться на опасных шахтах или забыть о личной жизни, работая прислугой. В 20-х гг. из Канады в Финляндию шли письма, в которых авторы

² *Jalava Maviri*. «Radicalism or a 'New Deal?»: The Unfolding World View of the Finnish Immigrants in Sudbury; 1883—1933 (M. A. Thesis, Laurentian University, 1983), table 2, 13.

красочно описывали многочисленные возможности для заработков. В 1922 г. американские власти резко ограничили иммиграцию из Финляндии, перенаправляя в Канаду тех, кто ехал в США. В конечном итоге это привело к массовой миграции финнов в Канаду. Перед самой депрессией (в 1926—1929 гг.) туда прибыло 18 448 финнов. Они оказались наиболее уязвимы для грядущего экономического кризиса, так как еще не успели как следует обосноваться.

Великая депрессия тяжело ударила по Канаде. Лишь несколько отраслей промышленности остались незатронутыми. К 1933 г. национальный доход страны снизился на 50%. Резко выросла безработица. К 1932 г. число безработных составило 647 тысяч человек, или 32% ко всему населению страны. Только с железных дорог было уволено 50 тысяч человек. Останавливались строительные работы, закрывались многие лесозаготовительные пункты. Экспорт продукции лесной промышленности снизился с 289 миллионов долларов в 1928 г. до 131 миллиона долларов в 1932 г. Наиболее тяжелый удар пришелся по фермерам. На резкое падение цен на пшеницу с 1 доллара 65 центов до 30 центов за бушель (36,3 л) наложились последствия катастрофической засухи. Если в 1928 г. совокупный доход фермерских хозяйств достигал 353 миллиона долларов, то в 1931 г. они понесли убытки в размере 11 миллионов долларов.

Наиболее пострадали недавно прибывшие иммигранты. Их увольняли среди первых, а нанимали в последнюю очередь. Финны работали в наиболее пострадавших отраслях: строительстве, лесной промышленности и сельском хозяйстве. Их финансовое состояние было более уязвимым еще и потому, что они лишь недавно прибыли из Финляндии и не успели встать на ноги. В наиболее шатком положении были неженатые мужчины, колесившие по канадским железным дорогам в поисках работы и объединявшиеся в группы (т. н. *jungle gangs*), чтобы совместно найти хоть какое-либо пропитание. Еще одна структурная особенность финской диаспоры заключалась в том, что мужчины и женщины иммигрировали поодиночке, и поэтому не было больших семей, способных поддержать своих членов во время подобных невзгод. Согласно статистическим данным, финны натурализовались медленно, а из-за принадлежности финского языка к финно-угорской языковой семье они к тому же

учили английский медленнее, чем другие иммигранты из Скандинавии. Скудные ресурсы, выделяемые на облегчение последствий депрессии, были малодоступны для людей, еще не ставших канадскими гражданами и не обжившихся в новом обществе. Удача не была благосклонна к скитающимся рабочим-иммигрантам. Более того, канадцы финского происхождения часто сталкивались с проявлениями антииммигрантских и ксенофобских настроений, не в последнюю очередь из-за своей репутации организаторов рабочих союзов и участников канадских социалистических и коммунистических движений³.

Некоторые члены финской диаспоры в Канаде находились в лучшей ситуации в сравнении с другими. Многие финны, живущие на севере провинций Онтарио и Британская Колумбия, были фермерами, специализирующимися на продовольственных культурах. Они научились обходиться немногим и успешно сводили концы с концами в течение всего периода депрессии. Условия, в которых они жили, давали много возможностей для охоты и рыболовства, благодаря чему они, по крайней мере, не голодали.

Помогла финнам и их репутация трудолюбивых рабочих. Шахты, особенно по добыче золота, были одной из отраслей, стабильно работавших в годы Великой депрессии, и многие финские шахтеры все это время продолжали получать регулярную зарплату.

Финские женщины оказались в лучших условиях по сравнению с мужчинами, так как две трети работавших женщин служили прислужкой. Потребность в прислужке сохранилась на прежнем уровне, и хотя зарплата была низкой, женщины, живущие в домах своих хозяев, там же и питались, имели постоянный доход и довольно ком-

³ Работы по истории финнов в Канаде в годы Великой депрессии: *Jalava. M.* Op. cit. P. 154—253; *Laine Edward W.* «Finnish Canadian Radicalism and Canadian Politics: the First Forty Years», in *Ethnicity, Power and Politics in Canada*, eds Joergen Dahlie and Tissa Fernando. Toronto, 1981. P. 94—112; *Lindström Varpu.* *Sisters Defiant: A Social History of Finnish Immigrant Women in Canada.* 3rd edition. Beaverton: Aspasia Books, 2003. P. 34—39; and *From Heroes to Enemies: Finns in Canada, 1937—1947.* Beaverton: Aspasia Books, 2000. P. 7—41; *Saarinен Oiva W.* *Between a Rock and a Hard Place: A Historical Geography of the Finns in the Sudbury Area.* Waterloo: Wilfried Laurier University Press, 1999. P. 138—162.

фортабельные условия проживания⁴. Взамен им приходилось отказываться от личной жизни и мириться с почти полным отсутствием свободного времени.

У финских иммигрантов было еще одно преимущество: в их среде были широко распространены традиции взаимопомощи. В зданиях местных финских обществ и в церквах организовывались общественные кухни. Местные общества предоставляли свои здания для временного проживания одиноких мужчин, которые могли разложить там свои матрасы, выпить чашку горячего кофе и съесть тарелку супа. Финские общества также предоставляли финансовую и юридическую помощь иммигрантам, оказавшимся в конфликте с законом. Но на-

иболее важной социальной поддержкой, которую финская диаспора могла оказать своим безработным членам, была активная спортивная и культурная деятельность. Согласно мнению историка Эдварда В. Лайне, в годы Великой депрессии финская диаспора в Канаде переживала культурное возрождение. Репетиции хоров и любительских театральных трупп, спортивные состязания в зале и на открытом воздухе, пикники и политические митинги никогда не испытывали

*Финская любительская театральная труппа в провинции Саскачеван (Канада), 1920-е гг.
Из личного архива В. В. Лекандера*

⁴ *Lindström Varpu*. *Defiant Sisters*, глава 5, «Finnish Women at Work» 84—114, *Taru Virkamäki*, *Conflicting Loyalties? Negotiating Gender, Class and Ethnicity in the Finnish Immigrant Community in Toronto, 1929—1939* (M. A. thesis, York University, 1996).

недостатка в участниках — слишком у многих было полно свободного времени. Финские общества, как и финские церкви, стали своеобразной маленькой родиной вдали от дома и центрами всей организованной деятельности, с помощью которой финские иммигранты старались бороться с последствиями Великой депрессии.

Снижение численности населения

Трудно измерить страдания людей. Для того чтобы понять последствия Великой депрессии для канадских финнов, необходимо обратиться к статистическим данным, отражающим демографический спад в их среде.

Число иммигрантов, родившихся в Финляндии, сократилось на 20%, с 30 354 в 1931 г. до 24 387 в 1941 г. (согласно данным канадских переписей). Для такого падения существовало несколько причин. Одна из них — введенный в 1931 г. запрет на въезд для иммигрантов из Финляндии. В течение последующих десяти лет лишь 758 финнов получили разрешение на въезд в Канаду, поэтому те, кто умер в этот период, не были заменены новыми иммигрантами. Среди иммигрантов доминировали молодые люди, и их дети, рожденные уже в Канаде, оказали значительное влияние на демографическую статистику финской диаспоры. Однако общее число финнов в Канаде также сократилось более чем на две тысячи за десятилетие Великой депрессии. Резко уменьшилось число мужчин, в то время как число женщин несколько возросло. Потери финской диаспоры усугублялись тем, что Канаду покидали молодые, активные, талантливые, с лидерским потенциалом люди, лишая таким образом диаспору будущего⁵.

Эта тенденция отчетливо проявилась и в степных провинциях⁶, где финны селились с 90-х годов XIX в. Многие из них к тому времени расчистили под сельское хозяйство значительные террито-

⁵ Вопрос о последствиях эмиграции молодых рабочих рассматривается в: Harpelle Ron. *The West Indians of Costa Rica: Race, Class, and the Integration of an Ethnic Minority*. McGill-Queens, 2001. P. 146.

⁶ Общее название провинций Манитоба, Саскачеван и Альберта. Примеч. переводчика.

Население финского происхождения в Канаде

Год	Мужчины	Женщины	Всего
1931	25 257	18 628	43 885
1941	22 752	18 931	41 683

Источник: Канадские переписи.

рии и отстроились — все это лишь для того, чтобы увидеть, как их фермы распродаются практически за бесценок.

Наиболее резкий демографический спад среди финского населения Канады был зафиксирован в провинции Квебек. Основная масса финнов жила там сравнительно недавно. Согласно данным переписи, в 1921 г. число финнов в Квебеке составляло всего 76 человек. В течение следующего десятилетия туда прибыло большое количество финских иммигрантов, привлеченных рабочими местами в строительстве и гидроэнергетике. Финская прислуга была весьма востребована в богатых домах Монреаля. К 1931 г. финское население Квебека возросло до 2973 чел. Когда началась Великая депрессия, строительные работы прекратились, и, по данным официальной статистики, финское население Квебека сократилось на треть.

Эта же статистика демонстрирует, что более уязвимыми оказались именно недавно прибывшие иммигранты, не успевшие как следует обосноваться на новом месте. Но даже те, кто уже завел собственный бизнес, остались без клиентов. Трудно представить степень отчаяния, которое овладело финскими иммигрантами. Некоторое впечатление об этом можно получить из письма Санни Лайне финскому лютеранскому пастору в Монреале преподобному Ф. Пеннанену:

«Уважаемый пастор!

Спасибо за ваше письмо, которое я получила вчера. Спешу сообщить вам, что мы не в состоянии выплатить наш церковный взнос, потому что мой сын сейчас один вынужден содержать всю нашу семью, отец не может найти работу, и у нас нет никаких дополнительных источников дохода, как у тех, кто побогаче нас. Наши комнаты пусты, так как люди, которые ничего не зарабатывают, не могут их

снимать. У нас долги за аренду, а также за газ и за воду. Мы даже не можем продать нашу мебель — в эти дни никто не в состоянии ее купить. Мое здоровье ухудшается с каждым днем, и каждый день я вынуждена беспокоиться о пропитании. Я не могу обратиться к врачу, потому что нечем заплатить. Мой младший сын окончил школу и пытался найти работу, но не нашел ничего. Временами моя жизнь кажется сплошным мучением»⁷.

Высылка в Финляндию

Уменьшение финского населения было связано с депортацией и эмиграцией. В годы депрессии многие иммигранты были принудительно депортированы из Канады — за 1930—1937 гг. было выслано свыше 25 тысяч человек⁸. Столь значительный уровень депортации был связан с тем, что страна «очищалась» от нищих, бродяг и больных и избавлялась от преступников и некоторых радикалов. Оставшиеся без денег муниципалитеты не жаловали бродяг, считая, что дешевле будет отправить их туда, «откуда они пришли». Финские иммигранты были особенно уязвимы из-за своей политической активности. Некоторые из них были депортированы как «опасные радикалы». Новые правила депортации облегчали высылку иммигрантов, остававшихся без средств к существованию.

В 1931 г. число финнов, высланных из Канады, составило 221 человек⁹. Годом позже, в 1932 г., было депортировано 334 финна. Число высланных выросло за счет людей, признанных виновными

⁷ Национальный архив Канады (далее — НАК), ф. MG 8 G62, т. 13, д. 6. Письмо Санни Лайне преподобному Ф. Пеннанену от 17 августа 1932 г.

⁸ Депортация иммигрантов во время Великой депрессии рассматривается в исследованиях: *Roberts Barbara*. Whence They Came: Deportation from Canada 1930—1935. Ottawa: University Press, 1988. P. 125—94; and Henry Drysteck, «The Simplest and Cheapest Mode of Dealing with Them: Deportation from Canada before World War II» *Social History / Hisloire social* 25/30 (November 1982). P. 407—441.

⁹ Информацию о депортации финнов можно найти в следующих работах: Dominion of Canada, Report of the Department of Immigration and Colonization, за операционные годы, заканчивающиеся в марте 1933 и 1934 гг.; *Jalava M.* Op. cit. P. 241—243 и в особенности главу 12: The Battle of the Streets. P. 179—193; *Roberts B.* Op. cit. P. 135—137, 143—144, 154 и сноски 28 (P. 222—223).

в различных правонарушениях, а также за счет больных и тех, кого были вынуждены содержать муниципалитеты. «Преступниками», как правило, были бездомные. Всего за 1931—1933 гг. было выслано 757 финнов¹⁰. Таким образом, 2,3% иммигрантов, рожденных в Финляндии (и их детей), были депортированы на родину из Канады.

Лишь немногие группы финнов остались незатронутыми депортациями. У каждого был знакомый, высланный из Канады. Если депортировали мужа или жену, другие члены семьи оставались в столь невыносимых условиях, что у них был только один выход — последовать вслед за депортированным родственником в Финляндию. Более того, страх перед депортацией останавливал многих финнов от получения государственной помощи даже в тех случаях, когда они имели на нее право. Депортации проводились скрытно, люди просто исчезали по ночам. Особенно жестокой выглядела высылка больных и престарелых иммигрантов. Одним из таких случаев была история с Калле Панула, уволенным с Канадской тихоокеанской железной дороги. В его деле имеется следующая запись: «Оставшись без работы и средств к существованию, он попытался бесплатно проехать на товарном поезде. Во время поездки произошел несчастный случай, в результате ему ампутировали обе ноги». В итоге он был классифицирован как «преступник», так как совершил правонарушение, не заплатив за проезд. Прямо на носилках он был депортирован в Финляндию¹¹.

Хотя у финнов и были защитники, в целом общество поддерживало депортации. Разочарованные канадцы проявляли свои антииммигрантские и антикоммунистические настроения в письмах правительству. Например, письмо министру железных дорог и каналов Р. Дж. Менньену, написанное в 1932 г., содержало следующие строки: «Такое ощущение, что мы сейчас кормим половину Финляндии. Из этих людей вряд ли больше, чем 5%, достойны носить имя канадцев». Автор был особенно возмущен высокомерием финнов: «Слово “канадец” для них является шуткой, они постоянно

¹⁰ *Jalava M.* Op. cit. P. 242—243.

¹¹ НАК, ф. RG76 C4682, т. 651: «Эмиграция из Канады 1893—1944», меморандум о деле Калле Панула, 30 декабря 1929 г., автор — комиссар А. Л. Джоллифф.

повторяют, что один финн стоит десяти канадцев». Решение этой проблемы автор видел в «максимально скорейшей высылке всех финнов и запрете им въезда в Канаду»¹².

Реэмиграция и исход в Карелию

Из-за экономических трудностей и враждебного отношения к иммигрантам многие финны принимали добровольное решение покинуть Канаду. Большая часть вернулась в Финляндию, немало финнов переехало в Советскую Карелию, некоторые же решили принять участие в гражданской войне 1936—1939 гг. в Испании. Реэмиграция из Северной Америки в Финляндию достигла пика в 1932 г.¹³ К сожалению, статистические данные или научные работы о реэмигрантах из Канады отсутствуют, но из исследования Кейо Виртанена известно, что из США в Финляндию ежегодно возвращалось около 3000 финнов¹⁴. Многие ехали домой неохотно, без тех «богатств», на которые они рассчитывали. Но если возвращение «домой», в Финляндию, было естественным процессом, то массовый исход в Советскую Карелию был уникальным феноменом периода Великой депрессии. По меньшей мере 2295 канадцев финского происхождения были завербованы в 1930—1934 гг. в ходе специально организованной кампании. Они переезжали в Советскую Карелию с надеждами на строительство лучшей жизни для себя и своих детей. Они планировали работать в более справедливом обществе в географической, климатической и языковой среде, похожей на Финляндию. Стимулом к иммиграции в Карелию были как экономический фактор, так и идеология. Стремление к переезду постоянно подогревалось той ситуацией, в которой оказались иммигранты

¹² НАК, ф. RG76 C7369, т. 219, д. 95027: «Деятельность финских агитаторов в Северном Онтарио», письмо Р. Дж. Маннъену, министру железных дорог и каналов, Оттава, 17 апреля 1932 г.

¹³ *Virtanen Keijo*. Settlement or Return Finnish Emigrants (1860—1930) in the International Overseas Return Migration, Migration Studies C 5. Turku: The Migration Institute, 1979. P. 93.

¹⁴ *Ibid.*

из-за Великой депрессии¹⁵. В письме своей матери, написанном в 1932 г., Аино Норккооли из города Форт Уильям следующим образом описала свое желание переехать в Советскую Карелию: «Мой муж в последние годы практически не работал. На это лето мне удалось получить работу в пекарне, благодаря чему мы смогли свести концы с концами. И все же сейчас Канада — земля страданий. Ужасно смотреть на группы несчастных людей, которые бродят по улицам, замерзшие и голодные, и спят в поездах, под мостами — везде, где только можно прилечь. Нередко происходят столкновения между толпами голодных и полицией, но обычно рабочие терпят поражение, потому что у них нет оружия, а полиция вооружена до зубов. Многие люди уезжают отсюда в Россию, и, я думаю, все бы иммигранты уехали, если бы только у них были деньги. Мне тоже очень хочется уехать, но мой муж против, поэтому придется остаться в этой ужасной нищете»¹⁶.

Под звуки торжественной музыки сорок восемь групп иммигрантов уехали в Советскую Карелию. В самой большой из них было 229 канадцев финского происхождения¹⁷. Сначала канадское правительство не знало, как реагировать на этот крупнейший добровольный исход граждан Канады и иммигрантов. Канадская полиция попыталась зафиксировать всех, кто покидал страну, с тем, чтобы не допустить возможность их повторного въезда в Канаду. Первое время полиция скептически относилась к этому явлению, но вскоре скепсис сменился удовлетворением: «Не нужно испытывать никакого сожаления по поводу того, что эти люди уезжают из Канады, так как все они — убежденные коммунисты. Вполне возможно, что в будущем многие из них захотят вернуться обратно в Канаду»¹⁸.

¹⁵ Достаточно полная библиография работ по проблеме приводится в статьях, опубликованных в: Harpelle, Ronald, Lindström, Varpu, and Pogorelskin, Alexis (eds). *Karelian Exodus. Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depression Era*. Ontario: Aspasia Books, 2004.

¹⁶ American Letter Collection (ALC) Eura: XXI, Aino Norkkooli, 27 October 1932.

¹⁷ *Jalava M.* Op. cit. P. 231.

¹⁸ НАК, ф. RG 76 C7369, т. 219, д. 95027: «Деятельность финских агитаторов в Северном Онтарио», доклад канадской полиции от 5 сентября 1930 г.

Некоторые канадские финны, придерживающиеся левых убеждений, ушли добровольцами на гражданскую войну в Испании. Движущей силой и здесь была идеология вкупе с отсутствием перспектив в Канаде. Матти Расмус стал одним из примерно 200 канадцев финского происхождения, воевавших в батальоне им. Луи-Жозефа Папино и Уильяма Макензи¹⁹ вопреки желаниям канадского правительства. Он вспоминал: «Мы переезжали с одного места на другое, запрыгивали в поезда, в грузовые вагоны, иногда ехали на крышах вагонов. Мы искали работу, любую работу, но все было тщетно. Мы не голодали только благодаря бесплатному супу для безработных да тому, что объединялись и как-то поддерживали друг друга. Работа была только у женщин, у прислуги, и они кормили мужей, вынося им объедки с заднего входа своих кухонь. Я решил стать волонтером и уехать на гражданскую войну в Испании»²⁰.

Несмотря на масштабы реэмиграции, большинство финнов все-таки осталось в Канаде. В ответ на безработицу, ненадежное положение, депортацию и дискриминацию они начали организовываться. Им удалось создать сильные организации, способные постоять за себя и защитить интересы простых рабочих.

Рост консервативных настроений и правого национализма

Исторически среди канадских финнов доминировали политические организации левого крыла, но в годы Великой депрессии произошло сильное смещение вправо, в сторону национализма. В Финляндии, как и во многих других европейских странах, были сильны позиции консерватизма и даже фашизма, что привело к мятежу в Мянсяля в 1932 г. Наибольшую поддержку деятельности правых оказывали

¹⁹ Батальон, составленный из канадских добровольцев и принимавший участие в гражданской войне в Испании на стороне республиканцев. Назван в честь двух канадских политических деятелей XIX в., боровшихся за независимость Канады от Британской империи. Примеч. переводчика.

²⁰ Интервью с Матти Расмусом, записанное Бёрье Вяхьями в Торонто, 1995 г.

Центр рабочих организаций в одном из городов провинции Саскачеван (Канада), 1920-е гг. Из личного архива В. В. Лекандера

фермеры Эстерботнии — региона, откуда были родом большинство канадских финнов²¹.

В самой Канаде толпы безработных и длинные очереди за супом вселяли в руководство страны страх перед возможностью коммунистического мятежа. Были предприняты репрессивные меры, и в 1931 г. компартия Канады была объявлена вне закона согласно статье 98 Уголовного кодекса. Под подозрение попали и члены Финской организации Канады.

Те финны, кто не разделял антирелигиозные и социалистические взгляды левых, хотели защитить свои интересы и продемонстрировать лояльность как Канаде, так и Финляндии. Следствием этого

²¹ *Siltala Julia*. Lapuan like ja kyudityksel 1930. Helsinki: Otava, 1985. Вопросы финского национализма и правого радикализма рассматриваются в: *Rintala Marvin*. Three Generations: The Extreme Right-Wing in Finnish Politics, Russian and East European Series 32. Indiana University, 1962; *Hyvämäki Lauri*. Simsta ja imistaa. Tutkielma Suomen oikeistoradikalismista. Helsinki: Otava, 1971.

было возникновение новых националистических консервативных организаций, объединившихся в 1931 г. под знаменем Центральной организации финнов, лояльных Канаде (Central Organization of Loyal Finns in Canada — COLFC)²². В 1936 г. в составе этой организации, по ее собственным данным, действовало 18 местных филиалов, объединявших приблизительно 500 членов²³. Наибольшую поддержку она получила в Квебеке, провинции с сильными антикоммунистическими настроениями, где, в частности, было много сторонников итальянского фашизма и Муссолини. Финские националисты преследовали политические и экономические цели. Целью организации COLFC, провозглашенной в ее уставе и в циркулярных письмах своим членам, было объединение усилий всех финских националистов в Канаде для улучшения репутации финнов, создания политической альтернативы социалистическому движению, насаждения финского национализма и патриотизма, борьбы с коммунизмом, сотрудничества с канадской полицией по вопросам запрещения Финской организации Канады и газеты «Vapaus», оказания ей помощи в составлении черных списков финских радикалов и членов профсоюзов, сотрудничества с лютеранской церковью и финляндским правительством, поиска работы для своих членов и оказания помощи нуждающимся членам организации²⁴.

В годы Великой депрессии найти работу для членов организации было сродни подвигу, но COLFC это удавалось, так как она давала обещания, что ее члены никогда не вступят в профсоюз. Лаури Салмио, председатель организации, утверждал: «Членский билет нашей националистической финской ассоциации становится чем-то вроде официального паспорта, хоть и используется для других целей. Он, подобно волшебному слову “сезам”, открывает для финнов многие

²² История финского консерватизма в Канаде рассматривается в: *Raivio. Kanadan suomalaisten historia*. Vol. 1, 2 (Copper Cliff: Kanadan suomalainen historiaseura, 1974 and 1979); *Saarinen O. Between a Rock and a Hard Place*. P. 155—162.

²³ *Kanadan suomalainen* 3 (March 1936).

²⁴ НАК, ф. МГ 28 V68, т. 1, д. 2: «Общество “Суоми” в Монреале»; Опубликованный устав организации COLFC.

двери»²⁵. У Салмио были веские причины для гордости. К 1936 г. филиал его организации в Кирклэнд Лейк смог устроить на работу всех лояльных ей финнов. Люди из «белых» списков вытесняли людей из «черных» списков²⁶.

Культурные мероприятия также играли важную роль в деятельности COLFC. Ее филиалы организовывали патриотические фестивали в русле традиций движения за Великую Финляндию, как, например, «фестивали соплеменников» — *heimojuhlat*. Отмечались национальные праздники: День независимости Финляндии, День Калевалы, юбилеи финских писателей и поэтов. Как и левые организации до них, националисты организовывали общественные клубы, в которых, как правило, были хор, театр, различные спортивные секции. Они интенсивно развивали культурные обмены с Финляндией. В годы депрессии центром буржуазного финского национализма стал Монреаль, где проживала примерно половина членов COLFC. Руководство COLFC считало, что ни одна из финноязычных канадских газет не соответствует ее целям, и в 1935 г. начало печатать собственную газету «*Isänmaan ääni*» («Голос родины»). В 1935 г. многие члены COLFC объединились и основали Канадское общество ветеранов гражданской войны в Финляндии. Общество приглашало в свои ряды всех иммигрантов, участвовавших в гражданской войне в Финляндии на стороне победителей, белой гвардии, против «красных»²⁷.

Несмотря на небольшое число членов, COLFC получила активную поддержку со стороны финских консулов, которые официально одобрили ее цели и дали положительную характеристику обществу Правительству Финляндии. Первый генеральный консул Финляндии Аксели Рауанхеймо (1923—1933) надеялся, что организация поможет улучшить репутацию финнов в Канаде. Следующий консул, А. Й. Ялканен (1932—1939), ярый антикоммунист,

²⁵ НАК, ф. MG28 V68, т. 8, д. 25: «Общество “Суоми” в Монреале»; Открытое письмо Лаури Салмио, 7 мая 1932 г.

²⁶ Архив Онтарио, оп. 13, D-16. Ежегодный доклад за 1935—1936 гг. филиала в Киркен-Лейк Общества лояльных финнов в Канаде.

²⁷ *Raivio*. Kanadan suomalaisten historia. Vol 2. P. 317—323.

активно участвовал в работе организации и пропагандировал ее деятельность. Его многочисленные выступления в канадской прессе дают четкое представление о мотивах его деятельности: «Для многих канадцев слова “финн” и “коммунист” являются синонимами; именно для того, чтобы развеять это заблуждение о наших соотечественниках, и была основана COLFC»²⁸.

Параллельно усиливалась деятельность и финских религиозных организаций, в которые вступало все больше членов. Это привело к появлению религиозных объединений и печатных изданий в масштабе всей Канады. В 1925 г. финские пресвитерианские приходы вошли в состав объединенной церкви Канады. В 1931 г. они начали публиковать «*Canadan Viesti*» («Новости Канады»). В начале 1930-х гг. возросло влияние финской церкви пятидесятников, публиковавшей «*Totuuden Todistaja*» («Свидетель истины»). Однако более значимым являлось то, что в результате Великой депрессии произошла реорганизация лютеранской церкви Канады под эгидой Объединенной лютеранской конгрегации Америки (*United Lutheran Congregation of America — ULCA*). С помощью преподобного Сааринена в 1931—1935 гг. конгрегации удалось основать десять новых финских приходов в Канаде. В 1935 г. ULCA начала публиковать газету «*Isien Usko*» («Вера отцов») ²⁹. Во время депрессии, помимо духовной помощи, лютеранские приходы оказывали нуждавшимся прихожанам материальную помощь и предоставляли свои помещения для культурной и образовательной деятельности. Временами они присоединялись к борьбе против финского левого радикализма, что позволило Маури Ялава и Ойве Сааринену назвать их «воинствующей церковью» ³⁰. К концу Великой депрессии социальная,

²⁸ НАК, ф. MG28 V68, т. 7, д. 11: «*Montreal Suomi-Society*» newspaper clipping, 26 January 1934 (*Montreal Gazette* ?); see also *La Presse*, 27 February 1934.

²⁹ *Lindström Varpu*. *Defiant Sisters*, chapter 6, «Women in the Immigrant Church». P. 115—137; *Pilli Arja*. *The Finnish-Language Press in Canada, 1901—1939. A Study in the History of Ethnic Journalism*. Turku: Institute of Migration, 1982. P. 4.4. Church Publications, *Canadan Viesli* (1931—) and *Isien Usko* (1935—). P. 256—263; *Raivio*. *Canadan suomalaisten historia*. Vol. 1. *Lutherans*. P. 232—237, *United Church of Canada* 307—313, *Pentecostals* 325—343.

³⁰ *Jalava M.* Op. cit. Chapter 11: *The Fighting Church, 1920—1932*. P. 154—178; *Saarinen O.* *Between a Rock and a Hard Place, «The Fighting Church»*. P. 158—161.

культурная и политическая обстановка в финской диаспоре изменилась: левые силы и организации перестали быть доминирующей в ней силой. Их место заняли новые влиятельные силы: религиозные правые и консервативные националисты.

Заключение

Иммигранты, прибывшие незадолго до Великой депрессии, оказались в самом тяжелом положении. Не были исключением и финские иммигранты. Их стратегии выживания заключались либо в эмиграции из Канады, либо в объединении усилий в борьбе за лучшее будущее. Несмотря на то, что к концу Великой депрессии финская диаспора была ослаблена реэмиграцией, депортацией и бедностью, в ней возникли сильные несоциалистические организации. Левые силы еще сохраняли свое влияние среди канадских финнов, но их дни были уже сочтены. Слишком многое было против них: они подвергались постоянным гонениям, многие из их членов эмигрировали в Советскую Карелию, активизировались финские правые консервативные и националистические силы. В конечном итоге Великая депрессия разделила канадских финнов и усилила политические противоречия в их среде. В послевоенное время у иммигрантов был широкий выбор между различными политическими, культурными и религиозными организациями. Когда прекратилось воздействие Великой депрессии, поляризующее финскую диаспору, как правый, так и левый радикализм начал ослабевать. Хотя отголоски глубоких политических противоречий среди канадских финнов можно наблюдать до сих пор, многие бывшие исключительно политические организации стали более терпимыми и сменили свои прежние приоритеты на удовлетворение социальных, культурных и религиозных потребностей своих членов.

Перевод с англ. А. Голубева

Александр Осипов,
*преподаватель кафедры
истории стран Северной Европы
ПетрГУ (Петрозаводск, Россия)*

Культурное наследие канадских финнов — журнал «Кулак» («Nyrkki»)

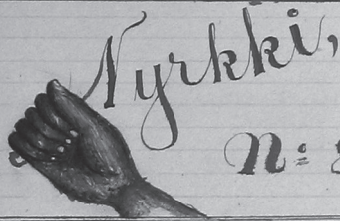
11 октября 1914 г. в городе Торонто вышел в свет первый номер рукописного журнала канадских финнов «Кулак» («Nyrkki»). Журнал издавался при поддержке отделения Финской социалистической партии города Торонто в течение нескольких лет и являлся печатным органом этой партии. В Фонде Переселенческого управления Национального архива Республики Карелии сохранились номера журнала за 1914—1917 гг.¹

Всего свет увидело около сорока номеров журнала, издававшегося с периодичностью примерно раз в месяц. Редактором первого номера стал Эрнст Бенсон, а его помощником — Юхан Латва. Согласно заведенной в журнале традиции, у каждого номера были свои редакторы, причем человек, выполнявший функции помощника, в следующем номере становился уже главным редактором. В разные годы функции редакторов исполняли Лаура Аутио и Тойво Харью, Лююли Паавилайнен и Ханна Хейккинен, Эмиль Хаппонен и Ольга Карвонен, Ханна Хонканен и Эмиль Тиссари, а также многие другие финны.

Журнал издавался на финском языке и был полностью рукописным. Объем одного номера колебался, как правило, от 6 до 8 листов (то есть от 12 до 16 страниц, исписанных с двух сторон) формата А 4. Иногда объем достигал и 10 листов. Каждый номер выполнялся чернилами одного цвета: синими, черными, либо красными. В журнале отсутствовали рисунки, исключение составляло только оформление названия издания.

¹ НА РК, ф. 685, оп. 1, д. 17/181, 17/182.

kuu
i.

Kirkki,

N: 8,

Toimitus:
J. Kärki.
Päätoimittaja.
J. H. Ahlgren.
Apulatoimittaja

Toronton S. S. O. ohjelmakoukuksissa lue-
lata kasinkirjoitettu agitasioni lehti.

Vuoden tervetiedys vuodesta 1915.

1) Tervetiedyt Klaudia Parkkosen
se tunne, mi valtaa miellet
käden yhdessä.
mahon saapi kielel
me innolla kynnätään?

2) Se tunne, mi lämmittelee
keloppaa toudellen
me käden ojentamun
oa alkua?

3) Se tunne, mi häilyy aavaan
en armittelemyksiä?
aus se oo lempiväisten
yrityksissä katvaa?

4) Se tunne, mi häilyy ei-
reio, joutakastamme
mitä voillaan ei.

5) Se tunne, mi hiljaa kuiskee
läi, laivo pottava
la sydämelle,
mal haaveel pottavi?

6) Se tunne, mi laivo jouta
leila kalkoa -?
dan silatäasi,
unholaan haudata?

7) Se tunne, mi pääskyn laite

Myrskyönnäkin visertää?
Mi vanhaan sydämet muorik' teopi
ja clan intta virillää -?

8) Miä on se tunne, mi väräytää
kellät säveleet kantaloan -?
suopi siltilä ihmisyymmien
Vuoden tähtiä antelaan.

9) Miä on se tunne, mi huolaa jälkeä
kalkovotkkoa kasvattaa.
kautakuunimelle, jossa keppel'
Suuren toudetun kimmuttaa.

10) Oi vuoden alkui, luo innostusta
tuon pyhän tunteen selvitäin!
Ja ohita viiriväisen helkkeytämme
Mikä veljiesi julistain?

Toveritar Klaudia Parkkosenle.

1) Tervetiedyksen sainnu lämpö-
män nyt tässä
Pöytäluu kun vaatii ihmiselämässä
kainleis ystävä, mielin vapaus.
Sii on todistena tänne tapaus.

2) Meillä toveritar, laivo rinnas
sansa,
On laistelussa myötä, lauluissansa
Meihin innastusta valmiis mielin
luomaan

3) Sitä kertansa yhteis kelpoaan alle
liis teamaan.
4) Kallat käyhan on koolin
askarissa kovat.

Авторы и редакторы позиционировали свой журнал как литературно-художественный и общественно-политический. Так, например, в первый номер журнала вошли колонка редакторов, полемические заметки о природе социализма и радикализма, написанные в популярном ключе, стихи Клаудии Паркканен, которая, к слову, станет одним из постоянных авторов журнала, и прочие публикации².

Структура журнала практически не изменялась в течение всего издаваемого периода. После приветственного слова редакторов, которое выполнялось иногда в поэтическом ключе, следовали статьи на политические, общественные и экономические темы. Примером приветствия редакторов является вот такое четверостишие, написанное разговорным языком:

Привет тебе, «Кулак»,
Отличный наш журнал,
Учитель наш и брат
Веселый зубоскал³.

Некоторые темы обсуждались из номера в номер, как, например, размышления о капиталистическом обществе в Америке и путях его развития в серии статей Вальтера Хейккинена «Рождение капиталистического общества» (так же, как и Паркканен, Хейккинен был постоянным автором журнала). Красной нитью через многие номера «Кулака» проходят и размышления о морали разных авторов «Что такое мораль?». Во вторую часть журнала входили рассказы и эссе, лирика, анекдоты и байки.

Тема взаимоотношений рабочего класса с нанимателями стала одной из основных для журнала. Авторы «Кулака» неоднократно выступали с критикой существующей в Северной Америке капита-

² Nyrkki. 1914. № 1.

³ Nyrkki. 1915. № 19. Здесь и далее перевод автора.

листической системы. Примером этого служит статья в январском номере журнала за 1916 г. «К сведению классовых братьев и сестер»: «Вся капиталистическая система основывается на эксплуатации, на разграблении плодов труда рабочего класса. Капиталисты всегда пытаются выжать столько прибыли из энергии рабочих, сколько возможно. Рабочему классу платят лишь часть [денег] за его труд. Однако не только рабочие промышленности оказались эксплуатируемыми капиталистами, тяжелый груз пал и на плечи сельского населения...»⁴.

Противостояние рабочих и буржуазии нередко выражалось и в поэтической форме. Так, на страницах «Кулака» появилось стихотворение Ниило Нурми:

Восстань, народ, из нищеты,
Куда поверг тебя мучитель,
Восстань, народ, и будешь ты
Своей судьбы вершитель.

Под шумный звон колоколов
Идет веселье у господ.
Что получил от них народ?
Лишь крохи с праздничных столов⁵.

К числу одной из постоянных тем, затрагиваемых на страницах журнала, следует отнести и проблему отношения к Первой мировой войне. Так, в декабре 1915 г. в «Кулаке» появилась большая статья под названием «Что такое война», обозначившая позицию журнала и партии по этому вопросу: «Война — это убийство рабочего

⁴ Nyrkki. 1916. № 23.

⁵ Nyrkki. 1915. № 7. Переведено частично.

класса. Для рабочего класса война означает бедность, страдания, одиночество, потерянности, а также утрату здоровья лучшими людьми нации или смерть. Поэтому в среде рабочего класса возрастает интерес к милитаризму, на котором и строится вся капиталистическая система... Мы — рабочий класс. Однако для капиталистической системы сохранение принудительной власти — это единственный способ сохранить текущее положение. Если не будет милитаризма, то не будет и капитализма»⁶.

В журнале не было постоянных рубрик (кроме анекдотов и продолжающихся статей), поэтому заметки на политические темы плавно перетекали в поэзию и прозу. Основным жанром поэзии были короткие стихотворения о природе (преобладали темы времен года). Среди прозы также следует выделить рассказы о природе, кроме того, популярным был жанр описания путешествий или отпусков.

Неотъемлемой составляющей «Кулака» являлся юмор. Своеобразные финские шутки присутствовали в рубрике, названия которой менялись, но суть оставалась прежней. В каждом номере журнала два или три раза между статьями и стихотворениями размещалась рубрика под названием «Сказал», «Сказали», «Анекдоты» или «Байки». Примеры оригинального финского юмора, иногда с поправкой на американскую действительность, приведены ниже: «И мне достались мужские брюки, осталось только получить мужчину, — сказала Лююли Ярви, когда речь зашла о мужчинах». «Я вовсе не корова, — сказала Анни Паакко, когда угощали сеном». «Нет, я не пойду работать швеей. Я собираюсь вязать носки для солдат, — сказала Сойми Никкаринен, когда ей предложили эту работу». «Ого, да здесь гораздо интереснее, чем в зале отделения Финской социалистической партии Торонто, — сказал Ехан Нюман, когда смотрел спектакль с участием девушек». «Сейчас поедем “this way”, — сказала Анна Рютканен, когда бычок свернул с авеню»⁷.

⁶ Nyrkki. 1915. № 22.

⁷ Nyrkki. 1915. № 10.

В журнале «Кулак» появлялись и другие заметки: размышления о будущем, объявления и приглашения на праздники, проводимые финскими социалистами в Канаде, переписка с рабочими из Детройта и многое другое. На основании материалов журнала представляется возможным выяснить позиции финских социалистов по вопросам внутренней и внешней политики (отношение к Первой мировой войне и революции в России), оценить культурное наследие канадских финнов. «Кулак» — это, безусловно, ценный источник жизни финских переселенцев в Канаде, по-настоящему «живой» журнал, который еще ждет своего исследователя.

Ирина Такала,
*зав. кафедрой
истории стран Северной Европы
ПетрГУ (Петрозаводск, Россия)*

Североамериканские финны в довоенной Карелии

Об американских финнах и их жизни в СССР написано уже немало. Тем не менее очень многие проблемы остаются вне поля зрения историков, а целый пласт архивных материалов, в изобилии хранящихся в российских архивах, все еще не введен в научный оборот. Научные проекты, которые сейчас осуществляются силами канадских, финляндских, американских и российских исследователей¹, направлены, прежде всего, на выявление и сбор всех источников (архивных, газетных, записи интервью и пр.) по истории североамериканских финнов в Карелии и сведение их в единую базу данных. На основе собранной информации предполагается в дальнейшем провести полномасштабную историческую реконструкцию истории пребывания североамериканских финнов в Советской Карелии в 1920—1950-е гг.

Данный сборник является лишь первым шагом в этом направлении. И цель настоящей статьи — познакомить читателей с историей появления финнов из Канады и США в Советской Карелии в 1930-е гг., сосредоточившись на таких важных и спорных вопросах, как причины переселения, структура и численность североамериканской диаспоры в республике, степень адаптации североамериканцев в новом обществе и причины краха переселенческой политики.

Мысль о привлечении в Карелию финнов из США и Канады у руководителей Советской страны возникла сразу же после революции. Возглавивший в 1920 г. только что образованную Карельскую трудовую коммуну Эдвард Гюллинг начал собирать в республику финнов-эмигрантов, претворяя в жизнь идею о создании на-

¹ См. раздел «Научная жизнь» данного сборника.

циональной карело-финской автономии. Причем изначально речь шла не только о политэмигрантах, участниках революционных событий 1918 г. В начале 1920-х гг. карельские власти неоднократно обсуждали вопросы об использовании в экономике республики иностранной рабочей силы². Тогда же появились в республике и первые североамериканские финны. В 1922 г. начала работать на севере края, в Княжьей Губе, артель рыбаков из США, три года спустя на заболоченных землях Олонецкого района группа канадских рабочих и фермеров создала сельскохозяйственную коммуну «Säde».

Слабо населенная Карелия действительно остро нуждалась в квалифицированной рабочей силе. По мере того как росли темпы экономического развития и в стране принимались планы, один грандиознее другого, дефицит кадров ощущался все острее. Производственные задания по лесозаготовкам постоянно увеличивались, ввоз же сезонных рабочих — а это ежегодно были десятки тысяч человек — оказался мероприятием дорогостоящим и малоэффективным. Выход из положения виделся республиканским властям в расширении переселенческих мероприятий и в увеличении притока рабочих-финнов из Северной Америки. В 1930 г. в США и Канаде насчитывалось около 173 тысяч финляндских иммигрантов. Лучшие из этих людей, по замыслам карельского руководства, должны были составить костяк национальных пролетарских кадров республики.

Поначалу предложения Карелии категорически отвергались высшими властями. ОГПУ СССР, Наркомат иностранных дел и Совнарком РСФСР мотивировали свои отказы тем, что «использование иностранных рабочих в советских условиях неэффективно»³. Но в рабочих руках и квалифицированных кадрах нуждалась вся страна, с раскручиванием кампаний по коллективизации и индустриализации это становилось все очевиднее. Состоявшийся летом 1930 г. XVI съезд ВКП(б), вошедший в историю как «съезд

² НА РК, ф. 550, оп. 1, д. 3/37, л. 219; ф. 115, оп. 1, д. 7/70, л. 5; ф. 682, оп. 1, д. 1/10, л. 5—6.

³ Там же, ф. 690, оп. 1, д. 17/181, л. 14—15, 17—18.

развернутого наступления социализма по всему фронту», взял курс на приглашение иностранных инженеров, мастеров и квалифицированных рабочих в СССР⁴. Это решение коренным образом изменило ситуацию.

Осенью 1930 г. в Карелию прибыла первая небольшая группа лесорубов из Канады⁵. Тогда же был, наконец, согласован с московским руководством вопрос о массовом переселении квалифицированных рабочих-финнов из Северной Америки. Отметим, что вопрос решался на самом высоком уровне, Гюллинг лично обговаривал его со Сталиным и Молотовым. В течение 1931—1932 гг. последовал целый ряд постановлений СНК СССР, РСФСР и Карелии, определявших количество привлекаемых на лесоразработки иностранных рабочих⁶, и массовое переселение финнов из Северной Америки в Карелию началось.

Понятно, что осуществление переселенческой политики было бы невозможно, не будь отклика со стороны самих американских финнов. Об этом достаточно много написано. Отметим лишь, что руководство Карелии начало активную пропагандистскую работу среди финского населения США и Канады задолго до принятия главных решений и важную роль в деле агитации и пропаганды «социалистического образа жизни» сыграли левая пресса Америки и коммунисты.

В 1921 г. в США был создан первый Комитет помощи Советской Карелии, который возглавил член компартии Америки (далее — КПА) Юрьё Халонен. Комитет выпустил и распространил среди финского населения облигации на сумму 20 тысяч долларов. Созданный таким образом Рабочий банк на протяжении 1920-х гг. провел целый ряд финансовых операций, в том числе с земельными участками. Полученные деньги использовались для оказания помощи Карелии, на них приобретались необходимые для республики товары и техника. Финансовой деятельностью Комитета занимался

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953. № 2. С. 589.

⁵ НА РК, ф. 690, оп. 1, д. 20/222, л. 32—33.

⁶ КГАНИ, ф. 3, оп. 5, д. 276, л. 50—53.

Матти Тенхунен, получивший в те годы за свою коммерческую предприимчивость ироническое прозвище «торговец иголками». Тенхунен переехал из Финляндии в США восемнадцатилетним юношей в 1905 г. Долгие годы он работал в издательстве «Tuomies», был организатором и лектором КПА в Супериоре, штат Висконсин⁷. В конце 1920-х гг. по командировке Коминтерна он несколько раз приезжал в СССР и, очевидно, тогда сблизился с карельским руководством, став одним из главных пропагандистов переселенческих идей в США.

В ЦК КПА на деятельность Халонена и Тенхунена смотрели с подозрением. Трения, которые постоянно существовали между Американской компартией и Финским рабочим союзом, входившим в нее на правах коллективного члена, сказывались и на отношении ЦК к переселенческой политике. Впрочем, многое тогда в партийных отношениях диктовалось Коминтерном. В 1922 г. Халонен был вызван в Москву. От него потребовали отчета: по чьему поручению он действует в Америке? И в конце концов исполком Коминтерна предложил ему немедленно ликвидировать организацию. Поскольку работа продолжалась, в 1930 г. Халонен по указанию Коминтерна был исключен из КПА «за оппозиционную деятельность»⁸. Однако ситуация уже менялась.

После XVI съезда ВКП(б) в Коминтерне была сделана ставка на финнов и ЦК КПА пришлось с этим считаться. Матти Тенхунена перевели в Нью-Йорк, и после того, как Москва утвердила планы Гюллинга, он перешел на работу в представительство Наркомата труда Карелии в Нью-Йорке. В феврале 1931 г. Тенхунен переехал в Петрозаводск, а два месяца спустя вернулся в Америку уже со специальным заданием карельского правительства⁹.

1 мая 1931 г. в Нью-Йорке начал свою деятельность Комитет технической помощи Советской Карелии. Основной задачей созданной Тенхуненом организации была широкомасштабная вербовка финнов с целью переселения их в КАССР. До 1932 г. Комитет возглавлял

⁷ КГАНИ, ф. 3, оп. 5, л. 276, л. 26, 28; оп. 6, д. 10792, л. 2—3.

⁸ Там же, ф. 3, оп. 5, л. 276, л. 27.

⁹ Там же, ф. 5, д. 276, л. 27; оп. 6, д. 10792, л. 6—7.

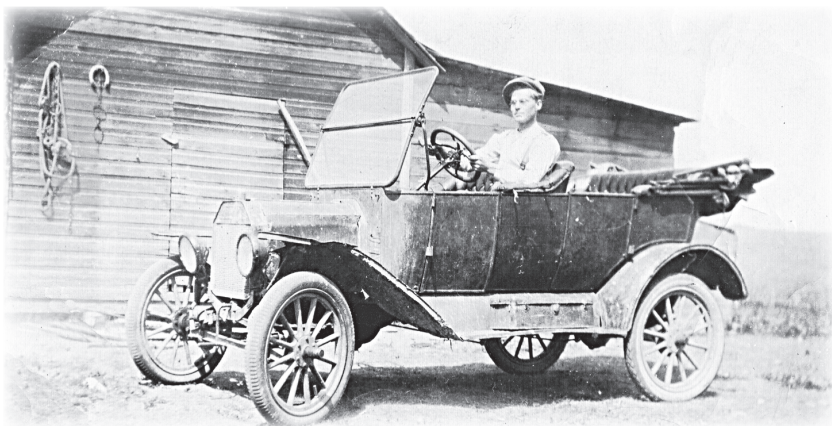
Калле Аронен, а затем, до 1934 г., Оскар Корган. Отделения организации были созданы и в некоторых других штатах США, где проживали финны, а также в Торонто¹⁰. Канадским Комитетом технической помощи бесценно руководил Джон (Юсси) Латва.

Аронен, Корган и Латва были членами финских секций местных компартий, однако отчитывались в своей деятельности они только перед карельским правительством, поскольку числились работниками созданного осенью 1931 г. в Петрозаводске Переселенческого управления. Матти Тенхунен, возглавивший иностранный отдел управления, координировал всю деятельность Комитета. Подобное положение чрезвычайно раздражало ЦК КПА, что и обусловило, в частности, его негативное отношение к переселенческой политике. В Канаде дело обстояло по-другому, там компартия сразу же поддержала идею вербовки и всячески способствовала ее осуществлению. Так началось в Северной Америке то, что впоследствии в литературе назовут «карельской лихорадкой».

Помимо вербовки Комитет технической помощи Карелии занимался закупкой техники, оборудования и других товаров, необходимых для республики. Источников финансирования у организации было несколько. Во-первых, добровольные взносы и пожертвования американских граждан, во-вторых, отчисления пароходных компаний, перевозивших эмигрантов через океан и плативших Комитету комиссионные в размере 11 долларов 50 центов за взрослого и 5 долларов 75 центов за ребенка. Главным же источником пополнения средств были отчисления самих переселенцев. Сдавая валюту в так называемый машинный фонд, эмигрант получал от руководителя Комитета квитанцию, по которой в СССР ему должны были компенсировать взнос в рублях (по золотому курсу — 2 рубля за 1 доллар). Если верить документам, всего за годы активной деятельности Комитета (1931—1934) только в США сумма взносов в машинный фонд составила 162 146 долларов. По квитанциям, выданным Ароненом и Корганом, Переселенческое управление за те же годы выплатило приезжавшим 304 629 рублей¹¹.

¹⁰ Там же, ф. 5, д. 276, л. 60, 64, 68—69; НА РК, ф. 685, оп. 1, д. 4/40, л. 195.

¹¹ КГАНИ, ф. 3, оп. 5, д. 276, л. 29, 60, 69.

Норма жизни финской семьи в Канаде — свое хозяйство и автомобиль. 1920-е гг. Из личного архива В. В. Лекандера

Легко подсчитать, что около 10 тыс. долларов остались некомпенсированными.

Закупленное оборудование перевозили в республику сами переселенцы, что позволяло избегать транспортных расходов, а главное — таможенных сборов. Дело в том, что по постановлению СНК СССР иммигранты имели право беспошлинно ввозить в Союз не только личное имущество, но и целый ряд производственных товаров (по спискам, утвержденным Наркоматом внешней торговли). Привезенную таким образом технику правительство реализовывало через Переселенческое управление хозяйственным организациям с 50%-й надбавкой к стоимости. Полученные средства должны были расходоваться на улучшение положения иностранных рабочих. В 1934 г., когда поток иммигрантов иссяк, а взносы в машинный фонд почти прекратились, карельскими властями был принят ряд стимулирующих постановлений¹². В частности, рабочим, внесшим деньги в машинный фонд, СНК гарантировал возмещение расходов по переезду из США в СССР и обратно (по истечении трудового договора).

¹² Там же, л. 51, 53, 62, 70, 72—73.

Кроме товаров, приобретенных на средства Комитета, сами рабочие везли купленные на личные сбережения оборудование и инструменты, которые затем реализовывали через Переселенческое управление (по золотому курсу). Впрочем, как и в случае с взносами, деньги за привезенную технику некоторые так и не получили. В целом, по неполным данным, на средства североамериканских финнов для Карелии в те годы было приобретено машин, оборудования и инструментария на сумму более чем 500 тысяч долларов США, или 1 миллион рублей в золотой валюте.

Кто же были эти люди, решившиеся второй раз круто изменить свою жизнь и отдававшие порой все до последнего цента для того, чтобы попасть в СССР?

Прежде всего, следует подчеркнуть, что практически никто из иммигрантов абсолютно не представлял себе реального положения вещей и страны, куда они ехали. Очень многие совершенно искренне стремились своим трудом и своими деньгами помочь молодой социалистической республике строить светлое коммунистическое завтра. Вера в социализм была сильна в те годы среди многих рабочих во всем мире, а захлестнувший Европу и Америку экономический кризис только укреплял ее. Те, кто писал в газеты: «Мы приехали в Советский Союз для того, чтобы вместе с вами строить социализм»¹³, — не лукавили, они действительно так думали, по крайней мере вначале. Весьма активная пропагандистская кампания, развернутая левой печатью и предшествовавшая вербовке, дала свои плоды. Естественно, ехали в Карелию и те, кто покинул Финляндию по политическим соображениям: своей мечте о коммунизме и мировой революции они оставались верны до конца. Отметим, однако, что, по нашим примерным подсчетам, из всей массы переселенцев коммунисты составляли менее 15%.

Не стоит сбрасывать со счетов и факторы чисто психологического порядка. Большинство финнов, уехавших когда-то с родины в поисках работы и лучшей доли, нашли себе занятие за океаном. Но Америка не смогла заменить им отечество, что еще острее ощущалось в условиях кризиса. Карелия же — это почти Финляндия, это почти

¹³ Красная Карелия. 1932. 28 марта.

дом... Энтузиазм и предвкушение перемен испытывали даже те, кто не слишком верил пропаганде коммунистической печати. Продолжение поисков потерянного рая в наибольшей степени было свойственно именно тем, кто уже однажды искал его и не нашел. Были среди иммигрантов и отчаявшиеся, и, наоборот, те, кто надеялся округлить свой капитал, занявшись предпринимательством на новом месте. Были и откровенные авантюристы, искатели приключений.

Отбор кандидатов, по крайней мере первые два года вербовки, шел в несколько этапов. Желающие ехать в СССР должны были заполнить анкету и получить рекомендацию местной рабочей организации. Предложения с мест рассматривали центральные комиссии в Нью-Йорке и Торонто, откуда списки рекомендуемых отправляли в Петрозаводск. Советские и партийные органы Карелии утверждали списки, после чего документы направлялись в Москву для оформления въездных виз. Критерием отбора кандидатов для всех инстанций была профессиональная подготовка рабочего и его идейно-политические убеждения. Однако комиссии зачастую руководствовались несколько иными соображениями. В одних случаях это был чисто корпоративный подход — предпочтение отдавалось родственнику или товарищу, в других, что встречалось чаще, во внимание принималась сумма, которую претендент мог внести в машинный фонд. Отметим, что вопрос о размере возможного денежного взноса во многих анкетах стоял первым.

Проезд до Петрозаводска иммигранты оплачивали сами, лишь небольшая часть низкооплачиваемых рабочих (несколько сотен человек, в основном канадские лесорубы) приехала в Карелию за счет Комитета или своих товарищей. Трудовое соглашение заключалось с переселенцами на два года¹⁴. Об искренности намерений иммигрантов свидетельствует тот факт, что многие полностью распродавали свое имущество, закрывали счета в банках, лишая себя возможности вернуться. Самым удивительным было то, что в СССР ехали люди, которые должны были бы, кажется, представлять, на что они идут. Летом 1932 г. в Карелию переехал Калле Аронен.

¹⁴ КГАНИ, ф. 3, оп. 5, д. 276, л. 20, 81.

Два года спустя, когда вербовка уже шла на нет, а вернувшиеся из Союза люди рассказывали ужасные вещи, с семьей в Петрозаводск приехал Оскар Корган. Возможно, этот шаг был последним аргументом Комитета в пользу переселенческой политики, стоявшей на грани краха. Матти Тенхунена, Калле Аронена и Оскара Коргана впереди ждал расстрел. Юсси Латва остался в Канаде.

Особенно интенсивно вербовка шла первые два года. В 1931 г. карельское правительство планировало завезти в республику 2846 рабочих. Как явствует из отчетной докладной записки, план был выполнен на 58,5% — рабочих в разные организации приехало лишь 1664 человека (без членов семей)¹⁵. Дело в том, что переселение из Северной Америки сразу же пошло не так, как планировали в Карелии. Несмотря на принятые решения, целый ряд государственных организаций, начиная с ОГПУ, всячески препятствовали этому процессу.

О серьезном противодействии со стороны ОГПУ свидетельствует, например, записка первого секретаря карельского обкома партии Густава Ровио, составленная в мае 1932 г. на имя Сталина¹⁶. В ней коротко напоминалась предыстория проблемы и далее сообщалось следующее. В феврале 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) разрешило ввезти в Карелию из Канады и США 2000 лесорубов. В сентябре правительство России дало разрешение на дополнительный завоз 785 рабочих — строителей, механиков и других. Наконец, весной 1932 г. Политбюро приняло решение о ввозе из США еще 250 рыбаков. Во исполнение этих решений, писал Ровио, была развернута широкая работа по вербовке людей, которую вели представители Карелии при поддержке и содействии компартий Канады и США.

К 1 мая 1932 г. было завербовано 3734 рабочих, с членами семей — 6425 человек. Приехало из них в республику к середине мая 1764 рабочих, с членами семей — 3228 человек. Остальные заполнили анкеты и были готовы к отъезду, но из-за противодействия представителя ОГПУ Наркомат иностранных дел не выдал им въездных виз. Сложилось, по мнению Ровио, безобразное и скандальное положение:

¹⁵ Там же, ф. 3, оп. 2, д. 595, л. 18—19.

¹⁶ Там же, ф. 3, оп. 5, д. 276, л. 19—23; см. также: ф. 3, оп. 2, д. 790, л. 1—4.

сотни завербованных рабочих с семьями упаковали вещи, распро-дали лишнее имущество и месяцами сидят на чемоданах в ожида-нии визы. В результате некоторые уже не смогут приехать, так как они за это время проели деньги, отложенные на дорогу.

Обосновывая свои просьбы к ЦК партии воздействовать на ОГПУ и НКВД с тем, чтобы они немедленно возобновили выдачу виз, Ровио привел целый ряд фактов, доказывающих, по его мнению, целесообразность переселенческой политики. Он напоминал, что завоз ведется на безвалютной основе, рабочие едут за свой счет, и при этом везут необходимый инструментарий и машины. В общей сложности в Карелию уже завезено оборудования на сумму свыше 130 тысяч долларов. Свои валютные сбережения американские фин-ны отдают также в заем карельскому правительству для покуп-ки машин, облигаций государственных займов ими приобретено на сумму более 100 тысяч рублей. Только в Петрозаводске иностран-цами собраны деньги на два самолета (60 тысяч руб.), моториза-цию погранвойск (6386 руб.) и на танк имени Куусинена (4542 руб.). Переселенцы трудятся по-ударному, в большинстве своем это высо-коквалифицированные специалисты, они вносят массу рацпред-ложений, внедряют новые технологии в производство. Все едут с семьями, что свидетельствует о серьезности их намерений обосно-ваться в Карелии. Из 3228 человек за полтора года домой вернулись лишь 73.

В заключение Ровио просил Сталина поддержать ходатайство СНК Карелии о дополнительном завозе из США и Канады еще 6 тысяч рабочих.

Вероятно, документ этот возымел какое-то действие. По данным кар-ельского ГПУ, к 1 октября 1932 г. в республике было уже 4399 аме-риканских финнов (мужчин — 2354, женщин — 1051, детей — 994)¹⁷. Размещались они в следующих местах: Петрозаводск, Соломен-ное, совхоз № 2, Лососинное, Октябрьский лесозавод, Шуя, Вилга, Матросы, Интерпоселок, Кондопога, Ильинский лесозавод, Шуньга, Шокша, Луголампина, Ухта и Тумча.

¹⁷ Там же, ф. 3, оп. 5, д. 276, л. 54.

Североамериканские финны в совхозе «Ильинский» Олонецкого района, начало 1930-х гг. Из личного архива В. В. Лекандера

Вопрос о том, сколько всего финнов из Канады и США переехало в начале 1930-х гг. в Карелию и какое количество вернулось обратно, до сих пор вызывает споры. В литературе встречаются самые разнообразные мнения на этот счет.

Следует отметить, что в публикациях 1930-х гг. преобладают такие определения, как «канадские финны» или «канадские лесорубы». Так называли почему-то всех североамериканцев, хотя, по нашим подсчетам, иммигранты из Канады составляли не более 40% от всех приехавших. Возможно, сначала США публично не упоминались просто потому, что между нашими странами не существовало дипломатических отношений. С Канадой, правда, они были установлены еще позже, в 1942 г., однако это была страна, которая даже с расширенными по Вестминстерскому статуту (1931 г.) правами оставалась британским доминионом. К тому же большинство канадцев в отличие от более разнообразного контингента переселенцев из США действительно были лесорубами или имели другие, вполне пролетарские (и низкооплачиваемые) специальности. Но в конце 1930-х гг. термин «финно-канадцы» перекочевал даже в закрытые документы. Остается предположить, что США на протяжении всех 1930-х гг. оставались для Советского Союза государством, могущество которого заставляло не помянуть его всуе.

Очень часто встречается и определение «иностранные рабочие». Означать оно могло что угодно — в Карелии тогда работали шведы, датчане, норвежцы, немцы, чехи, англичане, даже китайцы.

Все это чрезвычайно осложняет подсчеты, сохранившиеся же в республиканских архивах документы настолько разноречивы, запутанны и обильны, что обработка и сопоставление приведенных там цифровых данных и многочисленных списков переселенцев займет еще немало времени. Не вдаваясь в подробности, отметим, что, по нашим предварительным подсчетам, за 1931—1935 гг. в Карелию переехало около 6—6,5 тысяч североамериканских финнов¹⁸.

¹⁸ Такала И. Р. Судьбы финнов в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 95—97; Она же. Финское население Советской Карелии в 1930-е годы // Карелы, Финны: Проблемы этнической истории. М., 1992.

Свыше трети из них составляли не занятые на производстве женщины и дети.

Большинство переселенцев трудилось в таких крупных и разветвленных организациях, как Кареллес, Стройобъединение, Карелдортранс, Совхозтрест и др. Если говорить о лесозаготовителях, то самые многочисленные группы иммигрантов работали в Петрозаводском показательном леспромхозе, в заготовительных пунктах поселков Матросы, Вилга, Интерпоселок, на лесозаводах «Ильинский» и им. Октябрьской революции, а также в Ухтинском, Тунгудском и Сегозерском ЛПХ. Кстати, лишь 50% переселенцев, направленных в Сегозеро и 15% — в Тунгуду, имели навыки работы в лесу, хотя в анкетах у большинства в графе «Профессия» значилось «Лесоруб». В целом в системе Кареллеса трудилось около 60% приехавших рабочих. Новые орудия труда, привезенные иммигрантами (начиная со знаменитых лучковой пилы и канадского топора), новые технологии по рубке и вывозу древесины, умелая организация труда — все это имело большое значение для развития отрасли.

Самые крупные американские колонии были в Петрозаводске, Кондопоге, Прионежском и Пряжинском районах. Точно назвать численность населения того или иного иностранного поселка очень сложно. Во-первых, переселенцы постоянно мигрировали, хотя поменять место работы было чрезвычайно трудно. Некоторые хозяйственные организации занимались переманиванием рабочих друг у друга, например, неофициальную вербовку среди иммигрантов вела Кондопожская бумфабрика. Перемещение шло от периферии к центру, люди пытались отыскать приемлемые для себя условия жизни и работы, но, как правило, это мало кому удавалось. Отсюда следует, во-вторых: с конца 1932 г. постоянно и быстро нарастало число желающих покинуть Карелию. Рабочие уезжали, не дождавшись окончания срока трудового договора, иногда даже без расчета. Далеко не все информировали Переселенческое управление о своем отъезде, поэтому судить о количестве уехавших можно лишь приблизительно. По нашим подсчетам, к осени 1935 г. республику поки-

С. 171. Примерно к таким же выводам пришел Р. Керо, использовавший другие источники (*Kero R. Neuvosto-Karjalaa Rakentamassa. Helsinki, 1983. S. 58*).

нуло свыше 1,5 тысяч человек¹⁹. Те, кто уезжал, и многие из тех, кто оставался, испытывали приблизительно одно и то же: над всеми остальными чувствами превалировало ощущение, что их жестоко и бессовестно обманули.

Рассказы реэмигрантов, писавших в американские газеты о тех мытарствах, которые им пришлось пережить, отрезвляюще действовали на соотечественников. В 1933 г. поток переселенцев в СССР сократился почти в 4 раза, а к лету 1935 г. он практически иссяк. Впрочем, желающих приехать в Карелию оставалось еще довольно много, особенно в Канаде. Если верить сохранившимся в Национальном архиве запискам Гюллинга, к началу сентября 1935 г. свыше 3 тысяч человек (2232 из Канады и 971 из США) были готовы к отправке в СССР. Они имели визы, но не имели денег на билеты, и Гюлинг просил Москву обеспечить перевозку рабочих силами Совторгфлота²⁰. Как видим, контингент переселенцев существенно изменился, взносы в машинный фонд перестали поступать, Комитет технической помощи и Переселенческое управление остались без средств, и это означало конец переселенческой политики. Да и действовать Комитет продолжал только в Канаде. С отъездом Коргана в 1934 г. из США вербовка там практически прекратилась. Что касается Переселенческого управления, то участь его, как и судьба правительства Гюллинга, в то время была уже predetermined.

Одной из основных причин краха переселенческой политики была полная неподготовленность обеих сторон к столь долгожданной встрече. Со стороны карельского руководства, правда, подготовке к приему иностранных рабочих уделялось особое внимание. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в архивах многочисленные документы и отчеты разных организаций о работе по подготовке к приему переселенцев, о состоянии их жилья, условий жизни и работы. Но эти же отчеты свидетельствуют и о вполне советском подходе к делу — слова часто расходились с делами. Да и возможно ли было в Карелии 1930-х гг. создать иностранцам привычные

¹⁹ Такала И. Р. Финское население Советской Карелии в 1930-е годы. С. 171; НА РК, ф. 690, оп. 3, д. 70/623, л. 48. Ср.: Kero R. Op. cit. S. 199.

²⁰ НА РК, ф. 685, оп. 1, д. 9/97, л. 74—75, 77.

для них условия? Что же касается североамериканцев, то большинство из них, несмотря на весь свой энтузиазм, оказалось абсолютно не готово к «советскому образу жизни».

То, что в документах именуется «жилищно-бытовыми условиями», вызывало у переселенцев шок: они не привыкли жить в бараках по 5—6 человек в комнате, безо всяких удобств (один умывальник на 3 барака). В некоторых организациях в одну комнату селили по 2—3 семьи. В помещениях, не приспособленных для зимы, не было света, мебели, они кишели насекомыми. Лучше всего дело с размещением обстояло в Петрозаводске и тех поселках, где иностранцы сами строили себе жилье. В других местах рабочие также готовы были строиться, но постоянно не хватало материалов, транспорта, денег и т. д.²¹

Второй проблемой было питание. Приезжавших сразу прикрепляли к общественным столовым, но кормили там безобразно и дорого. «Живем неважно, — писал из Кондопоги домой один из переселенцев. — Все время нажимают, а насчет питания не заботятся. Здешние обеды ни в какое сравнение не идут с питанием американского безработного: на первое суп — водянистая похлебка, на второе несколько штук ряпушек, и стоит это 1,5 рубля»²². В некоторых районах даже за таким скудным обедом приходилось выстаивать по 2 часа в очереди, поскольку не хватало не только продуктов (мяса, масла, овощей), но и столовых.

Из-за недоброкачественной и непривычной пищи многие приехавшие сразу начинали болеть, был зафиксирован целый ряд смертных случаев от желудочно-кишечных заболеваний. Качественная медицинская помощь оказывалась далеко не всегда и не везде. Очереди к врачам превышали очереди в столовые, да в некоторых местах и не было врачей, лишь фельдшер с весьма скудным набором лекарств, не понимавший к тому же своих пациентов²³.

²¹ КГАНИ, ф. 3, оп. 2, д. 790, л. 5—11.

²² Там же, оп. 3, д. 41, л. 43.

²³ Там же, оп. 5, д. 276, л. 62.

Первое время существенным подспорьем для иммигрантов были магазины Инснаба. Каждый переселенец имел право на приобретение в течение месяца определенного количества продуктов питания по вполне приемлемым ценам. Инснабовские нормы были предметом зависти для местного населения, таких льгот не имевшего. Однако приобрести положенные товары можно было далеко не всегда. Лучшие магазины (в том числе валютные) были в Петрозаводске, в районах же перебои с продуктами являлись нормой, да и паек постоянно уменьшался.

В 1933 г. нормы были ликвидированы и американцы уже в полной мере могли оценить «прелести» окружавшей их жизни. Это решение вызвало весьма бурную реакцию среди переселенцев, во всех организациях состоялись собрания протеста. Вот, например, что говорил на собрании рабочих Петрозаводского авторемонтного завода Ниило Вильпус, приехавший из Детройта: «Теперь, когда инснабовские нормы изъяты, пропитание обходится на 300 руб. дороже, чем раньше. Это заставляет рабочих задуматься об отъезде. На моем столе, например, с момента отмены норм масла не было. Если в капиталистическом обществе человек работает, то ему голодать не приходится. Здесь же — голод каждый день, а мы, рабочие, прибывшие из Америки, не привыкли работать голодными»²⁴.

Камнем преткновения для многих становилась и производственная деятельность. Несмотря на то, что в ряде мест у иностранцев условия труда были значительно лучше, чем у местных рабочих (повышенные расценки, лучшие деланки, техническое оснащение), труд, ради которого они ехали в Карелию, не приносил удовлетворения. Адаптироваться к специфическим карельским условиям было очень трудно, на первых порах у некоторых даже высококвалифицированных рабочих выработка была вдвое ниже, чем у местных, — они просто не привыкли к такой организации труда, когда все приходится делать самому. Часть рабочих использовалась не по специальности. Американцев поражали бесхозяйственность на производстве, условия, в которых приходилось трудиться, безала-

²⁴ Там же, оп. 2, д. 790, л. 5—10.

берное отношение к делу многих рабочих и даже руководителей. Иногда возникали конфликты с администрацией: рабочие отказывались выполнять бессмысленные, на их взгляд, задания. Раздражали постоянные, из-за нехватки материалов, простои, сказывавшиеся на зарплате.

Во многих случаях оказывалось, что их опыт, квалификация, оборудование никому не нужны. Например, летом 1932 г. рабочие иностранного поселка на Голиковке в Петрозаводске пытались с возмущением втолковать проверяющему, что уже 9 месяцев не работает привезенная ими большая машина, выпускающая в час 17 тысяч кирпичей, в то время как по всей стране их не хватает. Рацпредложения иностранцев внедрялись слабо, рабочие почти не премировались. На производстве царил уравниловка, разброс в зарплате по организациям был очень велик (скажем, столяр на Лыжной фабрике получал 7—8 рублей в день, а в Каржилстрое — только 5)²⁵. Выплату денег нередко задерживали по два-три месяца. Как выразилась одна из работниц, «в Америке в качестве пособия по безработице я получала 30 долларов, хорошие с маслом и мясом бутерброды и не надо было работать, а здесь, как ни работай, получишь одну похлебку»²⁶.

Весьма угнетало приехавших и то, что поменять место работы оказалось чрезвычайно сложно. Формально американские финны не были лишены свободы передвижения, но на практике все обстояло иначе — столица не могла принять всех желающих, в целый ряд мест их не пускали, в результате многие иностранцы оказались в роли «приписных крестьян». Оставался только один выход — уехать совсем. «Что это за демократия, — удивлялись они, — когда не можешь поступить на работу по своему усмотрению?».

И еще одна вещь делала жизнь в Карелии для многих непереносимой: полное порой отсутствие какой-либо культурной жизни. Особенно страдали женщины, вынужденные из-за отсутствия хороших яслей и детских садов сидеть дома. «Мы можем ходить в пять мест, — говорили женщины в лесных поселках, — в лавку, за дро-

²⁵ Там же, оп. 2, д. 790, л. 7, 57.

²⁶ Там же, оп. 3, д. 359, л. 8.

вами, в баню, на колодец и в уборную. Разве это может удовлетворить живого человека?»²⁷. Правда, люди не сдавались. В Кондопоге, например, в 1934 г. только на бумажной фабрике одновременно работали драмкружок и молодежная художественная агитбригада, смешанный хор и оркестр, хореографический кружок и физкультурная бригада домохозяек. Но далеко не везде имелись помещения, где люди могли бы собираться вместе. В некоторых отдаленных лесопунктах не было радио, книг, газет, киноустановки приезжали редко, фильмы показывали без перевода.

Естественно, что адаптироваться в столь непривычных, непонятных и непохожих на то, о чем они мечтали, условиях американским финнам было очень сложно. Мешал также психологический барьер, существовавший между иммигрантами и местным населением. Обычно иностранцы жили компактно, старались работать отдельными коллективами, как можно меньше соприкасаясь с местными рабочими и администрацией. Чужой язык, а порой и весьма презрительное, высокомерное отношение приезжих к остальным не способствовали взаимопониманию. То привилегированное положение, в котором оказались американские финны, вызывало у голодных жителей республики вполне естественную реакцию — иностранцам завидовали, их не понимали и не любили, называя «нахлебниками» и «буржуями». Рабочие говорили: «Американцы приехали сюда, чтобы есть наш хлеб!», «Понаехали к нам буржуи, их кормят, а русские рабочие хоть с голоду помрут, никто не позаботится». На все жалобы иностранцев о плохом питании, жилищных условиях, на недостатки в работе ответ был один: «Езжайте в свою Финляндию или Америку, буржуям нечего здесь делать!»²⁸.

Впрочем, так было не везде. Быстрее других привыкали к новой жизни канадские рабочие, дети и молодежь.

Несмотря на то, что причин для отъезда у американских финнов было предостаточно, большинство из них все же осталось в республике. Объяснить это, пожалуй, труднее, чем причины переезда в Карелию. Возможно, многим просто некуда и не на что было уже

²⁷ Там же, л. 12.

²⁸ Там же, оп. 2, д. 790, л. 10, 14—15.

ехать. Некоторые, в конце концов, привыкли, кто-то приспособился, кто-то обзавелся в Карелии семьей. Были, конечно, среди оставшихся и люди, действительно нашедшие себе работу по душе и получившие в новых условиях возможность реализовать свои способности. Были и те, кто, «невзирая на трудности, продолжал создавать основу международным пролетарским революциям». Все они постепенно получали советское гражданство, иногда это происходило не по собственному желанию, а по необходимости — продлить иностранный паспорт было гораздо сложнее, чем получить советский, североамериканским финнам для этого надо было ехать в Финляндию.

За настроениями переселенцев компетентные органы следили очень внимательно. Каждый акт обследования условий их жизни обязательно кончался «политическими характеристиками», где постоянно отмечалось полное непонимание иностранцами «практических вопросов нашего строительства, трудностей переходного периода и особенно тактики партии»²⁹. Проверяющие из обкома партии фиксировали многочисленные случаи недовольства, но в первые годы переселения это расценивалось как справедливая критика и руководство к действию. Впоследствии отношение к подобного рода «сигналам» стало меняться. Судя по так называемым «агентурным данным», сохранившимся в архивах, в среде американских финнов были и свои осведомители, которые подробно информировали НКВД о политико-моральном состоянии соотечественников.

Октябрьский 1935 г. пленум обкома ВКП(б), положивший начало борьбе с «финским буржуазным национализмом», круто изменил жизнь в республике. Переселенческое управление было ликвидировано, в недрах НКВД тщательно пополнялись досье на иностранцев. Однако открыто нападать на американских финнов власти не осмеливались, более того, в их сторону делались реверансы. В своей разгромной речи на октябрьском пленуме новый первый секретарь обкома Петр Ирклис, обрушившись на кадровую политику Гюллинга и Ровио, все же поспешил заметить: «Мы, конечно,

²⁹ Там же, оп. 2, д. 790, л. 10.

против приехавших к нам рабочих ничего не имели и иметь не можем, мы рады от души, что они вместе с нами под руководством нашей партии строят великое дело социализма»³⁰.

Вообще, в документах обкома и НКВД за 1936—1938 гг. американские финны практически не упоминаются. В материалах, характеризующих обстановку в республике в целом, повсеместно речь идет о «враждебной деятельности финляндских фашистов» или «буржуазных националистов, выходцев из Финляндии». Это вовсе не означает, что американцев не коснулись репрессии 1937—1938 гг. Они шли под расстрел с теми же формулировками, что и остальные, — контрреволюционная деятельность, антисоветская пропаганда, шпионаж, вредительство и т. д. Однако если читать газеты или обкомовские документы за 1936—1938 гг., то можно подумать, что в Карелии и вовсе не было американских финнов. Это не относится к личным делам обвиняемых. Там могли быть собраны какие угодно сведения о жизни человека в Америке, ему могли инкриминировать «связь с американскими троцкистами» или, как у Тенхунена, «враждебную Советскому Союзу деятельность». Но как самостоятельная (и весьма специфичная) группа населения североамериканцы нигде не упоминаются, против них не было сфабриковано ни одного крупного дела, где главным обвиняемым была бы страна, откуда они приехали (как это случилось с Финляндией). Во всех делах, по которым проходили североамериканцы, они были просто финнами или «уроженцами Финляндии». Когда речь заходила о шпионаже, то он мог иметь место тоже только в пользу Финляндии, даже если человек родился в Штатах и никогда на своей исторической родине не был. Канада и США остались в числе тех немногих стран, чьих шпионов, по мнению карельского НКВД, в республике не было.

Всего, по нашим предварительным подсчетам, доля североамериканских переселенцев среди всех репрессированных в конце 1930-х гг. финнов составила около 8%. Абсолютное большинство из них было расстреляно.

³⁰ Красная Карелия. 1935. 6 октября.

УСТНАЯ ИСТОРИЯ

Интервью с Дагнэ Сало, 1915 г. р.

Интервьюер: А. В. Голубев

*г. Петрозаводск, 21 сентября 2006 г.
Длительность интервью — 60 минут*

Интервью приводится в редакции Д. Сало

Я обычно не даю интервью, потому что был горький опыт. Я принимала американцев, здесь была супружеская пара, они уехали в Америку перед войной, и там родилась девочка. И она приезжала. Я встретила ее как дочь моих знакомых, с шампанским. Вы не поверите, какую статью я получила потом, — она же мне прислала! Что там было написано! Про меня, например, было написано, что я — крестьянка с темным лицом, результат плохого питания и тяжелого труда. Сказала, что по-английски говорит неплохо, но с акцентом. Господи, а ты-то с каким акцентом! Потому что нью-йоркеры¹ не понимают [*жителей*] из Сан-Франциско, так же, как Ленинград не понимает Москву. А еще я получила письмо от совершенно незна-

¹ От *англ.* New-Yorker, житель Нью-Йорка. Примеч. науч. ред.

когого мне человека, огромное письмо, толстое. Он пишет книгу о тех, кто приехали в Советский Союз. «Я собираю сведения о всех, кто»... А *repressed* как перевести?

Репрессированные.

Да-да. О них. Я не ответила ему, потому что они прислали анкету. «Я собираю сведения и в Карелии, в Советском Союзе, и в Швеции, и в Канаде». Еще где-то. Так спросите официальных лиц. Они напишут. Это же теперь все говорится, можно получить даже справку о том, что... У меня свидетельство о смерти отца есть. Я поэтому не понимаю тех, кто спрашивает где, кто и как. Верить ли надо этому? А то какая-то старуха ему напишет, что так и так, и он будет верить этому.

Для вас родным языком был финский или английский?

Английский, конечно.

Вы родились уже в Америке?

Я родилась в Америке, в пятнадцатом году. Сюда я приехала пятнадцатилетняя. В Карелии я отмечала, что исполнилось шестнадцать лет. А отца арестовали в тридцать восьмом, двадцать второго июня. Это такое траурное число. А умер он в сорок втором, хотя у него были какие-то льготы, потому что было право на переписку. Один раз в месяц — я не помню, какой был срок, можно было писать. Я посылки посылала, но не знаю, получил или нет. Питание. А он же по-русски не писал. Ой, это был очень интересный человек.

У него было образование?

Нет. Он всего один раз в жизни — один день — был в школе.

В Америку ваш отец эмигрировал уже во взрослом возрасте?

В Америку он приехал — родился он в тысяча восемьсот девяносто втором, как-то так, а уехал в Америку в тысяча девятьсот десятом.

И с вашей мамой познакомился в Америке?

Мама родилась в Америке. Но она финка, от финских родителей. Там в Америке же много финнов. И бабушка, и дедушка — финны.

Семья Сало в Америке, 1929 г.
Фото из домашнего архива
Д. Дубровской

Говорят они на языке, который называется *finglish*². Поэтому язык финский, конечно, но был этот финский — американский финский. Вы бы послушали американских финнов, как они говорят! Вот они говорят: «*Menemme, karalla raidemme dauntaunille*». Поняли, что значит? *Mennen* — пойдём, *kara* — это по-английски автомобиль, *raid [to ride]* — ехать. *Downtown* — в центр города.

В Америке вы жили в финской деревушке или в большом городе, где большинство были американцы?

Нет, в деревне. Причем это такая — там же они по национальностям часто, деревня

чисто финская, деревня чисто шведская, итальянская или чайна-таун, китайская часть города.

И в этой деревне все говорили по-фински?

Да.

И для вас родным языком был финский?

Домашний язык — *finglish*, вот такой, как я вам только что говорила.

Но в школу вы ходили в американскую?

А финских школ не было.

В вашей деревне была школа?

² От *Finnish* и *English*. Примеч. науч. ред.

Да.

А кто были учителями?

Американцы.

В Америке вы успели окончить школу?

Я успела, потому что последние четыре года в *high school*³ я делала... Там надо *sixteen points for high school* [шестнадцать баллов, чтобы окончить *high school*]. То есть по четыре каждый год. Они так и рассчитывают: четыре предмета, будет четыре *points*. А в школе надо сидеть семь уроков, так с ума сойти — что я буду три урока делать? Так я всегда брала пять или четыре с половиной, и я за три года окончила все это. Поэтому я окончила в пятнадцатилетнем возрасте, хотя американцы оканчивают обычно восемнадцатилетними. Меня еще в начальных классах перевели, я точно не помню, но вроде из первого в третий, то ли из второго в четвертый.

Вы помните, как и почему ваши родители приняли решение переехать в Карелию? Они были коммунистами?

Нет, они не были коммунистами. Но они, конечно, верили в социализм. Папа особенно. Почему они решили — отец до этого был два года безработным. Это из-за [Great] Depression⁴. Я окончила среднюю школу. Брат мой окончил восемь классов. Передо мной и перед ним было пусто, потому что... А я почему сумела окончить — я последний год, когда была в Америке, работала прислугой в семье. Я очень рада, что я этот год имела. Я так научилась... Мисс О'Хара. Она даже приезжала потом в Ленинград. Письмо мне прислала, что будет в Ленинграде тогда-то и могу ли я приехать. А у меня сын только что окончил среднюю школу и пошел работать на Онега-завод. Я его даже не пыталась куда-то пихать, потому что он дурака валял в школе, учился кое-как, только следил за тем, чтобы переходить. Занимался спортом... В основном спортом, последний год занимался еще парашютным спортом. А она написала, что приезжает в Ленинград в августе. А у меня, как правило, никогда в августе

³ Аналог полного среднего образования в России. Примеч. науч. ред.

⁴ Великая депрессия, начавшаяся в 1929 г. Примеч. науч. ред.

денег не было, потому что в июне получают за отпуск, к августу — тянешь, тянешь, а все равно. Это был пятьдесят девятый год. Девочки пришли, я говорю: так и так. Они мне: «Денег нет, ну как ты поедешь». А сын пришел с работы — только что кончил школу! Я говорю, что пришло такое-то письмо, так не знаю, как ехать. «Ну не поезжай! Это будет самая лучшая антисоветская пропаганда». Я говорю: «Как?» — «Так скажут, ее не пустили». Это семнадцатилетний! «Нет, ты, может, прав». Я [пустила] шапку по кругу, собрала деньги и уехала. И первый вопрос, который она мне задала: «*How did they let you come?*» [Как тебе позволили приехать?].

Это у нее вы работали последний год в школе?

Да. Вот так. «*How did they let you come?*» [Как тебе позволили приехать?] — «*I am not in jail*» [Я не в тюрьме].

Из той деревни, где вы жили в Америке, много людей уехало в СССР?

Несколько семей уехали. Шесть, по-моему. Не помню. Многие вернулись обратно.

Вы взяли с собой все имущество?

Да какое имущество! Дом мы продали перед тем, как уехать на запад. Мы год жили на западе, на берегу Тихого океана. Отец там получил работу, и мы там жили. Хороший год был. А потом вернулись обратно в Мичиган. Год жили на западе и приехали обратно. Отец хотел [эмигрировать] еще в двадцать седьмом году, тогда тоже было... Основывали же тогда всякие коммуны, «Сяде», например. Но тогда я была против, мама была против. А потом, когда началась депрессия, я подумала, что же мне будет? Мне пятнадцать лет, будет шестнадцать, очень трудно найти работу без специальности, а денег нет, чтобы учиться дальше. У брата тоже самое. В той деревне, где он жил, средней школы нет. Сможет ли он устроиться где-нибудь, чтобы пойти в среднюю школу? То есть передо мной и перед Тойво было пусто. Неизвестно, что и как. Поэтому как только мы приехали [в Петрозаводск], на третий день отец меня отправил в финскую девятилетку.

Кем устроился работать ваш отец?

Отец работал в Матросах трактористом, тогда же было очень все примитивно. Потом его — я не знаю, кто, чья это была инициатива, — вызвал Гюллинг и кто-то еще — строить дереки, то есть подъемные краны, здесь, на [Онежском] озере. И он строил эти дереки. Под его руководством. Он не инженер, но знал, как они строятся. Толковый очень был.

А вас устроили сюда в интернат?

Да, там было общежитие. Дети со всей республики. Это была финская школа, на финском языке. А мне было трудно и на финском, и сколько мне было из-за этих языковых трудностей... Был у нас очень хороший преподаватель по математике в восьмом классе. А меня определили в восьмой класс из-за незнания языков. Он приходит, приносит контрольные работы и говорит: «Так ничего написали, у всех *tyydyttävä* [удовлетворительно], а у Сало *hyvä* [хорошо]». Потом в перерыве я пошла в конец коридора и там плакала. «Что такое?» — «Я не знаю, почему у меня *hyvä*, а у вас всех *tyydyttävä*».

То есть вы думали, что у всех оценки лучше, чем у вас.

Да.

Кто в основном учился в интернате?

Было очень много карелов. Из Калевалы, из Кестеньги, там, где основной язык похож на финский. Из Пряжи тоже были карелы.

А дети красных финнов там были?

Были, были. Из Кондопоги было двое сестер, Тарвойнен. Много было из американцев.

Как вообще, дружили все?

Я очень быстро подружилась с этими девочками. Хорошие девочки были.

То есть обособленно никто не держался?

Да. Они по-фински говорили.

У мальчиков было отдельное общежитие?

Да. А учились вместе.

Сколько вы там проучились?

Я училась там восьмой класс, перешла в девятый, начала учиться в девятом классе. А пединститут начал второй год своего существования. На национальное отделение на физмат был недобор. Они пришли в нашу девятилетку и просили учителя математики и учителя физики, химии и биологии составить списки, кого они рекомендуют из девятого класса в пединститут. И никогда не забуду, как Роберт, ученик из Соломенного, приходит и говорит: «Ты-то попадешь, ты-то попадешь». Я говорю: «Почему?» — «Ты в обоих списках, ты в обоих списках». И мы никак не хотели идти. Мы обратно шли в школу. Как меня ругал отец. Он редко меня ругал, но тут так хорошо, я до сих пор это помню. Я говорю: «Я не хочу учителем, я хочу врачом стать!». И он говорит: «Как тебе не стыдно. Миллионы людей хотят хоть куда-нибудь устроиться учиться, а ты выпендриваешься: не хочу сюда, хочу туда! Скажи спасибо, что тебя куда-то берут. Карелии нужны учителя, знающие финский язык. Вспомни себя в 1931 г. Когда ты окончила среднюю школу, как ты хотела учиться дальше, а у нас не было возможности, денег не было». Вот так. Наконец пришли на первый урок. Это было в тридцать втором году. Тридцать первый — тридцать второй был восьмой класс, а осенью меня зачислили.

Когда вы сюда приехали, какое впечатление у вас было от Петрозаводска?

Ужасно. Ужасно! У меня страшное впечатление было от Ленинграда. Это совсем не похоже на европейские города. Эти старинные здания, а мы, тем более, оставались чуть ли не в порту. О-о-о. Жуткое просто впечатление. Вплоть до того, что «Дайте мне, я вернусь обратно на этот маленький пароход». Такое было. В Петрозаводске то же самое. Примитив страшный. Примитив во всем. И в смысле жилья, всего этого. Во всем, в технике. Автобус — это было какое-то исключительное явление, [когда] автобус появился.

Перезд в Карелию, 1931 г. Фото из домашнего архива Д. Дубровской

А народ понравился?

Народ понравился. Мне больше народ понравился в Карелии, чем в Америке. Там больше замыкаются. Я в семидесятом ездила в Америку. Я так разочаровалась. Это жутко, когда [*про меня*] говорят, мол, я не жалею, что приехала в Советский Союз. Все остальные жалеют, а я не жалею. Я бы ни с одним из них — у меня есть двоюродные братья и сестры — я бы ни с одним из них не поменялась бы местами. И со своими знакомыми. Это все деньги, деньги. Помню диалог между моим дядей Арвидом, доктором математических наук, и Мартином, мужем двоюродной сестры. Мартин рассказывает о своей фирме, где он работает, упоминает своего начальника. Арвид спрашивает: «*How much is he worth?*» [*Сколько он стоит?*]. Прямо так и спрашивает. Мартин отвечает: «*Around three hundred thousand*» [*Примерно триста тысяч*]. — «*Is that all? I thought he is a millionaire*» [*И это все? Я думал, что он — миллионер*]. У меня тогда мелькнула такая мысль: «*I worth nothing. I don't even have a bank account*» [*Я ничего не стою. У меня даже нет счета в банке*].

А какие качества вам понравились в местном населении?

Более открытые, поможет, если что. Все время готовы прийти на помощь. Даже в школе. Мне народ понравился, и все понравились — и русские, которые пытались со мной говорить, и... Вот вы бы знали, как мой отец говорил по-русски! Мы как-то встретились — это было, наверно, в тридцать четвертом или тридцать пятом. Я была студенткой. Мы идем по Перевалке, отец там построил дом, мы туда в тридцать шестом году переехали. Встретили главного инженера Кареллеса. Он говорит: «Здравствуйте, Артур Вильямович!». А он был тогда заведующим или директором мастерской, где готовили сбруи для лошадей — тогда же лошадь была основным транспортом — и сани. Отец отвечает: «Растуй, растуй». — «Как дела?» — «Сани ехала Беломорск». — «Сколько саней отправил?» — «Пять». — «Сколько еще осталось?». Я вижу, что отец не может вспомнить, как по-русски семь, и начинает на пальцах: «Раз, два, три, четыре, пять, шесть... Семь!». Вот такой русский язык у него был. Я не могу, я стою и слушаю, а потом попрощались с этим и пошли дальше. Я говорю: «Как этот человек тебя понимал?». Он посмотрел на меня через плечо

с презрительным видом и говорит: «Он русский, будто он по-русски не понимает!».

В пединституте преподавание велось на финском?

На финском.

Где располагался пединститут?

За церковью⁵, за кладбищем было пять деревянных двухэтажных домов. Один из них потом отдали под комвуз⁶. В двух первых велись занятия, в третьем был интернат, и не помню, в четвертом тоже был интернат или еще что-то.

А как вы выучили русский?

Общаясь. Я в жизни не была на уроке русского языка. И финского тоже.

В каком году вы окончили пединститут?

В тридцать шестом.

И потом пошли работать учителем?

Да.

В национальную школу?

В национальную школу, в Святозеро.

Преподавание велось на финском?

Да.

А дети были карелами?

Да.

Возникали проблемы в понимании?

Конечно, до смешного. Я спрашиваю у хозяйки — а я жила в карельском доме. Спросила веревку, чтобы повесить сушиться белье.

⁵ Имеется в виду Крестовоздвиженский собор на Зареке. Примеч. науч. ред.

⁶ Коммунистический вуз. Примеч. науч. ред.

Она принесла веревку, говорит: «*Se on haran*». Я понюхала — не пахнет кислым. Лизнула — тоже кислого нет. *Haran* по-фински — это кислое. А по-карельски — это гнилая. Она принесла мне плохую веревку, другой у нее не было, она сама белье сушила не на веревке, а палки в землю втыкала и на них сушила. Много таких случаев было. Я поехала через пару месяцев через озеро в карельскую деревню, забыла, как называлась. Поехала на родительское собрание, потому что оттуда дети учились в нашей школе, а я была завучем школы. Приехала, меня потом спрашивают: «Чья ты дочь со Святозера?». Я говорю, что я не со Святозера. «А разговариваешь, как в Святозере разговаривают».

В какой момент школу начали переводить на русский язык?

Вы знаете, это был роковой год. Тридцать шестой — тридцать седьмой я была в Святозере, и потом там закрывали этот интернат, и детей перевели в Пряжу. Там открывали девятый класс. И вдруг где-то в октябре или ноябре приехал инспектор Наркомпроса⁷, как тогда называли. Оставляет приказ. И мне Миша Ломов, директор нашей школы, тоже наш студент, говорит: «Дагне, иди сюда. Прочитай». Он оставил такой приказ: перевести во всех классах преподавание на русский язык. Это в октябре! Я пошла в РОНО⁸. Мне: «Ты чего здесь делаешь?» — «Я за документами пришла». — «За какими документами?» — «Я же не могу преподавать на русском языке» — «Узнаешь! Уйди отсюда, а то под суд отдам тебя за прогулы!». Это тридцать седьмой год. Я со слезами опять к Мише: «Я не знаю что делать». — «И я не знаю». Он знал, что я плохо знаю русский язык. Пришла на первый урок. Пришлось на русском языке. Учительница, которая математику вела в русских классах, говорит: «Будешь писать, я помогу тебе, вместе запишем твои планы».

Но вообще дети с пониманием отнеслись?

Да, они очень помогали. Понимали же все. Потом дети, которые были раньше в финских классах, были почти что на одинаковом уровне со мной. Тяжело было. Но ничего. Я помню, был такой случай

⁷ Народный комиссариат просвещения. Примеч. науч. ред.

⁸ Районный отдел народного образования. Примеч. науч. ред.

*С мамой и с братом в Карелии, примерно 1934 г.
Фото из домашнего архива Д. Дубровской*

с этим произношением. Ученика в пятом классе вызываю к доске — все смеются. Пришла в учительскую, спрашиваю: «Почему в пятом классе все смеются над Затилкиным?». Мне говорят: «Не над ним смеются, а над тобой». Я говорю: «Как? Почему?». Миша подошел к скатерти — скатерть рваная. Спрашивает: «Что это такое?». Я говорю: «Дира». Схватил бутылку с подоконника: «А это что такое?». Я говорю: «Бутылка». — «Ты *ы* не выговариваешь». — «Чего я не выговариваю?» — «*Ы* не выговариваешь». Тьфу. У мальчика фамилия была Затылкин, а я говорю Затилкин.

А с другими финнами, которые переехали из Северной Америки, вы общались?

Мало. Но помню. (Неразборчиво.)

Американские финны старались селиться вместе?

Не было такого. Хотя нет, было немного. Меня даже осуждали за то, что мало с ними общаюсь. На танцы, конечно, первое время мы все вместе ходили. Танцы были очень интересные — тут был финский клуб, он располагался здесь, где сейчас гастроном⁹. Там же был такой Американский городок — восемь или шесть домов. Там была столовая, был клуб и вечерами танцы. Там был *penikka panti* [английское слово *band*, оркестр, произнесенное на финский манер]¹⁰. Потом был генштабовский ресторан, напротив церкви¹¹, туда иногда ходили. Кавалеры у меня были американцы. Вначале.

Вас так и называли — американцы?

Да.

А канадцев?

Не знаю.

А вообще между вами проводили различия, когда вы приехали?

Нет. Это русские начали почему-то всех называть канадцами.

Сами вы между собой не делали различий — кто из Америки, кто из Канады?

Нет, абсолютно.

Что из себя представлял Американский городок?

Шесть или восемь домов, двухэтажные дома. В доме много квартир — два подъезда точно, если не три. Это был кооператив.

Там жили исключительно американцы?

⁹ Очевидно, респондент имеет в виду продуктовый магазин на пересечении ул. Мерецкова и пр. Александра Невского. Примеч. науч. ред.

¹⁰ По всей вероятности, речь идет о мальчишеском оркестре (от фин. *penikka* — щенок), о котором упоминает в своем интервью и Ю. Мюккянен. Примеч. науч. ред.

¹¹ Крестовоздвиженский собор. Примеч. науч. ред.

Да, но потом стали давать членство и русским. Это было убого, конечно. Однокомнатные квартиры в основном. Сейчас ни одного дома не осталось.

А поножовщина была распространена среди финнов?

Не знаю. Может, среди ингерманландцев. Вот еще смешно: *Inkeri* — это же финны, Финляндия. Вы знаете, откуда это название? Почему *Inkerinta*? Когда Финляндия была под шведами, у шведского короля была дочка, *Inkeri*, и он подарил эту область этой Инкери. Отсюда *Inkerinta*. И когда национальность такая — да какая национальность, они же финны! Тогда можно *Savolainen*, *Hämäläinen* и далее считать...

После войны вы помните волну ингерманландской эмиграции?

Нет.

А вообще приходилось общаться с ингерманландцами?

Да.

По-фински разговаривали?

У них свой особый финский. Например, трудно понять того же *savolainen*, *hämäläinen*, а уж *lappalainen* так вообще не понять, хотя это финский язык. У них же очень много наречий всяких. Как говорят в Хельсинки, так мало кто говорит.

Когда вы переехали в Петрозаводск, у вас были какое-то время привилегии?

У нас было инснабовское снабжение. Инснаб был, кстати, в Гостином дворе. Тогда же народ-то жил очень плохо. А у нас было отдельно инснабовское снабжение. Там все было. Из одежды можно было кое-что купить.

Завидовали вам из-за этого?

Я не знаю, наверно, завидовали. Я представляю... Но такого враждебного отношения к себе из-за этого я не ощущала. Потом, когда я жила в общежитии, я же за счет инснабовского снабжения всех кормила.

Многое изменилось в вашей жизни в тридцать седьмом году?

Нет, в тридцать восьмом.

Тогда начались аресты?

Нет, были и до этого.

Именно среди американцев?

Да. Я даже один раз видела, как вели в туалет одного из задержанных, моего знакомого. Откуда-то из Америки, не помню, из Канады или Соединенных Штатов. А отца арестовали в тридцать восьмом году. Двадцать второго июня.

Сказали, за что?

Шпион. Господи, я не знаю, как можно такого... Потом нас клеймили: дочь врага народа. Я говорю: покажите, какого народа! Он сам из того самого народа!

А кто так говорил?

Злые языки, конечно, говорили. Ты что, ты же дочь врага народа! Были и такие сталинцы. Верные сталинцы, что вы. И смотрели вот так, и запрещали общаться, никогда не приглашали к себе — это позорно, меня, дочку врага народа. Были и такие, кто общался.

Кого было больше?

Не знаю, не считала никогда. И тех, и других было...

Другие американские финны вас поддерживали?

Понимаете, они все были в страхе. Все жили в страхе.

Именно финны?

Да. Тридцать седьмой, тридцать восьмой год мы почти что не спали.

Вы тогда уже переехали из Пряжи и преподавали здесь?

Да.

Отразился на работе арест отца?

Я бы не сказала, что отразилось. Может быть, кто-то где-то затаил что-то такое. А с ребятами мне всегда было хорошо.

После тридцать седьмого, тридцать восьмого года у вас изменилось отношение к Советской власти?

При Советской власти все были в одинаковых условиях. Не только финны или приехавшие. У всех было то же самое.

Спасибо!

Интервью с Пааво Алатало, 1920 г. р.

Интервьюер: А. В. Голубев

г. Петрозаводск, 10, 17 и 24 октября 2006 г.

Общая длительность интервью — 4 часа

Первое интервью с Пааво Алатало (10 октября 2006 г.)

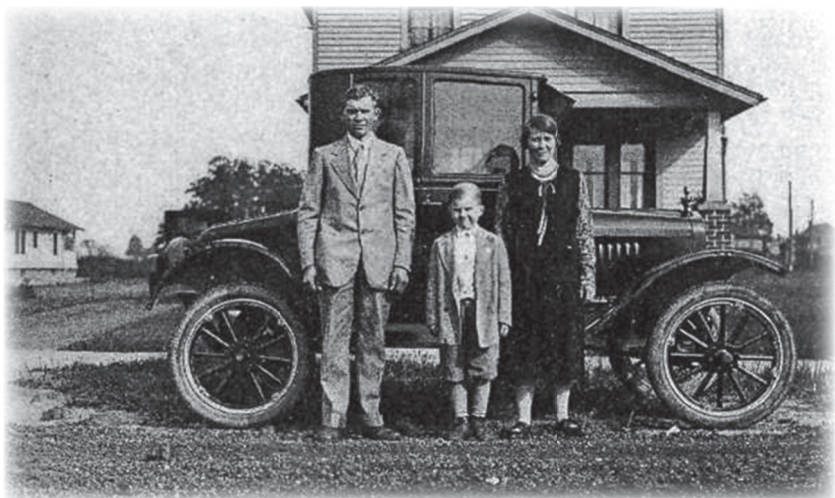
Мои родители родились в Финляндии. Отец на севере, в Лапландии, а мать в средней части Финляндии, около города Пори. Оба деревенские. Отец со своим братом удрали, можно сказать, из Финляндии, потому что там начали забирать в армию — это было во время Первой мировой войны, в 1916 г. Они жили на севере, на берегу реки Торнио. По этой реке идет граница между Финляндией и Швецией, они были из местности повыше города Хапаранда¹, на север от него где-то сто с небольшим километров. Несколько километров за Полярным кругом. Бежал отец со своим братом, тот был моложе отца, отец был старшим в своей семье, он родился в 1891 или 1892 г. Как раз был призывного возраста, поэтому со своим следующим братом перебрались в Швецию, а оттуда — в Америку. Это был 1916 г. Он скитался по Америке, искал свое место, свою нишу, как и все приезжие. Там же мешанина всех народов. Потом в 1919 или 1920 г. он встретил мою маму, они поженились, и в 1920 г. появился я.

А когда ваша мать приехала в Америку?

В 1912 г. Она приехала туда со своей сестрой, но сестра там не прижилась, скучала по дому и скоро вернулась обратно в Финляндию. Мама же моя осталась, и в 1919 или 1920 г. они встретились и поженились. Потом они переехали в Огайо, город Уоррен [Warren, Ohio]. Там обосновались, построили дом.

Ваш отец был членом компартии?

¹ Город на северном берегу Ботнического залива, разделенный на две части границей между Финляндией и Швецией. Шведская часть называется Хапаранда, финская — Торнио. Примеч. науч. ред.

*Пааво Алатало с родителями на фоне своей машины и дома в г. Уоррен (США) незадолго до отъезда в Карелию, 1920-е гг.
Фото из личного архива П. И. Алатало*

Он не был членом партии. Он был сочувствующий. Там, в Америке, среди финских рабочих были своего рода кружки, в них занимались... Они снимали *halli*, большое помещение вроде зала, в этом зале проводились всякие мероприятия — и художественная самодеятельность, и танцы, и разные лекции.

Все на финском?

Да. Там, в Уоррене, было несколько групп финских рабочих [*группировавшихся*] по разным взглядам. Те, с которыми был отец, были такие рабочие-радикалы. Они придерживались коммунистических идей. Там лекторы читали лекции. Их было несколько человек, они разъезжали по всей Америке из одного города в другой, читали лекции про коммунистические идеи, про Советский Союз. Родители увлеклись этими идеями. Но отец в партии не был, а был сочувствующим. Все время ходили в этот зал. Было это на втором этаже, на первом был кинотеатр. Активно участвовали. Потом, в начале 1930-х г., карельское правительство вербовало рабочих сюда,

в Карелию. Мейми² насчитала, что сюда приехало около шести тысяч человек. Мы тоже приехали.

Какие причины толкнули вас на переезд? Великая депрессия?

Вот многие говорят про депрессию, а я считаю, что главной причиной были политические убеждения, что в Советском Союзе строится государство рабочих и крестьян, что тут будет все справедливо, а там говорили, что буржуи эксплуатируют, что все съедают, обжираются. А тут все будут равны, у всех будет работа. Конечно, депрессия сыграла свою роль. Но я считаю, что главное — это идеологические убеждения. И они убедили, что здесь будет справедливый строй, государство рабочих и крестьян, все равны, у всех будет работа, жилье, все будет обеспечено.

И когда вы приехали в Карелию?

Мы отчалили из Нью-Йорка 31 мая 1931 г. Мне тогда было одиннадцать лет. Я успел в Америке окончить пять классов. Правда, дома-то говорили по-фински, так что я пошел в школу, не зная ни слова по-английски. Но потихоньку освоился, из года в год, из класса в класс я переходил, освоил английский в тех пределах, как может одиннадцатилетний парнишка.

Вы приехали в Ленинград?

Сначала мы приехали в Гётеборг, в Швецию. На поезде проехали через Швецию в Стокгольм, и потом опять на теплоходе из Стокгольма в Ленинград.

Какое впечатление произвела на вас Советская Россия?

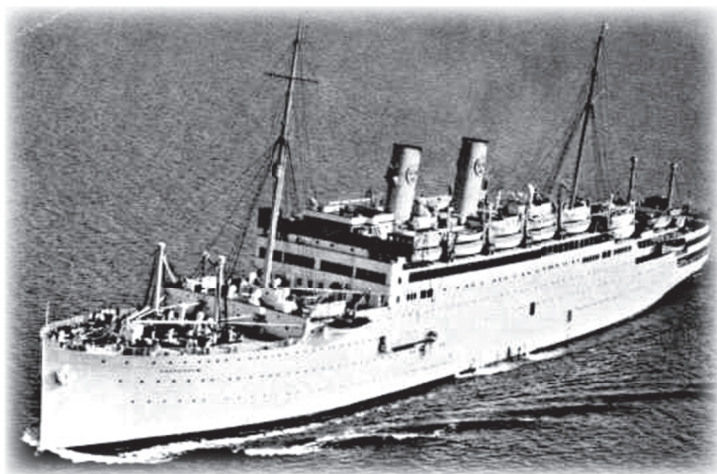
Удручающее. Не все тут остались.

Сразу кто-то уехал обратно?

Сразу многие уехали обратно, некоторые потом.

Прямо из Ленинграда?

² Мейми Севандер — одна из исследователей иммиграции североамериканских финнов в Карелии. Примеч. науч. ред.

Пароход «Грипсхольм» компании «Svenska Amerika Linjen», выполнявший рейсы из Нью-Йорка (США) через Галифакс (Канада) в Гетеборг (Швеция). Из личного архива П. И. Алатало

Пароход «Кастелхольм» компании «Svenska Amerika Linjen», выполнявший рейсы из Стокгольма в Ленинград. Из личного архива П. И. Алатало

Нет, мы приехали в Петрозаводск. Помню, что пассажирские вагоны не были освещены, нет ничего. Поселили нас на Голиковке³ в бараках со вшами, да тараканами, да прочей живностью. Из нашего города приехали три семьи — и нас всех поселили в одну комнату. Правда, довольно большую. Мы строили всякие перегородки из одеял и простыней. А наши мужики даже не приступили к работе в Петрозаводске, потому что мой дядя, папин брат, с которым он удрал в Америку от призыва в армию, приехал еще в 1930 г. в Нижний Новгород. Там тогда строили Горьковский автозавод.

Много финнов поехало в Нижний Новгород?

Их было несколько групп, по-моему, три. Они приехали до нас, где-то в 1930 г., прямо туда, там работали на стройке этого завода. Потом, когда завод достроили, они разъехались кто куда. Кто в Карелию, кто на Дальний Восток, кто-то перебрался в Казань. В общем я толком не знаю, куда они подевались. Мы поехали туда сразу же — это было еще лето 1931 г. Только приехали в Петрозаводск, мужики все посмотрели: «Voi, voi, voi» и решили поехать в Нижний Новгород. Приехали туда, нас там тоже поселили в бараки. Стены из фанеры, отопления нет, все слышно, все видно. Но потом, на зиму, нас поселили уже в капитальные дома. Была трехкомнатная квартира, дали нам маленькую комнату с тараканами да прочей живностью. Во второй комнате тоже жили наши знакомые, в третьей — тоже приехал из Америки, но русский. Он жил где-то на Аляске, еще где-то. Одинокий мужчина. Он потом женился на какой-то русской девице. Там тоже поработали, не понравилось. Эти две семьи остались в Нижнем Новгороде и вскоре оттуда вернулись обратно в Америку. У них еще были финские паспорта. А мы поехали дальше в Кривой Рог. Это было на стыке 1931 и 1932 гг., зимой. В Кривом Роге строили завод Криворожсталь. Работали на этой стройке.

Ваши родители хорошо знали русский, что так смело перемещались по Советскому Союзу?

Ничего не знали. Они все время жили в финском обществе.

В Кривом Роге тоже много финнов было?

³ Один из районов Петрозаводска. Примеч. науч. ред.

Там поменьше, где-то тридцать семей. Но все-таки у нас был большой длинный барак с коридором, комнаты на обе стороны.

Там были одни североамериканские финны?

Американцы, из Финляндии. Сборище какое-то.

А в школу вы ходили в это время?

В Нижнем Новгороде была специальная школа для нас, приезжих из Америки. Там же работали не только финские рабочие, там были инженеры из Америки, которые руководили этой стройкой. У них тоже семьи, дети. Нас всех собрали в одну школу, за большим столом сидели. Учителя — тоже самоучки. Не все, но... Учили кое-чему да как-нибудь. А в Кривом Роге у меня был товарищ моего возраста. Нас с ним определили в русскую школу в самом Кривом Роге. А этот поселок, барак, был в стороне от города — там было километра два-три. Мы с ним ходили в эту школу таким образом: когда вздумается, придем, когда вздумается, уйдем. По-русски мы еще ничего не понимали. То, что было по математике, мы все знали, а что было естествознание да прочая начальная школа, мы не понимали — послушаем-послушаем да уйдем. У нас были солнечные часы, мы по часам посмотрим: ага, пора домой. Дома нас не спрашивали, были в школе или нет. Так и учились.

Сколько там проработали ваши родители?

Наверно, неполный год. Там опять не понравилось. Думали, куда-нибудь еще. Их трое или четверо мужиков собрались и пошли на юг России искать место. Были на Украине и дальше, вплоть до Грузии, Тбилиси, который тогда еще назывался Тифлис. В конце концов облюбовали они город Туапсе на берегу Черного моря. Это отец и дядя. Была там одна семья Алликас — то ли отец был латыш или литовец или что, но он немного знал русский, поэтому он в этой группе главенствовал. Наши родители русского еще совсем не знали. Переехали в Туапсе. И в Туапсе нам пришлось очень туго. Тут ведь везде были магазины Инснаба. Между прочим в книгах Мейми или где-то еще я видел, что путают Инснаб и Торгсин. Это разные фирмы, разные магазины. Инснаб — это снабжение иностранцев. В России в то время был страшный голод, а нам, иностранцам,

давали особое снабжение. У нас было особое снабжение — книжки, продуктов хватало, мы не голодали, было в этих магазинах кое-что из промтоваров. А Торгсин — это фирма, которая торговала с иностранцами, но они покупали разные ценности, допустим, золотое ожерелье, кольцо принесут, взвешивают и дают сколько-то денег за это. Там могли и местные, русские, приходиться туда, у кого было, чем торговаться. А в Инснабах только иностранцы были. А в Туапсе общества иностранцев не было, там больших строек не было, как в Кривом Роге да в Нижнем Новгороде. Поэтому мы оказались без Инснаба. Снабжение в то время по карточной системе, ой-ой-ой. На заводе — мой отец работал на верфи, маленькая верфь, строили маленькие кораблики — был жиденький обед, там обедали, я тоже туда ходил. Потом в Торгсине прикупали. Уходили остатки долларов, которые мы припасли. И в Туапсе постигла нас еще одна беда: умерла моя двоюродная сестра, которая была на год старше меня. Она тоже родилась в Америке.

Как ее звали?

Эллен. Эллен Алатало. У нее была дифтерия, так вроде называется, когда в горле накапливается грязь. Ей делали операцию, а эта грязь ушла в легкие, и она задохнулась. Там ее похоронили, с тех пор там никто и не бывал. И потом умер этот Алликас, который знал мало-мало русский. Какая-то оспа у него была. Мы оказались там — его вдова, мой дядюшка Август... Его вообще звали Эрkki, Эрkki Август, но по-английски Эрkki никак не звучит, а Август — это уже международное слово. Между прочим Алатало тоже никак с английским языком не согласуется. В Америке говорили [*'eils'teilə*] или [*ɜ'letəlo*], и он носил фамилию Норман. Там кто хотел, тот так себя и называл.

А вашего отца звали Юхо Аксель?

Да, Юхо Аксель. А младший брат — Эрkki Август. Умер, значит, этот Алликас. Это уже зима тридцать второго года. Мы с сыном этого Алликаса — Валтери его звали — тоже ходили в школу, так же, как и в Кривом Роге. Так мы оказались там без нашего главного, без знания русского языка. А вдова этого Алликаса была финка, забыл, как ее звали. У нее был брат в Петрозаводске, причем сводный, —

и этот Юрьё Сеппяля, она написала ему, он русский кое-как знал, он приехал за нами, мы упаковали вещи и приехали в Петрозаводск. Это уже был тридцать третий год. Второй раз оказались в Петрозаводске 12 марта. Приехали в Петрозаводск, но ничего. Наши вещи — я удивляюсь, у нас же в то время много вещей было. Из Америки ехали, нам сказали, чтобы запасали все лет на четыре-пять, в том числе и кофе. Финны-то кофе любят. И все сохранилось! А тогда же неразбериха была, будь здоров, везде. Но приехали в Петрозаводск, жили тут у знакомых.

Не в Американском городке?

Нет, мы жили в *osuustalo* [фин. дословно — дома, построенные в складчину, кооператив] — это дома, построенные частично за доллары. Три дома — там, где сейчас больница ветеранов войны на [улице] Куйбышева, и от нее к озеру было три дома. В одном из этих домов жили наши знакомые, и они приютили нас там. У них было две комнаты, маленькая кухня — там только приготовить, а кушать уже где-то в стороне.

Второе интервью с Пааво Алатало (17 октября 2006 г.)

Запись утеряна по техническим причинам. Информация восстановлена по памяти.

Школа

Респондент по возвращении в Петрозаводск в 1933 г. пошел в четвертый класс финской восьмилетки. Финскую грамоту он выучил только потому, что в 1931 г., когда они с родителями оказались в Петрозаводске первый раз, он купил букварь и заставил мать обучить его финской грамоте. За март — май 1933 г. он подтянул финский язык и смог перейти в пятый класс. В дальнейшем он учился более успешно, однако в девятом классе, в 1937/38 учебном году, все изменилось: первое полугодие учились на финском, второе — на русском. Из-за этого в десятый класс из финского класса смогли перейти только три человека, и финский класс объединили с русским.

ПОЛОЖЕНИЕ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ФИННОВ В ОБЩЕСТВЕ

В сравнении с другими финнами американские финны считали себя «более привилегированной кастой» и старались держаться друг друга. Русское население относилось к американским финнам с завистью из-за инснабовского снабжения. Русские дети дразнили детей американских финнов:

*Американец-американец,
Засунул в ж*** палец,
И крутит там им он,
Заводит граммофон.*

К концу 1930-х гг. инснабовское снабжение было отменено и эти противоречия во многом исчезли.

РЕПРЕССИИ

Определенные тенденции респондент запомнил еще до 1937 г.: физкультуру в его школе преподавал известный еще в Финляндии боец, чрезвычайно популярный среди своих учеников. Против него был устроен показательный суд в актовом зале школы: судили за то, что он заставлял соревноваться друг с другом ребят финской и карельской национальностей с целью разжигания национальной розни. В 1937 г. начались гонения против финского населения. После того как в 1937 г. и в начале 1938 г. исчезли многие финны, те, кто остался, начали прятаться. Многие на весну, лето и осень 1938 г. уехали из города либо на острова в Онежском озере, где жили в палатках, либо на озера вглубь Карелии, где многие жили на островах в перевернутых лодках. У подружки респондента Тойни Хяннинен забрали отца, и мать с дочерью провели лето на островах в Онежском озере, после чего осенью уехали из Петрозаводска. Отец респондента, он сам и еще двое знакомых уехали работать в Поволжье, т. к. считали, что репрессии против финского населения были ограничены Карелией. Поскольку жить было негде, то очень

часто ночевали в привокзальных садиках под открытым небом. В конце лета мать, остававшаяся в Петрозаводске, прислала письмо, что репрессии прекратились, и в сентябре респондент с отцом вернулись в Петрозаводск.

АРМИЯ

В 1939 г. респондент поступил в Ленинградский политехнический институт. Однако в связи с приближающейся войной против Финляндии в середине ноября 1939 г. его призвали в армию и перевели в Петрозаводск. Здесь он узнал, что попал на службу в Финскую народную армию. Поначалу под казармы использовалось здание Карельского пединститута (теперь левое крыло здания главного корпуса Петрозаводского государственного университета). В качестве обмундирования им выдали трофейную польскую форму. В боевых действиях соединение респондента участия не принимало, всю войну простояло в городе Териоки⁴.

Третье интервью с Пааво Алатало (24 октября 2006 г.)

Сколько процентов из ваших знакомых североамериканских финнов уехало из России? Каждый третий, каждый пятый? Можно сделать какие-то оценки?

Из нашей группы, из нашего города приехали три семьи, и из них две уехали обратно. По-моему, где-то, может быть, процентов десять-двадцать обратно уехало.

Вы помните фамилии тех семей, которые уехали из Уоррена?

Одна семья — Ранта. Там отец, мать и две дочки.

А вторая семья?

Вторая семья — Киннунен. Родители, старшая дочь и сын помладше. Дочь, по-моему, звали Лилия, а сына Артур. А у Ранта старшую дочь звали Аунэ, а младшую Илми.

Вы с ними дружили?

⁴ Сейчас г. Зеленогорск, Ленинградская область. Примеч. науч. ред.

Да, в какой-то степени. Особенно с Илми, она была как мальчишка. Мы с ней и играли.

А еще кто-то из ваших знакомых вернулся обратно в Америку? Ваш дядя?

Мой дядя уехал в Финляндию. Я говорил, что он [в 1931 г.] остался в Москве на автозаводе работать. Оттуда он заехал к нам в Петро-заводск и больше к нам не заезжал, уехал в Финляндию.

Получается, что у вас живут двоюродные сестры и братья в Финляндии?

Есть, много. Там есть такая традиция — сбор рода. Собирается около ста человек, но из них я знаю человек двадцать. Это родня со стороны матери. На севере сборов рода не проводят почему-то. Там тоже широкий род, но многие в Швеции живут. Я говорил, что вообще-то мы из Швеции. В общем по обе стороны реки Торнио существует наш род.

До каких годов финны продолжали уезжать из Карелии? В каком году закрыли границу?

В тридцать седьмом году, когда начались аресты и гонения.

Кто-то из североамериканских финнов пытался нелегально пересечь границу?

Была одна пара, муж и жена. Я не знаю их фамилий и североамериканцы они или нет. Их поймали, арестовали, и я не знаю, куда они потом делись.

Перед тем как уехать, обсуждали между собой, агитировали своих друзей, знакомых, чтобы они тоже уезжали?

Было все легально, и каждый решал сам, уезжать или нет.

Когда начались аресты, вы упоминали [в предыдущем интервью], что многие уезжали на острова в Онежское озеро, а многие — на озера, [где] жили в перевернутых лодках. Это каждый решал сам за себя, или обсуждались эти вопросы?

Нет, тогда уже общения не было, все боялись, потому что были доносчики и никто не знал, на кого нарвешься. Каждый сам за себя решал.

А среди финнов были доносчики?

Были, но потом и их забирали.

Вы лично знали осведомителей?

Нет, не знал, но страх присутствовал постоянно.

Вы не помните, в какие места уезжали финны? На какие острова?

Около озера Кончезеро больше всего, а так — по всем карельским островам.

В Карелии до войны было три группы финнов: североамериканские финны, красные финны и финны-перебежчики. Эти три группы обособленно держались друг от друга или смешивались?

Отдельно. Связи были, конечно. Но общего было мало.

Когда вы общались с представителями из других двух групп, вы в первую очередь ощущали, что вы — финны, или то, что у вас разная политическая биография?

Все-таки чувствовалось общее.

Когда североамериканские финны начали создавать семьи с местным населением, с русскими, с карелами? Была ли такая тенденция, что со временем смешанных браков становилось больше?

В первое время мало, а потом все больше и больше. Наше поколение уже хорошо знало русский язык, и была возможность общаться.

У представителей вашего поколения какой процент был браков с русскими, а какой с финнами?

Конечно, больше браков было между финнами, смешивалось процентов десять-двадцать.

Вы помните миграцию ингерманландских финнов в сорок девятом году? Быстро они вписались в послевоенное общество?

Они держались обособлено, но связи были, конечно. В Деревянном у нас дача была, и по соседству жили ингерманландские финны. Мы с ними хорошо дружили.

По рассказам, ингерманландские финны нередко устраивали между собой поножовщину и всегда носили с собой финки. Это правда?

Ножи носили, но не для драк, а для дела либо для красоты, как русские офицеры носили шпаги. А о драках я не слышал ни разу.

Вы помните Американский городок на улице Урицкого? Был ли там бар или клуб, где собирались североамериканские финны? По рассказам, там стояло фортепьяно, они там вечерами собирались, пели песни.

Я в нем часто бывал, но не слышал. У них был клуб не в этом поселке, где было восемь домов, а немного ниже, примерно на квартал ниже, тут были одноэтажные бараки, и там был клуб. Ну и в этом клубе, конечно, были вечера, танцы, духовой оркестр мальчишеский был. Из нашего города, из Уоррена, приехал музыкант, он там занимался музыкой, и он собрал мальчишек в духовой оркестр. Его называли «Пойка банди» — оркестр из мальчишек. Там были вечера и танцы, но я там ни разу не был. Я ведь тоже ребенком учился на скрипке. Двоюродный брат моего отца меня учил. Когда сюда приехали, то некому стало меня учить, так я ходил со своей скрипкой около того клуба вдоль улицы Урицкого. Мне надо было бы пойти к тому музыканту из нашего города. Хоть мы и не дружили в Америке, но, может, если я бы ему представился, он согласился бы меня учить.

Он потом тоже уехал?

Нет, по-моему, нет. У него дочка Лайла была, в финском театре познакомилась с артистом и вышла замуж. Взяла фамилию мужа — Салми. А еще Лайла пела в «Кантеле», на пианино играла неплохо.

А скрипку вы из Америки привезли?

Да, я две скрипки привез.

Вообще вы много багажа из Америки привезли?

Много у нас ящиков было, кровати двуспальные, мебель, сервант, стулья. Чего только не было.

Вы говорили, что многое сумели сохранить, несмотря на то, что пол-России проехали.

Да, сумели сохранить. Это потом родители, после финской войны, переехали в Кексгольм⁵, а когда началась Отечественная, там бросили много. В эвакуацию тоже много всего взяли с собой. Вещи везли на баржах по каналам через Москву, по Волге, там, где жили немцы, их куда-то отправили в Казахстан и в Сибирь, а эвакуированных на их место. Потом, когда обратно возвращались, уже там бросали. Но все уже износилось, истрепалось, поэтому не было необходимости и возить.

Приходилось вам или другим североамериканским финнам скрывать свое происхождение?

Вообще я не скрывал, но и не хвастался. Я всегда был финн. Некоторые и фамилии меняли, и национальность. За мной такого не было.

Мы с тобой в прошлый раз закончили сороковым годом⁶. В сороковом году нас из Новгорода погнали на границу, Прибалтику тогда освобождали, руку помощи подавали, но наш полк границу не перешел. Был на стыке Эстонии и Латвии.

Ваш полк состоял в основном из бойцов бывшей Финской народной армии или ее личный состав после расформирования смешали с другими частями?

Расформировали. Мы лето там были, на берегу еще лошадиная тяга была, лошадей на реку водили на водопой. Еще кое-кто из финской армии были: Тикка Тойво, Ваня, тоже финн. Был такой Володя, теперь я думаю, что он был чеченцем. Фамилия такая, звучит как чеченская. Хороший паренек был, аспирант-историк, потом во время войны он снабжал артиллеристов снарядами. Говорят, было прямое попадание в его трактор, а трактор был полный снарядов,

⁵ Сейчас г. Приозерск, Ленинградская область. Примеч. науч. ред.

⁶ В прошлом интервью П. Ю. Алатало рассказывал о службе в армии во время советско-финляндской войны. Примеч. науч. ред.

и его разнесло по кусочкам. Хороший был человек, он меня заразил тягой к истории.

Война для вас началась в городе Луга?

Да. Мы были не в Луге, а уже в лагерях, там поселок какой-то. Как раз воскресенье было. Боевая тревога, нас в лес запрятали. Потом патроны дали, ящики. Раньше мы ящики не вскрывали, а тут приказ заряжать пулеметные ленты. Мы не знали, что это такое, но где-то к обеду стало известно, что началась война, что Германия напала. Но у нас тогда не бомбили ничего, сначала повели куда-то на север, потом повернули обратно на юг, в сторону. На границе с Латвией мы немцев встретили. Была *[наша]* танковая дивизия. Я и думаю: «Столько *[на танке]* этой брони, столько всего, кто его сможет одолеть?». А потом под вечер, кто без гусениц, у кого бок разорван, у кого что. Ночью пойдут, соберут остатки, а утром опять вперед. А потом, где-то к сентябрю, немцы нас оставили. Мы с юга пришли на московскую дорогу, Питер — Москва. Там был разбомбленный мост, рядом был понтонный мост, и меня поставили на его охрану. Потом оттуда меня и забрали в трудармию.

Вы почувствовали к себе особое отношение как к финну? Особисты уделяли вам особое внимание?

Был, конечно, особый отдел. Я на себе особого внимания не чувствовал. Наоборот, я был командир отделения, командир машины. Между прочим у нас на машину приходилось пять человек, и четверо из них были разных национальностей. И очень дружно жили, не спрашивали, кто какой национальности. Двое русских, из-под Москвы, первый номер пулемета был казах, водитель машины был белорус, и я, финн, командир отделения.

Какие чувства вы испытали, когда Финляндия присоединилась к Германии?

Не могу сказать, мы ничего не знали. Никаких газет не было, никакой политинформации.

В трудармию вас забрали осенью?

Да, на стыке сентября и октября.

Объяснили, за что?

Сказали на переформировку, а оказались в трудармии.

Вы пытались писать какие-то заявления, чтобы опять на фронт попасть?

Я не знаю, как письменно, но устно мы стремились на фронт. Но без ответа.

Вы говорили, что еще финны были в вашем полку, их тоже забрали?

Тоже вместе с нами были в Ревде, это город на Урале, в Свердловской области.

Что собой представляла трудармия?

Да, это была разношерстная штука, трудармия. Там, где мы были, в Ревде, мы строили хранилища. На берегу реки Часовая, там поселочек такой, была построена дамба и электростанция. Я думаю, в поселке, в котором мы жили, жили заключенные, которые строили эту электростанцию. Там такие бараки да нары в этих бараках. Мы жили свободно, работали, конечно, но охраны у нас никакой не было. Кормили не ахти, конечно. В поселке был клуб. Потом [когда] был снег, в клуб мы не ходили, уже отощали.

Там только мужчины были или семьями ходили?

Там были в основном одни мужчины, эстонцы. Было и несколько финнов из нашего полка. Были там и командир отделения, и бригадир Тойво Тикка.

Он был американский финн?

Нет, ингерманландец. Там в основном были эстонцы. Потом и эстонцев на переформирование отправили, затем они создали свою армию, Эстонию свою освобождали. Были одни мужчины, женщин не было у нас. Там кое-кто из местного населения был. У нас было довольно свободно, мне бригаду дали стариков, инвалидов, уральские мужики, которые в армию уже не годились. С ними я подружился. С одним, фамилию не помню, ходили летом сорок второго

года на разбезд, сено косили, халтурили по выходным. Был начальник по станции, потом его взяли в армию, и начальницей стала его жена. Она еще нас подкармливала, потому что корова у них была. А когда в Ревде строительство закончилось, меня взял главный инженер УВСП-283 — Управление военно-строительных работ — в Свердловск в контору. Я был в почете у начальства. Вроде никому я не заискивал, можно сказать, наоборот. Но все равно взяли меня в контору каким-то учетчиком на управление военно-строительными работами, чтобы я учитывал расход строительных материалов. Потом, через некоторое время, меня оттуда попросили. Меня послали на какую-то станцию, километров тридцать, наверное, было. Там аэродром, на нем дом какой-то строили, пеленгаторскую станцию, что-то такое. Я там тоже бригадиром был. И тут я к большому городу близко оказался. Ведь был такой приказ. На расстоянии сто один километр, вы слышали, наверное, от больших городов... А там Свердловск был где-то в тридцати километрах, и меня оттуда [*отправили*] в Сысерть⁷. Там металлургический завод строили. В то время железной дороги не было еще, автомобильная была. Некоторые мужики были из Сысерти, потом разбрелись потихоньку по домам. И в Сысерти я был достаточно свободен. А там уже все по-другому, строители были русские, какие-то были из Средней Азии, таджики или кто они были. А вот другое дело была трудовая армия в Челябинске, вы слышали, наверное. Там уже находились под охраной. Кругом была колючая проволока, чтобы не удирали. На стройку металлургического завода ходили строем, охрана с ружьями ходила. Обратное же самое. Никуда за пределы колючей проволоки нельзя было ходить. Мы-то ходили свободно, я даже, когда в Ревде был, ходил в город к зубному врачу один, ничего. Ходили халтурить на маленькую станцию, полустанок такой. Не было никаких охранников. Когда я был в Свердловске, я слышал, что финнов забирали в Челябинск. А я все переживал: «Господи, меня-то не берут». Не знаю, кто меня хранил, может, главный инженер был мой ангел-хранитель, поэтому меня туда и не взяли и отправили на станцию, а потом в Сысерть.

А про судьбы других североамериканских финнов вы знаете?

⁷ Населенный пункт в Свердловской области. Примеч. науч. ред.

Знаю про Аллена Сихвола.

Он ваш сверстник?

Да, мы, по-моему, одноклассники. Теперь он в Финляндии живет, в Хельсинки.

Давно уехал? В девяностые?

Да.

Он тоже в Челябинске в армии служил?

Да, но он был музыкантом и тем сохранился. Не на тяжелых земляных работах был. Их оркестр мог иметь побочные заработки.

Оркестр был финский или интернациональный?

Я не знаю больше никого. Аллена я знаю еще из Америки. Единственный знакомый из Уоррена.

Из Америки он с семьей переехал?

Да, он с семьей переехал. У него мама уехала в Финляндию еще до [Великой Отечественной] войны, а отец работал здесь после войны, а до войны не знаю. Они приехали после нас, по-моему, в тридцать втором году. За Вилгой были еще лесопункты, он в одном из таких лесопунктов и жил. Мы с моим папой ездили к ним. У них там была маленькая комнатка. Ездили туда за ягодами, спали у них на полу. Ездили на велосипедах. У нас был один, да один у знакомых брали.

Кстати, среди североамериканских финнов принято было собирать грибы?

Грибы мы собирали после войны уже, а до — нет. Когда я женился, то мы ездили на пятидесятый километр. Тогда, в пятидесятых-шестидесятых годах, машин было мало, вот мы и ездили туда.

Как пережили войну ваши родители?

Относительно неплохо. Их эвакуировали в Поволжье, в город Красноармейск. Немцев подальше, в Сибирь да в Казахстан, а этих на их место. Дома пустовали, коровы ходили бесхозные. Можно было

корову взять, да мои родители не посмели. Если бы взяли, то совсем хорошо было бы, ведь корова — это большая поддержка во время войны. У них был двухсемейный дом, мои родители в одном конце, их знакомые в другом.

А знакомые тоже американские финны? Или просто местные?

Нет, не местные, эвакуированные, их фамилия Курикка. Я их не видел. У них сын был в трудармии, погиб там, по-моему. Старика звали Отто, а сына не помню, но они все есть в списках. Он в трудармии умер с голоду, конечно же, от истощения. Курикка Уильям, он погиб в трудармии, старший сын. Еще есть второй брат Лаури. Тоже уехал в Финляндию лет десять назад. Сначала уехал его старший сын, потом у сына там дочка родилась, и потом Лаури и его русская жена Катя поехали нянчить, да там и остались. Лаури помоложе меня, по-моему, двадцать седьмого года. Они в Чалне жили. Он трактористом был на лесозаготовках, жена, по-моему, дома сидела. Потом он на ремонте лесозаготовительной техники работал.

После войны все стали возвращаться обратно в Карелию?

Да, правда, не совсем все, но большинство. Я бы тоже мог на Урале жениться и остаться. Там, в Ревде, была начальница почты, и когда я уезжал, она сказала: «Эх, я-то думала, ты будешь ухаживать за моей дочкой». А я все о Карелии мечтал. Думал, я буду карел, она с Урала, так и будем тянуть туда-сюда. В Сысерти тоже один знакомый, из моей бригады, он работал в клубе дирижером, Савин Александр, маленький мужичок такой, тоже говорил: «Эх, я думал, ты за нашей дочкой будешь ухаживать». Я думаю, куда мне в таких расстрепанных [одеждах], еще армейских остатках ходил. А тот говорит, дали бы тебе, от сыновей одежка осталась. Вот так. Такая судьба.

О чьих еще судьбах североамериканских финнов вы помните?

О Лайне я вам говорил, когда мы приехали из Туапсе, у нее жили. У нее сын и муж утонули в Онеге. Они ездили на Бараний Берег. Что-то строили там, как было принято в Америке. У нас тоже, у радикалов-финнов было принято иметь участок земли за городом,

на берегу реки. Купаться там плохо было, дно глинистое, пляжа путевого не было. Так там столовую организовали, танцплощадку, какие-то программы на свежем воздухе летом.

Вы не вспомнили, как их звали?

Отца звали Элмер, сына звали Олави. Жену звали Фия, но это сокращенный вариант от какого-то имени. Жена потом сдавала комнату, там жили двое одиноких мужиков из нашего Уоррена: Август Лахти и Александр Ламми. Эта Фия вышла потом замуж за Августа Лахти.

В том же году или попозже?

Нет, через некоторое время, может год, два, три прошло. Они потом построили дом на Бараньем Берегу и жили там.

А работали они где? Не в Соломенном случайно?

Она работала тут, в типографии, до войны. А он по дереву очень хороший мастер был, но где работал, не знаю. Может, где-то столярка была. А потом уже пенсионерами они вроде...

А дети у них были?

Детей не было. Мы потом ходили туда, тоже к ним. Зимой на лыжах, летом на пароходах. Банились там у них.

Вы говорили, что дружили со сверстниками, детьми из других семей североамериканских финнов. Вы помните судьбы их семей?

Были еще знакомые, но это уже не американские финны. Они уже тут давно были, наверное, после революции сразу, красные финны. Директор Петрозаводской радиостанции Эдвард Вастен, а как у них маму звали, я не помню. Мама между прочим была первой женой Тайми⁸, заместителя председателя Верховного Совета, еще

⁸ Тайми Адольф Петрович — член РСДРП с 1902 г., участник гражданских войн в Финляндии и Карелии в 1918—1919 гг., в 1921—1928 гг. — на подпольной работе в Финляндии, в 1928 г. арестован, в 1928—1940 гг. находился в финляндской тюрьме, в 1940 г. освобожден, переехал в СССР, в 1940—1947 гг. — заместитель председателя Совета Министров Карело-Финской ССР, в 1947—1955 гг. — председатель Президиума Верховного Совета КФССР. Примеч. науч. ред.

перед войной он был, когда была сформирована Карело-Финская республика. Потом он [Эдвард Вастен] стал инженером на радиостанции. Он получил образование еще в Америке. Толковый инженер был. Потом его перевели на Курган⁹. Он своему сыну Олави показывал камень в Сулажгоре, за которым он прятался, когда стрелял по белофиннам, которые шли на Петрозаводск. Этот Вастен был бывший партизан. А Олави был неудержимый какой-то, характер такой стремительный, он сразу же был ранен в первые же дни [Великой Отечественной] войны. Я писал в мемуарах, когда раненых отвозили в тыл, и немцы разбомбили этот поезд. И на этом его странствия вроде бы кончались. Этот Тайми, председатель Верховного совета, искал его, искал. И на этом всегда поиски заканчивались, когда этот поезд разбомбили, то, видимо, он тоже под бомбежку попал. Потом второй друг у меня был, Эрkki Туркки. Этот уже из финских финнов, они приехали в тридцатые годы сюда. Мы с ним ходили на лыжах в «Спартаке». Он на десятку ходил, а я на двадцать километров ходил. У меня спортивный костюм остался на «Спартаке» да часы штампованные, теперь такие не делают уже. Он тоже был в армии. Был ранен в ногу. Потом Лео Луома, это из американских финнов. Сын известного бригадира-строителя Лаури Луома. Тоже служил в армии. Был ранен и [оказался] в плену. У него такая история, что ой... У финнов был в плену. Там он попал в немилость этих финнов, его приговорили к расстрелу, чего только не было¹⁰. А потом его еще и [в СССР] посадили, не знаю, сколько лет ему дали за сотрудничество с финнами.

А девушек помните, американских финок, кроме тех, с которыми дружили?

Американских финок не помню. Так-то в школе учились, они приезжали с лесопунктов, там у них общежитие было. Неделю жили тут, а на выходные ездили домой.

⁹ Один из районов Петрозаводска. Примеч. науч. ред.

¹⁰ В предыдущем интервью респондент рассказал, что от расстрела Лео Луома спасло то, что он родился не в Финляндии или СССР, а в США. Примеч. науч. ред.

Большое влияние американские финны оказали на культурное развитие Карелии? Много было известных имен среди тех, кто из Америки приехал?

Например, Финский театр в основном был укомплектован из американских и финских финнов. Была там Лиза Томберг, по-моему, она была ингерманландка. Народная артистка СССР. Много было артистов, очень сильный был состав, прямо скажу. А потом их тоже раскидали, разбросали, арестовали. А из писателей я не знаю, из американских финнов. В «Кантеле» они участвовали. А то, что Финский театр, как жалко. Хороший был театр.

Спасибо!

Интервью с Юрьё Мюккяненем, 1922 г. р.

Интервьюер: А. В. Голубев

г. Петрозаводск, 6 февраля 2007 г.

Общая длительность интервью — 2 часа

Меня зовут Юрий Давидович Мюккянен. Я родился в Финляндии, и мне был всего год, когда родители переехали в Канаду. Я родился в 1922 г., а на море, в 1923 г., мне исполнился год. Причиной переезда было то, что отец участвовал в восстании в Финляндии¹. Сидел между прочим в Таммисаари². Думаю, из-за этого и уехал, чтобы повторно его не арестовали. Приехали в Галифакс на теплоходе, и потом через весь материк, через всю Канаду приехали в Ванкувер. Там и обосновались и жили восемь лет. Потом, в 1932 г., кажется³... В то же время была большая безработица и официально вербовали в Карелию. Многие поехали, в том числе и мы, обратно через весь материк в Галифакс и оттуда в Ленинград.

Какой была ваша семья?

В Америке у меня родилась сестра, нас двое [детей] и родители. Отца звали Давид Васильевич, мать — Ада Адамовна, а сестру — Лаура. Она родилась в 1924 г., к сожалению, уже умерла, похоронена здесь, в Петрозаводске, как и отец с матерью. Время свое берет, как говорится. Здесь отец сперва работал в Петрозаводске. В то время не хватало на стройках руководителей, прорабов. Он прошел краткие курсы специалистов в Петрозаводске, и по окончании этих курсов его послали прорабом в Кестеньгский район. В Кестеньгском районе строилась больница, потом последним местом службы был олений забор вдоль границы, он строился под руководством отца. В тридцать седьмом году отца сняли с работы. Тогда Хейкконен

¹ Имеется в виду Гражданская война 1918 г. в Финляндии. Примеч. науч. ред.

² Финский лагерь для пленных красногвардейцев с очень высоким уровнем смертности. Примеч. науч. ред.

³ По документам, семья Мюккянен приехала в Карелию в 1931 г. Примеч. науч. ред.

был первым секретарем [*Кестеньгского*] райкома⁴, сняли сначала его, а после этого и отца сняли с работы. Нашли причину. В Кестеньге такой работы не было, и он уехал в Петрозаводск. В Петрозаводске в то время из Комилеса, из Сыктывкара, был вербовщик. Там нужны были специалисты в Усть-Неме⁵, где строился новый леспромхоз. Там нужны были для тракторной вывозки леса однополосные сани, и надо было строить эти однополосные тракторные сани. Там главное, что нужно, это инструмент, сверла, и специалисты нужны были, и туда уехал не один отец, а человек двенадцать, наверно, из Карелии.

Именно американских финнов?

Да, американских финнов. Отец, Аксели Кауппи [*Кауппинен*], Вяйнянен — эти с Матросов и с Вилги. В основном оттуда и из Петрозаводска. Потом летом я там начал с отцом работать, мы строили эти тракторные сани. Пришла осень, и прошел слух, что этому леспромхозу передавали заключенных, которые и должны были работать в Усть-Немском леспромхозе. Оттуда многие уезжали, там много было немцев с Поволжья, они там тоже работали. Мы [*уезжали*] на последнем пароходе, а он замерз в реке километрах в ста пятидесяти от Сыктывкара, и пришлось — мы тоже, как и многие другие, пешком шли остальной путь. Там нельзя было на машинах ехать, так-то машины там ездили, но реки пересекали дорогу в двух местах. Переходили из одной деревни в другую, а река так замерзла, что [*еще*] и машину не держала, и [*уже*] паром не ходил, и все вещи перетаскивали вручную до следующей деревни, и так до Сыктывкара. Мы тоже пешком пришли до Сыктывкара. Оттуда нас отправили по другой ветке, по Сысало⁶, по-моему. Вверх, до Койгородка⁷, там был большой леспромхоз. А из Койгородка послали нас дальше, на лесопункт, на валку леса. С нами на валке леса работали

⁴ Иоганн Хейкконен (1892—1938) — военный комиссар КАССР до 1928 г., секретарь КарЦИКа в 1933—1935 гг., в 1935—1936 гг. — первый секретарь Кестеньгского райкома партии. Снят с работы в августе 1936 г., арестован осенью 1937 г. Умер от пыток в тюремной больнице. Примеч. науч. ред.

⁵ Населенный пункт в южной части Коми АССР. Примеч. науч. ред.

⁶ Река на юге Коми АССР. Примеч. науч. ред.

⁷ Город на юге Коми АССР. Примеч. науч. ред.

несколько семей. Семьи четыре из Америки и Канады было на этом лесопункте. И потом решили весной тридцать восьмого года оттуда уехать. И так как пассажирский пароход не поднимался так высоко, мы решили спускаться вниз по реке вместе со сплавляемым спецлесом. Он сплавлялся в больших плотках, на каждый плот нужен был сплавщик, и вот мы с матерью сплавлялись на одном плоту, отец с сестрой — на другом. Нам за это еще и заплатили. Километров триста надо было на плотках спускаться вниз по реке, но там не мы одни, там масса плотов сплавлялись. Так вот, чтобы не потерять этот спецлес, так-то молевой лесосплав потом шел, а сзади шел большой плот, там была лодка, и ворот там был, чтобы если застрянет плот, они помогали выйти опять на течение, и так до Сыктывкара шли два плота. Мы не раз сплавлялись на плотках. Небольшое удовольствие было. Там был сделан навес от дождя и место для огня. В одном месте пароход чуть не наехал на плот, мы испугались немножко, отбежали, и у нас там загорелось одеяло. Ну ладно, приехали живыми до Сыктывкара. Дальше надо было куда-то устраиваться. Шел разговор, что в Свердловске строят однополосные сани, и [мы] поехали до Свердловска по железной дороге. Мы одни попали туда. Нас отправили за шестьдесят километров от Свердловска, на север, в Таватуйский леспромхоз. Станция Таватуй⁸. Там я уже начал работать с отцом. В Кестеньге я окончил седьмой класс, а дальше не пришлось учиться. Потом начали люди приезжать из Петрозаводска. Было уже семей шесть.

Почему люди уезжали из Карелии?

Потому что в Карелии шла в аккурат... нам писали знакомые, а мы даже не верили, что ночью приходят и увозят людей. Мы думали, что это невозможно, не верили. Но [знакомые] приезжали и рассказывали, что было и как. Тогда был тридцать восьмой или тридцать девятый год, по-моему. Мы попали одни в этот Таватуйский леспромхоз. Остальные, которые в Коми работали, попали по этой же дороге прямо на север, и там их всех арестовали. И один знакомый из Канады, Кауппинен, тоже сидел два года под следствием. Потом он освободился и приехал к нам в Таватуй. Он был в больном состо-

⁸ Населенный пункт в окрестностях Екатеринбурга. Примеч. науч. ред.

янии, одна голова большая осталась. Такое состояние, что из ушей гной шел. Потом немного поправился. Его звали Аксели Кауппинен. Он был грамотный человек, и когда наступила весна, он умолял меня: «Юра, когда муравейники откроются, принеси мне муравьев, хоть в спичечной коробке». Так-то он с нами кушал, мама варила. Мы через лесок шли на обед. Снегу было много, но муравейники рано открываются. Он мне целые лекции читал, сколько в дюжине муравьев калорий, сахара, сколько можно употреблять муравьев одним разом. Он ел их живыми. Он сказал, что можно [*за один раз*] сначала есть до двух дюжин муравьев, потому что от них может быть сильный эффект, и до полсотни можно их потом употреблять. С тех пор я тоже употребляю муравьев, когда есть возможность. И он начал на глазах поправляться. В тридцать девятом мы приехали обратно в Карелию. И многие переезжали из Таватуй в Карелию. Наш знакомый приехал, Блок, не помню имени. На Неглинке⁹ есть трамплин, вышку он конструировал и строил. Закончилась финская война, и после финской кампании мы вернулись в Петрозаводск. В сороковом году, перед [*Великой Отечественной*] войной. И потом работали в Зарецком районе. Тогда Петрозаводск делился на два района. Мы строили деревянные дома бригадами, была такая бригада Нордмана. Потом война началась, и меня [*призвали*], и со мной еще одного финна из Канады, парня моего возраста. Двадцать второго началась война, а двадцать четвертого или двадцать пятого нам прислали повестки в военкомат. Мы пришли в военкомат, там указ о мобилизации. Нам: «Идите домой, некогда нам с вами заниматься». И мы пошли домой. Мы все ждем, а нас все не призывают. Людей призывают в армию, война уже началась. И потом вызвали в горвоенкомат, в конце концов, всю нашу бригаду. В бригаде я один молодой был, остальные возраста моего отца, и все в бригаде были финны, кроме двух русских, но они из бригады были призваны в начале войны. [*Спросили*], желаем ли мы добровольно в спецшколу. Конечно, все написали заявления. И так нас приняли в спецшколу в Маткачи¹⁰. Там была зона отдыха. Там были дома, и нас поселили туда, и мы начали изучать географию Финляндии, карты, ружья,

⁹ Река в Петрозаводске. Примеч. науч. ред.

¹⁰ Деревня неподалеку от Петрозаводска. Примеч. науч. ред.

взрывное дело, все поменьше. Готовили из нас разведчиков. Ушли мы одни из последних. На Кондопогу шли маршем, и на мосту через Шую уже были готовы ящики с аммонитом, для подрыва, и когда мы шли, Петрозаводск горел. Наши же его и подожгли, финнов еще не было. Потом мы дошли пешком до Кондопоги, а потом на поезде в Беломорск. В Беломорске разместили нас в двухэтажном доме. От нас недалеко жили летчики. Там мы также продолжали изучать наше дело, проводили практические занятия. Это было уже под весну. Собаки бегали стаями, а летчик шел с полетов, решил попробовать свой пистолет и застрелил одну собаку из стаи. Эта собака в моей жизни сыграла большую роль. Один из наших, Пёрюрю, взял собаку за хвост и потащил. Я говорю: «Ты куда это?» — «А рукавицы красивые из шкуры». Ну ладно, понял. Затащили в сарай, сняли шкуру, и вечером полная духовка была мяса. Ну, там мужики были такие, что уже не раз ели собак. Мы не голодные были, нет, но это же прекрасное мясо. А тогда в аккурат сменилось руководство спецшколы. Начальником спецшколы был капитан Метсяниemi, финн, но его сняли, и [на его место] пришел русский. Кто-то ему доложил, что у нас в спецшколе едят собак. Он построил всю школу, поставил нас перед строем и объявил, что мы исключены из школы. «Если враги узнают, что собак едят!» и так далее. Заклеймил нас чуть ли не врагами народа. Сняли с нас обмундирование, заставили одеть гражданское. Потом генерал-майор Анттила¹¹ услышал, что двоих исключили из спецшколы, и попросил, чтобы мы не пропали и пришли к нему. Мы пошли по адресу генерал-майора. Там на воротах стоят солдаты с автоматами и говорят: «Нет дома, нет дома». Ну что ж, мы решили, что подождем. И так мы прождали неделю. Мы устроились на чердаке одного дома, там были нарвы. Но в конце концов он пришел домой, и нас повели прямо к нему на квартиру. Он стоял в одной нижней рубашке и в брюках. Посмеялся: «Да ладно, ребята, случилось, что собаку съели». Он же знал, что не мы одни ели. Он сказал: «Я пошлю вас в такое место, там хоть сколько собак съедите, вам ничего не скажут». Отправил нас в штаб. И послали

¹¹ Аксель Анттила, красный финн, после эмиграции из Финляндии был на службе в Красной Армии, в 1939—1940 гг. был командующим Финской народной армии при правительстве О. В. Куусинена. Примеч. науч. ред.

нас в спецотряд НКВД, который тогда формировался в Беломорске. Меня туда приняли, это был партизанский отряд. Меня приняли, а Пёрюю не приняли, у него еще финский паспорт был. В этом отряде был Осмо Бородкин, когда я в седьмом классе учился, он вел у нас рисование и музыку, карел из Кестеньгского района. Меня перевели туда. Тогда еще сто грамм [водки] давали в обед. Я помню, я же был голодный, так когда первый раз обедать пошли в Шижне¹², это за [Беломоро-Балтийским] каналом, там квартировался этот спецотряд... Обедать пошли, и я помню, эти сто грамм первые выпил, и в глазах потемнело, и не могу кушать даже. Хлеб на столе лежал свободно. Потом я начал поправляться. Занимались мы там, нас обмундировали. Был сорок второй год. И был большой поход, когда три партизанских отряда шли вместе на Кентозеро, это сто шестьдесят километров тыла. Три лыжни пробивали туда. Там был финский штаб. Неудачный был этот поход. Последняя ночевка у костра была за восемь километров от Кентозера, а утром мы должны были взять этот штаб. Послали туда разведку, и один из наших попал в мину, и у него оторвало ногу. Там мины были в лесу. У финнов, конечно, тревога, что там случилось. Тут же, ночью, они послали маленький отряд, [чтобы] узнать, может, лось попал в мину, или что. Мы еще дремали у костра, когда финны подошли по лыжне, по которой шли разведчики. Началась перестрелка, одного финна ранило, они его с собой забрали. Там была маленькая телефонная линия, тут сразу же тревога, послали за ними [погоню]. Наш отряд шел по лыжне, а другие по бокам, уже по целине. В одном месте был овраг, нам надо было одного послать вперед, чтобы шли за финнами. Он в овраг зашел, его сразу ранило в ногу. Финны уже шли через маленькое болотце. Они своего раненого тащили с собой и открыли огонь. У них был ручной пулемет. Тогда меня послали вперед. По мне также открыли огонь, я свалился в снег. Вот так мы шли до деревни, а финны уже заняли там позиции. Так не удался этот поход, ведь главное была внезапность, мы должны были уничтожить [командный] состав. Около восьми часов шел бой. Потом видно было, что на той стороне озера уже дополнительные силы [финнов]. Дали нам отбой, отступайте. Снегу много было, был март,

¹² Деревня в Беломорском районе, Карелия. Примеч. науч. ред.

и лыжи были так натоптаны, что ходить можно было. Раненых без лыж тащили. Вернулись в Беломорск, а поход был на Ребольском направлении. Потом подводили итоги нашего похода, по одному вызывали в штаб нашего отряда. Спрашивали: «Сколько ты уничтожил?». Был один санинструктор, у него пистолет-то всего лишь был, а он говорит: «Я финскую “кукушку” снял с дерева». В общем уничтожили семьдесят два противника. А потом разведка ходила, поймала одного финна, и оказалось, что только двоих финнов ранило в этом бою. Так было тогда. Потом весна. Нас, человек двенадцать, от отряда отделили, привезли в Беломорск. «Вас будут учить на командиров истребительных батальонов». В Беломорске мы заняли барак, там еще кто-то откуда-то приехал, в общем стало нас около тридцати человек. Потом пришел майор к нам, говорит: «Партизанское дело хорошее, но мы собрали вас для более важных дел». Мы так поняли, что опять готовят из нас разведчиков. Мы начали изучать подрывное дело, разное оружие, прыгали с парашютом. Когда прыжки делали, один парень погиб, парашют не открылся, было такое дело. Была весна сорок второго, таял снег. Открылась, как говорится, черная тропа. Начали постепенно посылать то одного, то другого. Каждому давали легенду. Мне тоже дали легенду. Я должен был добровольно сдаться финнам в плен, а потом забраться в финскую разведку. Это была последняя цель задания. От Лоухи фронт стоял на тридцатом километре. Наступательных боев там не было. И вот на правом фланге я должен был сдаться. Дежурная разведка, человек двенадцать, провожали меня. Там уже основного фронта не было, и я шел как солдат. Потом командир показал мне по карте, в какую сторону [идти]. Показал озеро, берег, вдоль которого я должен был идти, и за километр или два я должен был встретить финнов. Я [был] с винтовкой. Моя легенда должна [была] быть такая, что я сопровождал на лошади какие-то продукты, мы остались ночевать на берегу ламбы с другими солдатами, и я ушел и решил сдаться в плен. Я пошел по берегу озера помаленьку, а ведь он может быть и заминирован, и что угодно. Вдруг из-за кустов, в каске, с винтовкой, выскакивает [солдат] и кричит: «Hande hoch!» [нем. Руки вверх!]. Я испугался, ведь это же не по-фински. Должны [были] быть финны, а оказались немцы. Я кричу по-фински,

что не стреляйте. Он мне показывает, что, мол, винтовку брось. Ну, я бросил. «Komm hier!» [нем. *Иди сюда*]. Оказалось, эту часть фронта полностью заняли немцы. Финны уже отошли в другие места, в тыл. Вот так вышло, что вместо финнов я попал в плен к немцам. И два года был в плену. Лагерь был [на дороге] от Кестеньги до Лоухи, от Кестеньги километров шесть. Я жил раньше в Кестеньге, так немного знал [эти места]. Сначала меня в одной части держали суток трое. Потом один солдат сопроводил меня до лагеря. Как у добровольно сдавшегося у меня были преимущества, а добровольно сдавшихся старались направлять не на такие тяжелые работы. Жили мы в большой землянке. Это направление держала дивизия SS «Nord», и при себе они держали лагерь для разных работ. Они все время строили дороги. Я помню, был староста и с ним был санитар Попов. В одной руке у него была санитарная сумка, в другой — плетка. Придет пьяный в эту большую землянку: «Кто тут не хочет работать?». Вытащит кого-нибудь на середину и плеткой...

Он был русским?

Да, русский. Я не видел, чтобы немец ударил пленного. Сами русские, которые были санитарами, и так далее... Немцы ничего не умели делать из бревен, а строили все время. Там был солдатский дом [наподобие] фронтового клуба. Если у солдата день рождения, его отправляли в клуб. Там алкоголя не было, но давали жареную картошку. Женщины на кухне, поварихи, свечку зажгут и песни поют. Словом, справляли там дни рождения. Это было самое лучшее место, и пять человек из нашего лагеря отправили туда работать. Каждое утро приводили и вечером [отводили] обратно. Дрова пилили, воду носили. Бывало, что ночью бомбили «У-2». Там лесок был. Мы рубили там сосенки, и эти сосны целиком прислоняли к домам, чтобы не было видно. В общем это было такое место, где можно было чего-нибудь достать поесть. Я там потом работал. Там было два столяра, немца, которые делали столы и стулья, и я работал с этими немцами. И потом нас четверых послали в Коккосалми¹³. Это за восемь километров от Кестеньги в сторону Софпорога¹⁴,

¹³ Коккосалма — деревня, Лоухский район, Карелия. Примеч. науч. ред.

¹⁴ Поселок, Лоухский район, Карелия. Примеч. науч. ред.

там была немецкая часть и больница для легко раненых. Там надо было тоже строить. Мы построили там коровник на шесть коров. Нас было четверо: Сысоев из Кондопоги и двое из Пудожа. У нас там была землянка, и вечером нас закрывали на ключ. Кормили, давали нам немецкий солдатский паек. Утром открывали, и один немец с нами работал. В Коккосалми были один-единственный дом и баня. Настоящая карельская баня. Немцы топили ее, тоже любили париться и мыться. Был у них смотрящий за баней. Он брал одного из наших и только указывал, сколько дров класть в печку. Была моя очередь. Я заложил дрова, немец мне говорит: «Как эти дрова сгорят, еще один раз заполнишь печку и можешь идти обедать». Мы обедали [в своей землянке] в караульном помещении, за стенкой мы жили, а тут караульное помещение. Я пошел обедать и слышу [как] кто-то стреляет. Я вышел — баня горит, из дверей уже пламя бьет. Побежал туда, потушили, вылили ведро воды на каменку, сразу все потухло. Баня сгорела так, что уже ничего с ней не сделать. Старшина [немецкой] роты кричит, я уж думал, дело дрянь, баня-то сгорела. Я прибежал к нему. [Немец] говорит: «Вот баня сгорела, за сколько построите новую баню?». «За неделю, за пару недель мы ее сделаем, лишь бы бревна были». Он говорит: «Старая баня сгорела, сделаем новую, и опять Германия будет шире и краше». И сделали баню. Ну я думаю, слава Богу! Сделали баню.

У нас все разговоры были — зачем жить под немцами, надо бежать. Там свободно было. Днем нам давали лыжи, можно было бы уехать на лыжах. Но у нас осетин был, который никак не умел ездить на лыжах. Одного оставить нельзя, и так это дело осталось у нас до весны. Был сорок четвертый год. Там был еще довольно хороший клуб, он был сделан в Швеции и по частям привезен. В клубе показывали кино. Был выходной день, восьмое июня, если я правильно помню. «Пойдем в кино». Тарнавич говорит: «Я не пойду, у меня голова болит». Ну, пошли мы в кино втроем. Там один аппарат был. Часть фильма пройдет, перерыв, заряжают, потом следующую часть показывают. Вот часть закончилась, Сысоев вышел, мы с осетином сидим, смотрим. Я говорю: «Что-то Сысоева нет, пойду посмотрю». Пришел в дом, где мы жили, — нет никого. Мы уже к тому времени достали карту, компас, часы. В общем хотели бежать. Карта была

спрятана под скамейкой, в стене. Я руку сунул — пусто. Все ясно. Ушли, нас двоих оставили. Я пошел в клуб. Мы вышли. Я говорю Андрею, что [*наши*] ушли. Кругом лес. А мы смотрели, что фронт стоял [*на одном месте*] уже два года. Там и заминировано, и перекопано. Надо было идти километров семьдесят на север, и там уже не было сплошного фронта. И там уже можно было перейти. Вот такой был у нас план изначально. Но мы-то остались без карты. Слава Богу, нас учили, как надо ориентироваться в лесу. Осетин был в лесу первый раз, как теленок. Мы ориентировались по артиллерийской стрельбе с фронта, я знал, что на север надо, и я держал курс. Один раз шли через бугорок, и на берегу немец с лодкой возился. Мы тихонько, тихонько обратно. Обошли его. Еще раз чуть не попали. Слышен был разговор и видно было, что натоптано немецкими ботинкам. На четвертые сутки шли по краю болота, и там шалашик был и [*рядом*] окурки были. Не сигареты. И потом я говорю Андрею, что мы уже пришли, потому что окурки были от самокруток, махорочные. Потом мы прошли немного дальше и наткнулись на реку. Мост через реку был взорван. С виду новый мост, а взорван. Надо было перебраться через реку. Андрей плавать не умел. Разделись мы, собрали одежду. Течение было не сильным. Андрей споткнулся, упал. Я дотащил его до берега. Я знал, что около дороги идти опасно, там может быть заминировано. Пошли мы вдоль дороги, где мох поднимается. Услышали разговор. Я Андрею говорю: «Ты оставайся у куста, а я пойду на разведку». Дошел до открытого места, и там наш солдат стоит с автоматом. Я вышел из кустов. Он хотя бы автомат на меня направил, спрашивает: «Ты откуда?» — «Я из плена». А я еще в немецкой куртке. Говорю: «У меня там второй в кустах». — «Ну зови его». Я позвал, и он отвел нас в штаб. Спрашивал: «Где сидел второй солдат?». Мы ему объяснили. «Там же заминировано». В общем нам повезло. Спрашивали: «Давно ли ели?» — «Четвертые сутки голодные». А когда долго не ешь, человек становится очень легким. Нам принесли чай и по куску хлеба. Потом нас послали с сопровождающим по дороге в Лоухи, потом в Беломорск. Я попал обратно в свой спецотряд НКВД. У меня старики да сестра были в Беломорске. Я ходил к ним, они не знали [*ничего*] про меня два года. Наверное, с неделю или две я был в общежитии нашего отряда. Потом пришел офицер

и попросил меня пройти в штаб с вещами. Привели меня в штаб, посадили в угол. «Вас обвиняют по статье 58-1а [Уголовного кодекса РСФСР 1926 г.] как изменника родины». Я сначала не понял, как это так, проверка, что ли? Потом допрос: «Как немцы вас завербовали? С каким заданием вас послали?». Это уже в Петрозаводске.

Война еще не закончилась?

Нет, это было лето сорок четвертого года. Была ночь, темно было везде. Серый дом на Карла Маркса, сейчас там министерство внутренних дел, по-моему. В подвале этого дома были камеры. Держали в одиночке. Ночью допрос, днем не дают спать. Однажды меня охранял [солдат] с того [партизанского] отряда, с которым мы на Кентозеро шли. Он меня шепотом спрашивал: «Как в тюрьме, плохо?». Он мне еще сухарик дал. Потом еще некоторое время в общей камере, а потом отправили в лагерь. В лагерь на десять лет и еще пять лет поражение [в гражданских правах]. [Говорят]: «Подпишись», а суда никакого не было. Подпишись и все. Тогда я ничего не понял, а тут была еще такая история. Когда я был еще в [немецком] лагере в Кестеньге, привели туда одного [знакомого], я еще до войны знал его, такой Карп Архипов. Он был спортсменом, постарше меня. Мы вместе с ним ходили на Кентозеро, он только в другом отряде был. Он наблюдал за дорогой в Кестеньгу [на вражеской территории]. Его там поймали, но не как разведчика, он был в форме красноармейца. Его допрашивали, били. Сидел он на землянке, на крыше. Я еще с ним переговаривался, бросил ему покурить. И вот когда я был в Петрозаводске, я писал отчет. Надо было описывать каждый день. Я его в отчете упомянул. А потом на допросе меня спрашивают: «Куда [немцы] дели Карпа?». Я не знаю. Он говорил, что допрашивают и бьют, допрашивают и бьют, а куда его дели, не знаю. «Ага, значит, ты его предал, и его расстреляли». Подозревали меня в измене родине. Это, как я потом понял, была такая зацепка. Осудили. Четыре года я работал на стройке в Петрозаводске. Наш лагерь находился на Кукковке, налево от железнодорожного моста. Сейчас его нет, конечно. Его еще немецкие военнопленные строили. Потом мы строили деревянный мост через Шую. Построили всего мостов четыре или пять. В Ильинском построили большой мост.

Самый большой был мост через Шую. Там в основном нужны были плотники. Образовались отряды. Работали под охраной. [Заклученные] были в основном карелы и русские. Четыре года я там поработал, и потом большим этапом отправили в Норильск. Погрузили нас в маленькие вагоны, по обеим сторонам нары. Провожали из лагеря по группе на вагон. Сзади шли четыре человека с открытыми штыками, [еще] двое с собаками. Как злейших врагов советской власти. Сажали [в вагон] и закрывали дверь. Потом шел начальник эшелона, у него список был, кто должен быть в вагоне. На вагон должен был быть староста. Окликнул меня, говорит: «Готовиться к приему пищи». Я как староста открываю дверь. Пятеро стоят, винтовки на нас, рядом стоит офицер с пистолетом. Суп, ящик с хлебом, уже нарезанный по порциям. Подали миски. Двери закрыли. Мое дело раздавать это все. Вот так ехали. Долго, ночью прожектора по бокам светят и там такая торжественная [обстановка]. Довезли нас до Красноярска, там была большая пересылка. Оттуда вниз по Енисею, до Дудинки¹⁵. Потом опять на железную дорогу и уже до Норильска. Тогда там узкоколейка была. До пятидесят четвертого года я там работал, потом еще пять лет [должен был] жить в ссылке в Красноярске с поражением в правах. Там строили большой элеватор, а потом была хрущевская амнистия, и дали мне разрешение ехать домой. Начальник умолял: «Осенью сдадим элеватор, примем зерно, и обещаю тебе хорошую премию». Я последнее время бригадиром работал на элеваторе. Но отказался, приехал в Петрозаводск. У меня старики жили в Чалне, у них свой домик был, и какое-то время мы жили в Чалне. Я и отец работали в Шуйско-Виданском леспромхозе. Потом женился. Жена — Нелма Эриксон — преподаватель английского языка. И уехали на станцию Летняя¹⁶, под Беломорском. Там она преподавала английский язык в старших классах. Она сама из Америки. Там я начал работать в леспромхозе, который заготавливал лес на Украину. Там работал на погрузке, из них последние четыре на кране грузил вагоны. Потом мою супругу перевели в Петрозаводск, в десятую школу. Она преподавала в школе английский. Умерла четырнадцать лет назад от рака. А еще

¹⁵ Порт в низовьях Енисея. Примеч. науч. ред.

¹⁶ Поселок Летнереченский, Беломорский район. Примеч. науч. ред.

на Летнем пришел вызов в Петрозаводск, в НКВД. Конечно, жена в слезы: «Опять тебя таскают, что будет». А я уже знал, что начали разбирать старые дела. Там сидел такой подполковник Канунников: «Мы все перебираем, если надо, еще раз вас вызовем». Оплатил мне билет. Я уехал обратно на Летний. Потом туда пришел двухмесячный оклад от Совета министров. Конечно, в поселке разговоры... И потом, когда мы приехали уже в Петрозаводск, меня реабилитировали. Надо было стать на учет в военкомате, выписать военную книжку. Меня спрашивали: «Какие награды я получал?». Я говорю: «Никаких наград нет». — «Участник войны?». Медалей пять мне перечислил: «Тебе что-нибудь дали?» — «Нет». Дал мне медаль, и стал я полноправным участником войны.

Вы помните тот момент, когда ваш отец захотел переехать в Карелию? Он сам принял решение или советовался с матерью?

Мать у меня очень страдала от морского климата. Тихий океан, зимы почти не было, все дождь да дождь. Один раз, помню, снега немного выпало, так мы собирали снег в кучи, чтобы на дольше хватило. Она очень болела. Однажды мать и еще одна финка, которая родилась в Канаде, такого же возраста, вдвоем решили пойти к гадалке. Сняли кольца, чтобы та про женихов рассказала. Гадалка сидела за столом, они сели к ней. Гадалка матери говорит: «У вас муж, двое детей — сын и дочь. Что бы вы хотели узнать?». Мать удивилась. Говорит: «Вот я кольцо потеряла». — «Я могу сказать, как вы его потеряли, но обратно вы его не получите». — «Тогда не надо». И потом она еще не один раз ходила. Мать у меня английскому языку так и не научилась, хоть и жила [в Канаде] восемь лет. Моей матери гадалка говорила: «Скоро вы уедете куда-то далеко-далеко, близко к своей родине, и там вам будет намного легче». И действительно, когда мы приехали в Карелию, матери стало намного легче. Еще она говорила: «У вашего сына будет очень интересное будущее. Только надо беречь себя от высоких деревьев и глубокой воды». И у меня это осталось в голове, все ждал, когда начнется это интересное будущее.

В Норильске встретил я [*финского*] солдата, который [*тоже получил*] десять лет [*лагерей*]. Когда финны отступали от Петрозаводска, он

был ранен в ногу. Они вдвоем отбились от части, остались на болоте. Был маленький бугорок на болоте, и они там прятались. Он говорил: «Пока фронт слышно, оставь меня здесь. Будет возможность за мной прийти, так приходите, а нет, так я останусь тут». А [его друг] не оставлял этого Мартти. И вышло так, что он десять лет отсидел. Много лет [в Финляндии] ничего не знали о нем. Только потом, когда его увезли к Каспийскому морю, там, в лагере, он познакомился с одним голландцем, тоже заключенным. Они обменялись адресами. Когда голландец вернулся домой, а он вернулся раньше Мартти, он послал ему на адрес в Финляндии открытку. Его мать десять лет ничего не знала о сыне, и вдруг на его имя приходит открытка из Голландии. Ее чуть инфаркт не хватил. Когда мы были в Норильске, мы дружили, конечно. Он говорил: «Запомни: Финляндия, Йоэнсуу, Хирвонен Мартти, найдешь меня». Прошло много времени, около тридцати лет. Я был в Финляндии на даче у моей двоюродной сестры. После бани я спрашиваю: «Как начать искать, через Красный Крест или как? Знаю только [имя], Мартти Хирвонен из Йоэнсуу, а точного адреса нет». Тут был один журналист с [финского] центрального телевидения. [Сестра] ему говорит: «Ты же когда-то на скорой помощи работал, может быть, знаешь?». Он позвонил в Йоэнсуу, и там нашлось шесть Мартти Хирвонен. Такая же [распространенная] фамилия, как у нас Ивановы. Одним звонит, другим... Наконец, по четвертому [номеру]: «Знаете Мартти Хирвонена?» — «Да, это мой отец». — «Ваш отец был когда-нибудь в России?». Долгое молчание. «Да, был». — «Можно его к телефону?». А я рядом сидел, слушал. Когда он сказал: «Я — Мартти Хирвонен», как будто вчера мы расстались. Потом этот журналист, говорит: «Тебе говорит что-нибудь фамилия Мюккянен?». Долгое молчание, потом говорит: «У Мюккянена на левой руке какие-нибудь изъязны есть?» — «Да, есть». Дает мне трубку: «Поговори со своим другом». Это уже через тридцать лет с лишним, после того, как мы расстались. [Спрашиваю], как жив, здоров. Как будто не клеится у нас разговор. Юха попросил меня дать ему трубку: «Мартти, а вы можете ему устроить у себя ночевку?» — «Да, можно, приезжайте». — «У меня дача в тридцати километрах от вас, в пятницу поедем». Поехали мы с ним после работы, уже в три часа. Было совсем темно, как доехали.

Заехали во двор, там вышел кто-то. «Это Юрьё?¹⁷» — «Да». — «Заходите». Стол, ужин. И чувствуется, что-то не то. Потом Юха [журналист] мне шепнул, что если что не так — а ему надо было на дачу ехать, — то звони, приеду в любое время. Он уехал, а мы остались. В деревне спать ложатся рано. Нам с женой постелили на втором этаже. Все разошлись, Неля пошла спать. Мы остались с Мартти сидеть еще. Как-то у нас не клеится разговор. Сидели на диване, он старается от меня как-то дальше сесть. Потом говорит: «Слушай, а ты хочешь выпить?». Я, конечно, не против. Говорит: «Коньяк остался со свадьбы дочери». Выпили по рюмке, посидели, еще выпили. Говорит: «Надо уже спать ложиться». Я пошел наверх, а там лежит Неля и плачет, говорит: «Нам не надо было сюда приезжать». Это сейчас я понимаю, что они шокированы были: журналист с центрального телевидения и черт его знает, кем я стал. «Ладно, — говорю, — поспим до утра». Утром я просыпаюсь [от того, что] кто-то на мотоцикле заехал во двор и громким голосом кричит: «Мартти, а почему флаг поднят на флагшток, в честь кого?». А по праздникам они вешают свой флаг, не флаг Финляндии. А Мартти говорит: «Из России приехал хороший друг, это в его честь поднят флаг». Я Нелю толкаю, мол, слышишь? Он услышал, что мы проснулись. «Идите кофе пить». Спустились мы кофе пить, и вот только тогда началось знакомство. Потом мы уехали с Мартти к Юхе, и когда вышли нас провожать, все плакали. После этого я раз пять еще ездил в Финляндию к ним в гости.

Давайте вернемся к двадцатым годам. В Ванкувере вы жили среди финнов или среди канадцев?

В Канаде вообще много финнов. Сперва мы жили в Порт Хени [Port Haney], пригороде Ванкувера. Отец в лесу работал вальщиком. Там деревья два метра и больше в диаметре. Двое валят. Отец попал топором [по ноге], перерезало четыре жилы. Пока [нога заживала], он построил себе дом в Порт Хени. А потом, когда зажило все, он так в лесу и работал. В этот год была большая безработица в Америке и в Канаде. Тогда мы жили в Порт Муди [Port Moody] (другой пригород Ванкувера. — А. Г.). Свой дом сдавали в аренду, а сами

¹⁷ Финское произношение имени респондента. Примеч. науч. ред.

снимали домик в Порт Муди, потому что за наш дом нам платили аренду на доллар больше, чем мы снимали. Потом мне пришлось побывать в Канаде.

Места узнали или все изменилось?

В Порт Муди есть маленький вокзал. Перед вокзалом рельсы, и на них стоит один вагон-музей. Поезда там уже не ходят, просто рельсы стоят. Там есть разные снимки. Я даже вроде узнал зал ожидания, скамейки. [В Порт Муди] спрашивали, есть ли кто-нибудь из финнов. «Да, один есть, Чарли Чад. Отец у него англичанин, а мать финка». Дали адрес. Поехали мы, нашли дом, там частные дома. Я звоню в дверь. Вышла пожилая женщина. Я спрашиваю: «Чарли Чад здесь живет?» — «Минутку». Я подождал, и вышел Чарли. Я говорю: «Вам такая фамилия, как Мюккянен, что-нибудь говорит?» — «Вы по-фински говорите?» — «Да». — «[Давайте] перейдем на финский. Мюккянен переехал из соседнего дома в тридцать третьем году в Карелию». Оказывается, у его отца и брата отца была шпалорезка, и они отца моего взяли третьим. Они валили лес, трелевали, пилили шпалы и отгружали, все втроем. Чарли постарше меня, я в третьем классе был, когда мы уехали. И сейчас спортивный, но весь седой. Потом смотрит, что женщина из соседнего дома вышла на улицу. Он позвал ее. «Познакомься, у их семьи это дом был в аренде [в двадцатые годы]». Она позвала нас посмотреть свой дом. Был сделан капитальный ремонт. Показывает нам камин. «А камин у вас был тогда?» — «Нет, не было». Чуть ли не золотом отделан этот камин. «А горячая, холодная вода у вас была?» — «Нет, был один кран с холодной водой». Гараж у нее был сделан в подвале. И вот что интересно, если бы я встретил соседа через шестьдесят лет, я бы носил его на руках, а они даже кофе попить не пригласили. — «Было интересно пообщаться, до свидания».

Помните кого-нибудь из финнов, кто переехал в Карелию вместе с вами?

Из Порт Муди переехала семья Нордман. Калле Нордман, у него еще было две дочери, Хилкка и Алиса. Мы в одном поезде ехали в Галифакс и на одном корабле доплыли до России. Добирались через

Швецию на поезде, потом на маленьком пароходе до Ленинграда¹⁸. У меня даже остались снимки, сейчас они у племянницы. Наша группа была человек сорок, все ехали в Карелию. Немного укачивало.

Какими были ваши первые впечатления, когда вы приехали в Советский Союз?

Мне было десять лет. Был июнь. [В Канаде] в восемь-девять часов было темно, а здесь лето без ночи, как говорится. Молодежи было много из Канады. Мы жили в бараках на [проспекте] Урицкого. Между собой мы, молодежь, говорили на английском языке.

Вы жили в Американском городке?

Да, там, на Голиковке¹⁹, на [проспекте] Урицкого. Восемь барачков было, которые строил и мой отец. Дома мы говорили по-фински. По-русски не говорили вообще. Пять классов я закончил в Петрозаводске, два класса в Кестеньге, нам [везде] преподавали по-фински, а русский язык преподавался как иностранный язык. В Кестеньге карелы разговаривают на языке, очень похожем на финский. Мое посещение закончилось семью классами, в Коми уже учиться было негде.

Что вы помните о Петрозаводске?

Петрозаводск был тогда очень грязным городом. Тогда козы, коровы ходили по Урицкого.

В какие условия вас поселили поначалу?

Первое время были одноэтажные бараки на Урицкого. Между прочим люди, приехавшие из Канады, сами покупали билеты, были активные люди. Там один барак был как клуб. Там организовывали вечера, [ставили] спектакли, [был] хор, духовой оркестр, [проводили]

¹⁸ Корабли «Дроттнингхольм» и «Кунгсхольм» компании «Svenska Amerika Linjen», на которых прибыла большая часть североамериканских финнов, обычно шли из Нью-Йорка или Галифакса в Гётеборг, после чего пассажиры на поезде ехали до Стокгольма, и уже оттуда плыли в Ленинград на пароходе «Кастелхольм». Примеч. науч. ред.

¹⁹ Один из микрорайонов Петрозаводска. Примеч. науч. ред.

лись] собрания. В общем активный образ жизни. Мы приехали строить отечество всех рабочих. Вот с таким благим намерением приехали. Мой отец работал на стройке, и между рабочими было тайное соревнование. Они даже сверхурочно работали, чтобы добиться больше, чем другая бригада. Не просили лишней зарплаты, просто работали.

Отец был строителем?

Здесь да, а так он до самого отъезда из Канады валил лес. Все инструменты привезли из Канады, некоторые привозили грузовую машину, пианино, мебель. У нас было мало багажа, потому что [пришлось] через континент из Ванкувера поездом добираться.

Куда делись те машины, которые привезли в Карелию?

Чаще всего [хозяева] сдавали государству. Потом собирали даже такой фонд для машин. Те, у кого были доллары, сдавали в фонд для покупки машин.

Ваша семья жила в отдельной комнате?

Сначала жили семей пять в одной комнате. В бараке было четыре комнаты.

По площади большая была комната?

Большая. Перегородки сделали для семьи, там пару коек. Очень стесненно жили сначала, а потом переехали в Американский городок. Там у нас была комната. Барак двухэтажный, два подъезда, наверху коридор, посередине была общая кухня и по восемь квартир на этаже. Одна кухня на подъезд, то есть с другой стороны барака тоже [кухня], и всего тридцать две комнаты.

Как произошла смена питания?

Тогда же был Инснаб. Специальное снабжение для тех, кто приехал из Канады и Америки. Там, конечно, было более или менее [приличное] питание. С самого начала ели в общей столовой. На Урицкого, где мы жили, была столовая. Правда, в столовой было только разовое питание. Все это объясняли трудностью роста, развития. Все работали для будущего, и очень активно. Потом, в тридцать

пятом году, отец закончил курсы [*строителей*], и мы переехали в Кестеньгу. Там поставили его прорабом. Там тоже был Инснаб, но в тридцать пятом или в тридцать шестом году он закончился.

Что тогда готовили?

В основном пытались готовить финские [*рецепты*]. Главное было кофе. Финны любят кофе и сейчас. Кто-то вез кофе из Канады. На Соломенском лесопильном заводе тогда уже работало много финнов, которые приехали из Канады. Они предупреждали, когда мы выезжали, чтобы мы на десять лет взяли с собой обмундирования, одежды. Многие привозили кофе. Потом многие уезжали обратно. Например, из Канады (из Ванкувера) семья была, они уехали. В бараке, где мы жили, под нами на первом этаже жила семья. Отечественная война уже началась, они через Дальний Восток и через Японию уехали. У них [*сохранилось*] гражданство и канадский паспорт.

Из-за чего народ уезжал?

Уезжали потому, что не очень хорошо становилось.

Ваша мать работала до войны?

В Петрозаводске работала истопницей. Отец строил дом культуры [*на том месте*], где сейчас театр, бригадиром был. Это до того, как уехал в Кестеньгу. [*Дом культуры*] взорвали, когда наши ушли из Петрозаводска²⁰.

Хватало вам денег?

Хватало покушать, а насчет другого не беспокоились — тогда еще молодые были.

До войны ваш отец общался с русскими?

В их бригаде было двое русских. Их бригада строила бараки. Брали оптом бревна и строили бараки. Можно сказать, даже не бараки, а двухподъездные дома. На Урицкого таких домов уже нет, а на Первомайском [*проспекте*] есть еще один дом, если ехать в город,

²⁰ В связи с финским наступлением в 1941 г. Примеч. науч. ред.

то по левой стороне. Тогда мало строили из камня и из кирпича, старались строить деревянные дома. Мама еще дома шила женские платья. И финны, и русские приходили к ней домой.

С местными детьми вы общались?

В Кестеньге большинство было местные, карелы. Там был интернат от Кестеньгского района. Отец строил больницу, интернат, а в основном олений забор²¹. Когда приехали, до тридцать пятого года общались среди своих. Русского языка мы не знали.

Кто-то относился к финнам с предубеждением? Например, из-за того, что у вас было лучше снабжение?

Не замечал такого.

Дети вас не дразнили на улицах?

Были стишки. Но чего-то большего не припоминаю.

Как вы начали осваивать русский язык?

Давалось очень трудно. Учитель по русскому языку был русский и совсем не знал финского языка. Фамилия его была Ризе. По-моему, он был из русских евреев. Мы очень уважали этого учителя. В Коми мы уехали из-за работы, потому что тридцать шестой год начался с того, что в Кестеньге отца сняли, работы больше не было. Отец уехал в Петрозаводск, а там как раз вербовали таких специалистов. Или в тридцать седьмом году его сняли... [На его место] прислали девушку из техникума, которая не знала строительства, даже как уровень держать в руках. Тогда первым секретарем райкома был Хейкконен, его сняли. И вообще начали снимать финнов со всех постов и арестовывать людей.

Вы рассказывали, что не верили в информацию об арестах.

Это было уже на станции Таватуй. Мы поначалу не верили [в то], о чем нам писали. Рассказывали, что ночью приходят, арестовывают

²¹ Пограничное ограждение между Финляндией и СССР в северной части границы должно было предотвратить случайный переход границы северными оленями. Примеч. науч. ред.

и увозят куда-то. Многие тогда уехали из Петрозаводска. Спасались таким образом.

Когда началась советско-финляндская война, к вам изменилось отношение из-за того, что вы финн?

Нет. Многие писали заявление добровольцами. Мы тогда еще в Свердловске жили. Тогда профсоюз леса и сплава организовал всесоюзные соревнования в Новосибирске, и я попал в группу из Свердловской области, хоть мне и не было восемнадцати. И потом писали [*заявление*] идти добровольцами в армию, во время финской кампании. Но как-то не брали. Например, были два брата²², они не попали на соревнования из-за того, что военкомат их задержал. Но закончилась финская война, а они так и не побывали на фронте.

Зачем финны хотели воевать против Финляндии?

Старые идеи. Мой отец был коммунист. В тридцать седьмом году его выгнали из партии, и все равно старые понятия у коммунистов сохранились. Мой отец участвовал в восстании в восемнадцатом году, служил в Красной гвардии. Эти идеи еще жили, а идея была такая, что надо продолжить то восстание, помочь финскому народу освободиться от капитализма.

Вы сами были готовы идти добровольцем?

Мне было тогда семнадцать. Желание было, а как же.

В то время вы уже знали о репрессиях?

Знали, но не могли понять, что это такое и зачем нужно.

Вы рассказывали, что вас взяли в школу диверсантов, когда началась Великая Отечественная война, и там были еще канадские или американские финны. Расскажите об их судьбе.

Большинство. По статистике, когда посылали разведчиков в тыл врага, девяносто процентов погибало. В войну этих пленных расстреливали без суда. Десять процентов могли выполнить задание.

²² Североамериканские финны, знакомые респондента. Примеч. науч. ред.

Мало осталось из тех, кого я знал. Например, Хиетала Харольд. Он был не в тех частях, где я, а как разведчик. На четыре года старше меня, после войны жил в Чалне, у него был свой дом. В девяностых годах он уехал в Канаду и уже двенадцать или тринадцать лет, как живет там. Надо было послать группу разведчиков в Петрозаводск. Его отправили как проводника. Всего было трое разведчиков. Один из них был Вальюс Бруно, красный финн, который должен был попасть с аппаратурой в Петрозаводск. Их сбросили из бомбардировщика за Лососинное озеро. Должны были сбросить за Лососинное, на болото, но летели ночью, и летчик неправильно сориентировался. Один попал на берег озера, Бруно Вальюс попал в озеро со всей аппаратурой, Харольд на другой берег. Они должны были собраться на одном мысу, у них с собой было на месяц продуктов, аппаратура, карты. Харольд потом рассказывал, что пришел на мыс, ждал, никого нет. Когда я вернулся [из немецкого лагеря для военнопленных], он у меня спрашивал, где Вальюс. Мы решили, что он утонул. Неудачная операция. Потом Харольд ушел через Машезеро, Шотозеро к Онежскому озеру. Построил плот и решил на нем через Онежское озеро уплыть обратно к своим, в Пудож. Он умел хорошо ориентироваться, был охотником. [На берегу Онежского озера] местные заготавливали дрова. Он там нашел топор, пилу, сделал плот и отплыл. У него был плащ-палатка. Был попутный ветер. Он отплыл от берега довольно далеко. Ветер утих, а потом подуло в обратную сторону, ближе к берегу. И там курсировал финский катер. Его поймали. Как проводника послали на вечную каторгу в Киндасово, там была тюрьма²³. Большинство [военнопленных] осушали там болото. Потом его передали обратно, и он не был репрессирован, как я.

Еще кого-нибудь помните?

Был такой знаменитый лесоруб из Матросов, не помню фамилии. Еще помню Вяйсянена, тоже из Матросов. Его, наверное, не успели никуда послать, он моего возраста. А знаменитого лесоруба послали на задание, и там его узнали. Он давно [эмигрировал]

²³ Финская тюрьма для военнопленных в дер. Киндасово отличалась высоким уровнем смертности и жестокими наказаниями. Примеч. науч. ред.

из Финляндии, но его узнали, погорел он. Он потом сидел в Финляндии, его не расстреляли. Одного, я знаю точно, расстреляли. Его сестра разыскивала [сведения] о нем. [Финский] полевой суд осудил его как диверсанта, и он был расстрелян.

Помните, было ли деление между финнами на группы?

Были перебежчики, это кто перебежал из Финляндии по лесам, через границу и сюда [в Карелию]. Так и считали, что они перебежали из Финляндии. Это было еще до войны.

Так они отличались от других финнов?

Финны, которые перебежали из Финляндии, им и слова [сказать] не давали. Вот так делились²⁴.

Как изменились условия вашей жизни после войны?

После войны я десять лет отсидел. Вернулся домой, в Чалну, в пятьдесят четвертом году. Потом написал заявление генеральному прокурору. Меня полностью реабилитировали и выплатили двухмесячную зарплату. А потом от Совета министров пришло шестьдесят две тысячи как заработок за десять лет. Но это было перед тем, как деньги меняли, поэтому все они пропали. Я тогда все думал, что на пенсию выйду, мне этих денег надолго хватит, а они все пропали.

С кем заключали браки североамериканские финны?

Сразу [с начала 1930-х гг.] начались смешанные браки. Из Канады приезжали немолодые холостяки и тут же женились.

Смешанные семьи отличались от чисто финских семей?

Если жена была русская, то в семье не говорили по-фински. Аксели Кауппи женился на русской. В начале, до войны, в основном между собой все женились, а потом как получится.

И в финских семьях говорили по-фински?

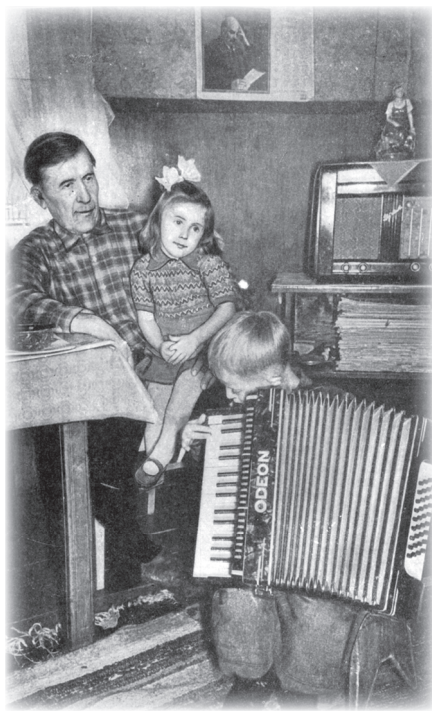
²⁴ Т. н. финперебежчики, одна из трех групп финнов в Карелии, в силу уязвимого политического статуса (незаконный переход границы, отсутствие гражданства) в течение тридцатых годов испытывали притеснения со стороны властей. Примеч. науч. ред.

Только по-фински. Мои родители так и не знали русского.

А в каком поколении в финских семьях начали говорить по-русски?

Русский мы в школе изучали, но у финнов дома все равно говорили по-фински, хотя учились на русском. В Карелии был финский театр, газета на финском языке печаталась. Потом уже начали карельский язык [*продвигать*]. Перед войной даже карельская газета была. И финны не понимали, и русские не понимали, и карелы мало что понимали в этом. А если языка нет, то и народа нет. Сейчас пытаются карельский язык восстановить.

Если вернуться в послевоенное время, расскажите, что представлял собой лагерь под Петрозаводском.

*Давид Мюккянен в своем доме
в Чалне, 1950-е гг.*

Там был общий лагерь. Там и политические, и рецидивисты, и воры, только женский лагерь был отделен проволокой. Тогда ставили в лагере пьесы. Питание было очень скверное. Был такой случай. В лагере мы жили в одной половине барака, в другой половине барака — малолетки. Мы работали на стройке, их тоже на работу водили, но как-то на работу они не пошли, а мы пошли. И они ворвались в нашу половину. У меня был сделан небольшой чемоданчик из фанеры. Я нашел от него только верхнюю крышку. Все, что можно было, забрали. Пожарников вызывали, не могли успокоить. Вроде как восстание какое-то было. Не помню из-за чего.

Уголовники воевали с политическими?

Обязательно. Дрались, бывало.

Много военных было среди политических?

Были. Мы построили Шуйский мост, мост в Ильинском, в Кескозере мост строили. Там был отдельный лагерь. Где-то в сорок седьмом году нас послали в Норильск уже.

Какие были условия жизни в Норильске?

Условия очень скверные. Обмундирование и питание было очень скверное. Вечная мерзлота, тридцать градусов мороз и ветер такой, что с ног валит. Очень суровый климат. Цинга была. Под конец, когда я освободился, в пятьдесят третьем году, в лагере была общепитовская столовая. Можно было там что-то покупать. Иногда даже повара перед тем, как отбой, ходили по баракам, говорили: «Приходите, ешьте кашу, такая каша хорошая получилась». Кто хотел есть побольше, так ходили, пожалуйста. В Норильске тоже были рецидивисты, воры. Между ворами тоже было деление: суки²⁵, законные воры... Тогда еще вечером бараки закрывали на замок, а утром открывали. Один раз суки ворвались в барак, где жили воры, и двоих насмерть убили. Одному обе руки сломали, прутьями били. Такие стычки между ворами происходили. Потом просто требовали, чтобы воров убрали. В основном были политические [заключенные]. Воров, которых убили, отвезли в гробах на центральное норильское кладбище, там похоронили. Перед этим воры пришли в столярку, где делались гробы. [Поставили условие], чтобы гробы были строганными, и на них должны быть вырезаны кресты. Столяра говорят: «Мы же не можем так сделать». Вор встает, вытаскивает кинжал, говорит: «Нет, можете». Ну, что делать. Потом, когда гробы вывозили за зону, воры собрались над ними, все клялись, мол, отомстим. Потом за неделю вагон этих увезли, и спокойно стало.

Давайте снова вернемся в довоенное время. Какие праздники отмечали у вас в семье?

²⁵ Воры, отошедшие от «законных» правил. Примеч. науч. ред.

Октябрьская революция, Первое мая. Ходили обязательно на демонстрацию. Отец у меня ходил как ветеран [Гражданской] войны [в Финляндии]. Помню хорошо. Маршировали специально. Стадион, всякие выступления были, спортсмены. Очень активно участвовали в этом деле.

В какие игры вы играли со своими друзьями в Петрозаводске?

Мы играли в бейсбол. В регби. В американские игры.

Отмечались дни рождения в вашей семье?

Обязательно отмечали, но довольно скромно.

Часто к вам приходили гости?

Очень часто. Особенно когда мы жили еще в Петрозаводске. У нас была своя комната, хоть и всего одна комната. В районах были знакомые, например, в Деревянном, в Матросах. Они приезжали в Петрозаводск, надо было где-то переночевать, так они приходили. Даже удивлялись, почему к нам так часто гости ходят.

Помните, что родители с гостями обсуждали? Критиковали что-нибудь?

Чаще всего нет. Тогда были живы коммунистические идеи. Отец сидел в Финляндии в Таммисаари.

За что в Кестеньге сняли с работы вашего отца?

Нашли какую-то причину. Тогда доски пилили вручную, мы все удивлялись. Начались тогда аресты. Хотя когда еще отец уехал в Коми, таких [массовых] арестов не было.

Чем отличалась советская школа от канадской?

У нас, по-моему, с восьми лет ходили в школу, а в Канаде на год раньше. В Порт Муди парты были железные, только крышка деревянная. Мы были детьми и мало на что обращали внимание. Я там в третьем классе учился, когда сюда переехали.

Здесь вы пошли в финскую школу. Где она располагалась?

Четвертый класс находился на площади Кирова. Около моста там есть маленькое здание, сейчас какой-то культурный центр. Старшие классы тоже на Кирова, в угловом здании напротив [*Финского театра*]. Все было на финском языке.

Вас приняли в пионеры? Как была организована пионерская жизнь?

Конечно, приняли, как же. Собрания были какие-то.

Походы устраивали? В пионерские лагеря ездили?

Нет, не было такого.

Были какие-то кружки?

В Петрозаводске был кружок авиамоделлистов в школе. Конечно, туда рвались почти все. В Кестеньге был кружок бокса. Потом его запретили, потому что никто не хотел идти в кружок физкультуры, все мальчишки ушли в бокс.

В Кестеньге было деление между детьми на финнов и карелов?

Нет.

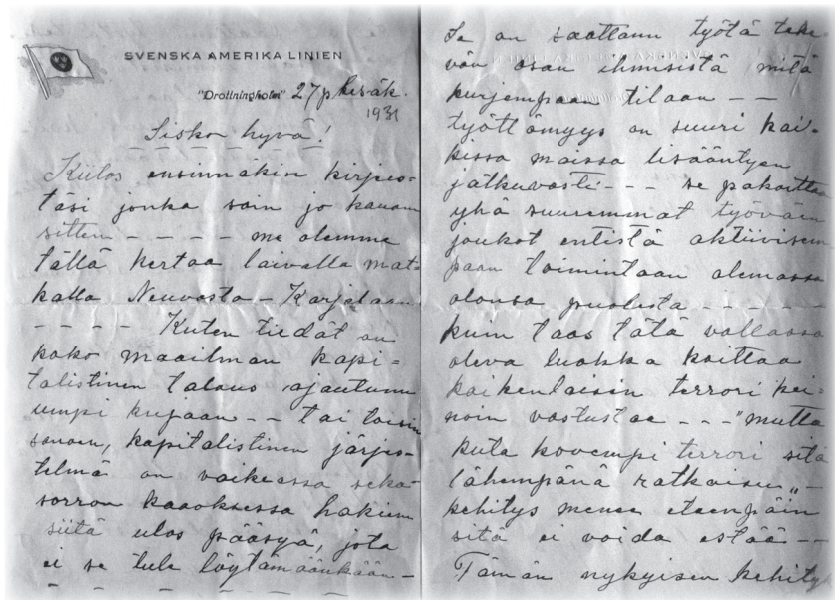
Спасибо!

Письмо Давида Мюккянена сестре

«Дроттнингхольм», 27 июня 1931 г.

Дорогая сестра!

Благодарю тебя за твое первое письмо, которое я получил уже давно. В настоящее время мы направляемся на корабле в Советскую Карелию. Как ты знаешь, капиталистическая экономика всего мира сейчас ограничена узкими рамками, или, говоря другими словами, капиталистическая система находится в большом беспорядочном хаосе. Также не является открытием, что часть работающих людей доведена до нищенствующего положения. Безработица в больших странах постоянно увеличивается. Это вынуждает еще большие массы рабочих вести более активную борьбу за существование. В то же время класс, находящийся у власти, мешает всевозможными

Письмо Давида Мюккянена сестре в Финляндию с борта парохода
«Дроттнингхольм» от 27 июня 1931 г.

террористическими способами бороться [*с этим*]. «Но чем сильнее террор, тем ближе развязка». Развитие идет вперед, и этому нельзя препятствовать. Острием современного развития является сила рабочего класса, она движется вперед, несмотря на все препятствия, и это — историческая необходимость. Канада также оказалась в этом современном экономическом кризисе: безработица очень велика, бедность рабочего населения увеличивается день ото дня, например, на железной дороге мы видим безработных голодных мужчин целыми группами. Эта ситуация является следствием того, что было выработано слишком много, склады полны товаров, и сейчас у них [*рабочих*] закончилась работа. Это серьезный недостаток в капиталистической системе: склады полны всяких товаров, необходимых для жизни, и все-таки их производители выглядят голодными и не имеют того, что произвели и что имеется в избытке. В настоящее время Советский Союз — это удивительная страна, где есть работа. Вот причины, по которым мы сейчас в пути. У нас все хорошо. Погода тоже хорошая, поэтому морское путешествие проходит весело. Я напишу еще, когда доберусь до места.

Перевод с фин. А. Осипова

Интервью с Вейкко Лекандером, 1931 г. р.

Интервьюер: А. В. Голубев

пос. Чална, 2 мая 2005 г.

Длительность интервью — 1 час

Расскажите, что вы знаете про родителей.

Про родителей знаю очень мало. Отец — [тысяча девятьсот] третьего года рождения, мать — [тысяча девятьсот] восьмого года. Отец родом из Финляндии, забыл местность, откуда они родом. Мать из Торнио, из Северной Финляндии. Про канадскую их жизнь тоже мало знаю. Отец приехал со своим земляком, мать одна приехала. В каком году, точно не знаю, в двадцатые годы, после гражданской войны. Хотя сильно она их и не коснулась, но решили [эмигрировать].

В Канаде отец работал на шахте, потом мой отец и его братья были фермерами. Их было четверо братьев, и все они приехали сюда. Про одного дядьку, Олави, почти ничего не знаю. Он, когда я еще

Ааре Лекандер, первенец в семье В. и А. Лекандер, за год до отъезда в Карелию. Саскачеван, 1930 г. Из личного архива В. В. Лекандера

маленьким пацаном был, женился на какой-то русской, из центра России, и уехал туда. Больше наши его ни разу не видели. После войны пришла телеграмма — откуда, мы не знаем, — что живем ли мы в Падозере. Если бы отец сразу пошел на почтамт, то узнал бы, откуда она пришла, а откуда он знал... Только потом подумал, что это, наверно, брат прислал, больше никто не мог так спросить. Больше мы ничего про него не знаем. Один дядька, Ассер, пропал в Ленинграде во время войны. От него последнее письмо было из Ленинграда. Больше тоже ничего. Второй дядька, Алпо, всю войну проработал в пудоожском совхозе, а после выхода на пенсию переехал в Мегрегу. Уже на пенсии там работал, потом тоже умер. Вот мои дядьки все и кончились.

Сестра отца с мужем, Маркусом Рантакаллио, жили в Кондопоге. В тридцать седьмом Маркуса забрали, а у нее был еще финский паспорт, и ее отправили с дочкой в Финляндию. После войны дочка из Финляндии через Красный Крест нашла его в Оймяконе, в Сибири. Потом наши с ним переписывались, и он приехал сюда, в Чалну. Когда он приехал, то финский язык почти не помнил, разговаривал только по-русски. Только здесь кое-как вспомнил. Тут он примерно полгода побыл, потом документы ему оформили, и уехал он в Финляндию. Как уехал — русский забыл напрочь. Я как-то написал ему на русском письмо, так он прислал мне ответ, что еле-еле нашли переводчика. Сейчас тоже оба умершие, и она, и он.

В каком году вы переехали из Канады?

В тридцать первом.

Ваши родители не рассказывали о причинах переезда?

Никогда. Но я знаю, что отец был активным коммунистом. Сюда капиталисты не приезжали. Сначала они жили под Кондопогой в каком-то совхозе, вроде в Сунском. По рассказу отца, он пришел в профком, чтобы встать на учет¹, а там говорят, что надо написать заявление, то есть как будто заново. Он не стал писать: «Я уже

¹ Члены компартий США и Канады после переезда в СССР могли перейти в ВКП(б), написав соответствующее заявление. Примеч. науч. ред.

в компартии нахожусь, зачем я буду писать второе заявление?». И выбыл из компартии.

А свою жизнь я вспоминаю примерно с пяти лет. Жили мы в Ильинском совхозе. Отец работал там трактористом, мать на ферме, там был скотный двор. В тридцать восьмом году переехали в Интерпоселок. Поселок как поселок, но там в основном жили канадские финны. Бывший монастырь. Все говорили между собой только по-фински, русскую речь там очень редко было слышно. Мне помнится здание школы... Мы недавно ездили туда с младшей сестрой, она там родилась, но ничего не помнит, и попросила отвезти ее. Приехали. Здание школы было двухэтажное, с большими окнами, в нем были школа, детсад, контора лесопункта — все в одной здании, его уже не было. И дома, где Лейла [*сестра*] родилась, тоже уже не было. В центре [*осталось*] только пять или шесть домов из тех, что были в то время.

А сейчас в Интерпоселке сохранилось финское население?

Нет, там в основном остались одни белорусы. Они после войны туда приехали. И там сейчас монастырь восстанавливают.

Вы запомнили довоенную школу?

Я хорошо помню детсад, а от школы — помню здание и классы, что очень светло было.

В тридцать девятом началась финская война, и всех, кто там жили, выселили, а привезли туда семьи финнов, перемещенных с финской территории. Военнопленных, только не военных, а гражданских — тех, кто попал под нашу оккупацию. А тех, кто жили, расселили по соседним деревням. Мы в то время жили в Пряже. Как война закончилась, этих всех отправили обратно в Финляндию. Кто захотел, мог остаться, но основная масса обратно вернулась, конечно. Мы тоже вернулись, но после войны там прожили, наверно, полгода, и потом уехали в Падозеро.

Кто-нибудь из этих финнов, захваченных в Зимнюю войну, остался в Интерпоселке?

Осталась только одна девушка. Она вышла замуж за нашего, американского финна Коскела. После войны они сначала переехали в Эстонию, а оттуда уже уехали в Финляндию.

В общем вот и все, что могу рассказать о довоенном времени. Бальство, игры, школа. Отец работал. Ну а в сорок первом началась война. В конце августа нас эвакуировали. Вывезли на железнодорожную станцию на кирпичном заводе, в Томицы. В Томицах нас погрузили в теплушки, сколько нас поместили... Нам-то хорошо, полати были сделаны наверху. Привезли на станцию Менделеево, оттуда погрузили в машины и привезли в Кудымкар², это сто километров по железной дороге.

В Кудымкаре то же самое, пацаны же. Школа. Была голодовка, но не такая уж сильная. Там все-таки вокруг были угодыя сельскохозяйственные, город-то небольшой, все время что-нибудь доставали. Сильно не голодали. Отец работал на машине в центральных мастерских Комипермьлеса.

Был один случай. У нас родители никогда не ходили за нас ни по какому поводу. Приехали мы в Кудымкар уже в последних числах сентября. Надо идти в школу. Взяли мы сумки, книжки, что были. Рядом было двухэтажное деревянное здание школы, номер школы уже не помню, но раз рядом, значит, мы пошли туда. В учительскую не заходим, никуда не заходим, ищем, где третьи классы. Приходим в класс. Заходит учительница, видит, что новые ребята стоят. Она и растолковала, что надо идти в синюю школу, потому что эта школа уже не принимала. «Идите в синюю школу, — подсказала куда, — там поступите». Мы пошли искать эту синюю школу. Она оказалась как раз в центре, рядом с большим базаром. Прямо около базара мы и учились. Раз она сказала нам идти, мы и пошли. Стали заниматься. И в этой синей школе мы пробыли до конца войны. Когда война окончилась, — а бывшее здание школы было превращено в госпиталь — госпиталь ликвидировали, — и эту синюю школу, всех нас перевели в это здание.

² Кудымкар — город в Пермском крае (до 2005 г. административный центр Коми-Пермяцкого автономного округа). Примеч. науч. ред.

В Кудымкаре, кроме вас, были американские финны?

В самом Кудымкаре вместе с нами жила еще одна семья — Саари. Калле, муж, работал медиком в Комипермьлесе. У него были жена и две дочери. А на лесопунктах вокруг Кудымкара очень много было канадских и американских финнов. Кудымкар был вроде центра. Там погиб Юхан Нива. Он работал на тракторе. В какой-то день завел его, а на этих тракторах нужно было регулировать сцепление, и обычно водители, не выключая двигатель, били по шестерням ломиком, чтобы его отрегулировать. Он, наверно, промазал, попал в другую шестерню, потому что лом вылетел и попал по челюсти. Ему там оказали первую помощь и привезли к нам, в Кудымкар. Отсюда погрузили в «У-2» с открытой кабиной. Зима. Везли его в Молотов, сейчас Пермь. Пока летели, он простыл и заболел воспалением легких. Время военное, национальность — финн. Одно к одному сложилось, он там и умер.

А потом, когда закончилось лето, мы переехали в Карелию [*в Падозеро*]. Приехали — столбы, колючая проволока... Что такое? Нам рассказали, что во время войны тут был лагерь для военнопленных. Сначала это был лагерь финнов, поэтому держали русских военнопленных, потом, когда отсюда финны ушли, наши там же держали немцев, девушек. Как они там оказались? Не знаю, как-то в общем попали. И сейчас там, под Падозером, есть немецкое кладбище. Но когда мы приехали, этих девушек не было, единственное — оставались еще столбы и колючая проволока. Дома все сохранились. Когда мы приехали в Падозеро первый раз, до войны, там как раз построили новый дом. Один этаж, потом мансарда, и еще второй этаж был. Отцу с товарищем дали место в мансарде, т. к. можно там сделать квартиру, и отец сделал нам комнату. И мы жили в этой мансарде. А потом, когда приехали, мансарда была в порядке, но там уже жили люди, и нам дали в том же доме комнату, но внизу. Там жили некоторое время, потом отец, как, не знаю, но переехал к мосту [*через речку Падозерку*]. Там мы прожили года три или четыре, потом отец построил вот этот дом³, и потом уже переехали в Чалну.

Вместе с домом?

³ В котором бралось интервью. Примеч. науч. ред.

Вместе с домом. Делалось это так: все бревна пронумеровывались, дом разбирался, бревна перевозились на новое место, потом дом снова собирался. Печки, конечно, заново клали.

В каком году вы переехали в Чалну?

В пятьдесят пятом или пятьдесят шестом. До этого все время жили в Падозере.

В школе вы учились на финском языке?

Вот это я могу рассказать. Когда началась [советско-финляндская] война, мы переехали в Пряжу. Школа русская, а мы ни слова не говорили по-русски. И за одну зиму выучили полностью русский язык. Правда, остались на второй год.

В Интерпоселке вам, стало быть, преподавали на финском?

На финском.

И учителя были свои?

Да.

Помните, как работали ваши родители?

Помню, во время войны отец как в рейс отправится, так это суток на двое. Там расстояния длинные были. Он работал на кузовной машине, возил в основном продукты, запчасти. Ближайшая [железнодорожная] станция — сто километров, а потом развозили еще по всему Комипермельесу на участки. Постоянно был в рейсах. Придет, передохнет, и снова в рейс. Постоянно был в рейсах. А здесь, в Падозере, что было — машина двухсменная, в четыре-пять часов утра дневная смена приходит в гараж, если машина тут, значит, поехали, если нет, то ждать напарника, и вот так постоянно. В среднем, считай, одиннадцать-двенадцать часов рабочий день. Машины были двухсменные. Редко-редко сменщик придет, а машина уже в гараже стоит.

Как работала ваша мать?

Моя мать работала в Интерпоселке, потом в Падозере до войны не работала, потом во время войны не очень долго работала в сто-

ловой дежурным поваром, и одновременно стирка на ней была, а в основном она не работала.

Когда вы приехали в Пряжу, как вас встретили русские дети?

Школа как школа, ребята есть ребята. Драк не было. Не враждебно.

А были вообще трения между канадскими финнами и русскими?

Не было. Ни до войны, ни после войны. И даже во время войны, когда в Кудымкаре жили, ни разу не слышал, чтобы обзывали или еще что-нибудь. Мы были тогда общительные. Даже из пионеров выгнали за хулиганство. После этого я ни в какие партии не вступал.

За что выгнали?

За хулиганство. Просто шалил на уроках. Просто детская шалость.

После войны вы еще учились в школе?

После войны мы приехали сюда, в Падозере была только начальная школа, а я уже дошел до пятого. Ходили в Виданы. Брат меня как раз догнал, вместе ходили.

Пешком ходили?

Пешком ходили, но ходили раз в неделю — там интернат был. В понедельник рано утром уходили из дома и в субботу возвращались. Прочился я год, пятый класс, перешел в шестой класс, немного походил и говорю родителям: «Я больше в школу не пойду». У меня русский язык — двойка и меня оставят. А время голодное такое. Отец говорит: раз не хочешь, не ходи. Целый год я болтался дома. На работу еще не брали, и в школу не ходил. В основном ходил в лес. Иногда приносил кое-что.

Потом был набор в ФЗО⁴. Сижу вечером дома, приходит посыльная — тебя вызывают в контору. В контору так в контору, прихожу, а там вербовщики в это ФЗО, врач проверяет. «Разденься». Я разделся, он проверил меня. «Ни на что не жалуешься?» — «Ни на что не жалуясь». — «Значит, в ФЗО». Это было вечером. «Утром мы тебя повезем». Соседних ребят тоже вызвали. Это был сорок седьмой

⁴ Школа фабрично-заводского обучения. Примеч. науч. ред.

год. Утром я пришел в контору, повезли нас в Петрозаводск на судостроительный завод. Теперь он называется «Авангард». Приехали туда вечером, целый день по городу нас возили туда-сюда. Дали комнату, чтобы мы тут переночевали. «Потом вас на следующий день расселять будем». Мы спать легли, потом я просыпаюсь, смотрю — чужие ребята шарят по нашим вещам. Тут все проснулись, этих выгнали. Утром встаю, а ребята-карелы из нашей группы между собой беседуют по-карельски. Тикать собираются. Ну что, присоединился и я к этой компании. Пошли к воротам. Не пускают. Они нахально, а они с вещами, с большими чемоданами: «Вот, нам велели эти чемоданы отвезти к родным», и они напором взяли. Но денег нет, ничего нет. Я один пошел пешком. Где-то по пути машина подобрала. А второй парень, который был взят с Падозера, остался. Через неделю и он явился. Я-то на первый день ушел оттуда. Сколько-то времени прошло, не знаю — может, неделя, может, месяц, но вызывают снова в контору. Прихожу, а там женщина из прокуратуры. Давай расспрашивать. Мы, конечно, с ним соврали побольше, и больше нас не трогали. А потом в сорок восьмом мне как раз исполнилось шестнадцать, и я пошел на работу.

Позднее вы продолжили образование?

Да, вечернее. Когда я переехал в Чалну, тут была вечерняя школа. На что мне школа, если у меня двойка по русскому? Мне к школе даже близко не стоит подходить. А был такой Летищев, здоровый дядька, преподавал в вечерней школе литературу и русский язык. Он купил мотороллер, сам здоровый, мотороллер маленький, сидит на нем, как... Я тогда уже работал в гараже, а у него нет-нет да и приходится что-то делать с его мотороллером. И он меня агитировал. «Что я пойду, вы же меня двойками завалите!» — «Все-таки ты приходи, я тебя до троек дотяну». Он меня тянул до троек, и я с пятого и до десятого окончил. По всем предметам четыре, пять, а по русскому — жирная тройка. Это уже было в конце пятидесятых годов, потому что в шестидесятом году сюда переехал отец, а я уже окончил школу. И только благодаря Летищеву у меня это образование было. А писать до сих пор ненавижу. А потом уже были разные курсы механиков, но это уже после школы.

Вы помните, как встретили девятое мая сорок пятого года?

А как же! Я тогда в пятом классе был. Все шумят: «Победа, Победа!». Построили нас, школу, и на рыночную площадь. Там трибуна. Был большой митинг.

Школа, в которой вы учились, была у базара?

У базара. Но она была заставлена деревьями, так что базара не было видно.

Что из себя представлял базар?

Когда мы приехали, я помню хорошо, что на базарной площади была столовая, где делали только кисель. Первое время ходили, обедали этим киселем, а потом очереди все больше и больше, и потом уже штурмом брали эту кисельную. В конце концов ее тоже закрыли. Я уже говорил, что кругом были колхозы и совхозы. Местное население приносило на базар яйца, молоко, другие сельскохозяйственные продукты, картофель на базаре был постоянно. И что удивило нас, что когда уже зима наступила, [продавали] молоко мороженое. Молоко в тарелку нальют, оно замерзнет, тарелку оставляют, а то, что получилось — глыбу эту, — везут на базар.

Торговля шла на деньги?

У кого что. Что-то мы и покупали. Отец же работал на машине, грузы туда сюда возил, нет-нет да мешок муки достанет. Кое-какие продукты иногда привозил. Потом все-таки вещей мы много эвакуировали — не все, но почти все забрали с собой. При эвакуации нам дали вагоны. Постепенно ходили, меняли на продукты.

У ваших родителей были какие-либо послевоенные планы?

Никаких. Какие могут быть планы? Планы были такие: на работу и все, не рыпайся. Был случай с одной финкой. Наша довоенная знакомая гуляла до войны с одним парнем, но не сошлись. Она уехала в эвакуацию, он попал туда же, и там они сошлись. После войны приехали в Падозеро, и в Падозере, не знаю как, но оказался военнопленный финн. Она с ним загуляла. В конце концов его отправили в Финляндию, а ее — в Архангельск, в лагеря: зачем гуляла

с врагом народа? Или еще один случай. Жили здесь, в Чалне, такие Синивирта. После войны трое финских парней катались на лодке в Финском заливе. Поднялся ветер, и их унесло на нашу территорию. Подобрали их пограничники. Время послевоенное — шпионы да шпионы. Лет по шестнадцать им было, потому что сроки они получили... И вот этот Синивирта отсидел в Архангельске, после этого ему назначили проживание в Падозере. Он самоучкой выучился на бульдозериста и всю жизнь на бульдозере отработал. Один раз, когда граница еще была закрыта, хотел вернуться в Финляндию, но его завернули. Правда, срок уже не получил — поймали, но не посадили. А потом, когда стало можно, он и уехал.

Была ли определенная закономерность, с кем финны предпочитали строить семью? С русскими или со своими?

Нет, по-моему, не очень смотрели на это. Нас три брата, и все [женаты] на русских.

Какую роль играла партия в вашей жизни?

Меня партийная жизнь не интересовала. Как меня из пионеров выгнали, с тех пор я больше не интересовался партийной жизнью. Единственное, что могу сказать, когда поступил на работу, все-таки верил пропаганде. Рабочее собрание. Теперь же я рабочий, я пошел на собрание. Сколько раз я ходил на это рабочее собрание. У нас был активный товарищ, на каждом собрании выступал. Инвалид войны, у него ноги не было, но работал на трелевочном тракторе. Один раз он на собрании перебрал немножко лишнего, вышел на трибуну и начал читать свой доклад, но читать не может, и начальник лесопункта ему тихонечко подсказывает. Все, я больше на собрания не ходил. Это не он писал этот доклад, а ему писали. И все желание это отбило, с тех пор я больше на собрания не хожу.

Были на лесопункте показательные товарищеские суды?

Нет, вроде не было.

А с дисциплиной нормально было?

В Падозере никаких случаев не было. А куда денешься? Особенно после войны. Были дополнительные карточки. Хлебная карточка —

само собой, а потом еще за примерную работу давали дополнительные карточки. Так кто будет бастовать, если карточку могут не дать?

Как люди отдыхали после войны? Например, как проходили выходные?

Как в деревне проходят выходные? В Падозере целое лето мы играли в волейбол, постоянно. Там больше площадок не было, и никаких других игр не было. А волейбольную площадку сделали. Было озеро.

А зимой?

Лично я дома сидел, книги читал.

Много читали?

Во время войны городская детская библиотека [в Кудымкаре] была перечитана от А до Я, вся. И в Падозере, как только книжки достаем, так я читал. Постоянно читал.

А вообще чтение было распространено?

Наши читали.

Слушали радио?

Радио появилось примерно в середине пятидесятых годов. А во время войны радио вообще отключали. Как началась война, отобрали все — у кого были приемник, бинокли, ружья, все это отобрали сразу.

Как отмечали после войны семейные праздники?

Так же, как и сейчас. Никакой разницы. Единственное, раньше свадьбы играли дома, а сейчас в столовой.

Чем питались в то время?

Когда отменили карточную систему, голод кончился. Питались, конечно, однообразно. Фруктов никаких, это само собой. Что-то растили, крупа, хлеб — это все было.

Как вообще выглядели в то время магазины?

Вильо Лекандер после окончания университета в пос. Падозере, примерно 1950 г. Из личного архива В. В. Лекандера

В Падозере был один магазин. В нем промтоварный магазин и продовольственный. В какой-то момент в магазине продавалась одна треска. С сахаром было трудно. Приходилось с продавщицей договариваться, чтобы она, как только сахар придет, нам килограмма два-три оставляла. В Чалне уже полегче, были две пекарни — одна белый хлеб пекла, другая — черный. С работы все бегут — и скорей в пекарню. В то время бастовать было невозможно. Достаточно было в хорошем коллективе сказать пару нехороших слов — и до свиданья.

Были такие случаи?

Да это все тогда знали, что нельзя говорить ничего.

Вы лично уже знали, что по ночам людей забирали?

Конечно. У меня деда забрали. После войны списки в газетах печатались, у меня газета сохранилась с именем деда. Еще из Интерпоселка случай — однажды машина приехала днем, и в нее начали грузить и мужчин, и женщин. Целую машину людей увезли, и, помню, на дороге осталась одна маленькая девочка, стоит и плачет. У нее обоих родителей забрали. Потом, после войны, она приезжала к нам в Падозеро. Там же много было из Интерпоселка. Расспрашивала, не знает ли кто, где ее родители.

Удалось ей что-нибудь выяснить?

Нет, конечно. Их обоих, наверно, тогда же и расстреляли.

Был страх перед властью?

У отца был страх большой. Они взрослые были, нам-то, пацанам, что? В Интерпоселке отец закопал все фотокарточки, которые были привезены из Канады. Закопал в землю, потом, когда все кончилось, выкопал, но они уже были пожелтевшие от сырости. Вот такой был страх. И нигде, в каком бы коллективе он ни был, — ни слова про партию или про политику.

Когда началось это все меняться? После смерти Сталина или прошел какой-то период?

Почти сразу. Проявлялось так, что можно было слушать радиоприемник. Появились переносные радиоприемники, и везде слушали «Голос Америки», музыку, все это. Одну картину с того времени очень хорошо помню: идет по улице человек с переносным радиоприемником и слушает «Голос Америки».

Последствия были?

Никаких не было. Почти сразу после смерти Сталина, когда его разоблачили, и пошло все это.

То есть в пятьдесят шестом?

Да нет, раньше.

Еще как-то проявлялось?

*Валтер Лекандер и Эрвин Нива, пос. Падозере, примерно 1950 г.
Из личного архива В. В. Лекандера*

Боялись еще долго, конечно. Дядька, который помер в Олонце, до самой смерти боялся написать письмо сестре в Финляндию, до того был напуган. Все, что он хотел узнать о жизни в Финляндии, шло через нас, через отца. А когда нашим родственникам первый раз разрешили приехать сюда, их дальше Петрозаводска не пускали. Это примерно шестьдесят восьмой или семидесятый [год]. Они туристами приехали в Петрозаводск и сообщили нам оттуда, что в Петрозаводске. Приехали мы туда, чтобы забрать их сюда на побывку. [Женщина], которая группу вела, предупредила, чтобы на ночь [привезли] обратно. Ну что ж, такси взяли, до вечера побыли, вечером обратно.

Как соблюдалась чистота в Падозере?

Что я могу сказать о чистоте в Падозере? В Петрозаводск приезжаешь, вот он действительно был чистый. Тогда же не было ни буты-

лок, ни бумажек. Если человек шел в магазин, он брал с собой бумагу, а у большинства были мешочки. В них все отвешивали, поэтому мусора было намного меньше. За маслом тоже приходили со своими бутылками. В Чалне потом был такой директор [*леспромхоза*], он перед праздниками обходил весь поселок. Люди уже знали, что он пойдет, везде чистили, убирали мусорные кучи. Но это был единственный директор, который следил за порядком в поселке.

Насколько было распространено после войны воровство?

Воровство появилось только в семидесятые-восьмидесятые годы. Возьмем хотя бы мою работу. Работал я слесарем в гараже леспромхоза в Чалне. У нас не было ни одного замка. Ключи — наши, шоферские, какой шофер ни придет, пользуется всеми. Мы пользуемся их ключами, они — нашими без разбору. Вечером он берет свое, он — свое. Иногда перепутаешь, смотришь — что-то мало ключей. А замков нет ни одного. Идем к диспетчеру, говорим механику: мы сегодня обходим машины. Открываешь сиденье, смотришь — иногда два-три ключа наших, метки были, чтобы различать. Те не протестуют нисколько: пожалуйста, забирайте, если ваши. А сейчас везде замки на дверях, и все равно воровства полно. Тогда двери домов не запирали. Обычно метлой или лопатой при-ткнешь — значит, хозяина дома нет и уходили. Ложились спать — никогда не запирали двери. Все открыто было. Никогда никто не заходил, ничто не воровал. Воровство — это дело теперешнее.

Про людей того времени в целом что вы можете рассказать?

Более дружные. Более ответственные.

Как вы относились к начальству?

У меня всегда был принцип: чем дальше от начальства, тем лучше. И до сих пор.

Были поощрения, грамоты?

Грамот полно было, но это тогда давали всем.

Газеты вы выписывали?

Это было в первую очередь. Получишь, покуда до дырок не прочитаешь, ничего не делаешь. А теперь ноль внимания.

Верили тому, что писали?

Да, конечно. Мы были так воспитаны.

Часто приходилось сталкиваться с именем, образом Сталина?

Представляй себе: Сталин — наш отец, Сталин — бог наш родной. Утро встречаешь со Сталиным, вечером спать ложишься со Сталиным.

Верили этому?

Лично я уже в юности перестал верить. А в основном народ верил.

Как восприняли известие о смерти Сталина?

Я равнодушно. Я не верил ему уже к этому времени, но я равнодушен был. Первые годы я верил Хрущёву, но потом заметил, что все в основном болтовня. Как эти пятилетки начинали — шумят, гремят: «Как хорошо жить будет через пять лет!». Планы большие. Гремят три года, а потом все тише и тише, пятилетка кончилась — и тишина, как будто не было всех этих планов.

В Чалне был памятник Сталину?

Он стоял на месте нынешнего памятника Неизвестному солдату, рядом с почтой. Памятник был гипсовый: Ленин, сидящий на скамье, и рядом стоял Сталин. Я в то время работал слесарем в гараже. Приходит парторг: «Нужен кран». Крановщика не было, но я немного знал... «Поехали». Приехали к памятнику — нужно убрать Сталина. Там вокруг забор, чтобы его не повредить, пришлось стрелу крана очень низко наклонить. Наклонили, парторг: «Цепляй». Я говорю: «Не буду». Страх-то еще был... Парторг сам зацепил. «Поднимай». А стрела низко опущена, грузоподъемность у крана маленькая. Я начинаю поднимать стрелу, памятник на месте, а у крана передние колеса поднимаются. Но потом вырвал Сталина. Ленин еще немного посидел, и через какое-то время его заменили на этого солдата.

Вы сталкивались с людьми, которые во время войны оказались в оккупации?

Тут таких полно было. Последний недавно умер, был такой Пшик. Или родня по первой жене — во время войны кто-то из них работал в Финляндии. Они финнов никогда не ругали, они у хозяев работали.

Было к ним подозрительное отношение?

У нас, конечно, нет. А власти, конечно, их держали на подозрении все время. В плену был — он уже не советский человек. «Ты — враг народа, почему в плен сдался?». Вот эту родню мою бывшую или этого Пшика — молодой парень из Украины, его сразу на фронт. На второй день попали в окружение и сдались. Война окончилась, нет чтобы их отпустить домой, — не отпустили. Тут несколько таких, что были с Украины, вот сюда попали. Уже после смерти Сталина он попытался уехать домой, но уже отвык от той жизни, они там пожили немного и обратно вернулись. После войны много белорусов сюда попало. Вызывают их прямо в военкомат: собирайся, поедешь на лесозаготовки. В Падозеро много привезли. Они год или два поработали, потом их увезли в Пудож, основную массу. Спецпереселенцами их называли. Люди ни при чем, не военные, но попали в оккупацию, и все. Будьте любезны, оставляйте семьи и поезжайте сюда.

Как к спецпереселенцам народ относился, нормально?

Нормально, тут многие карельские девки замуж за них выходили. В Чалне многие потом осели. В простонародье плохого отношения не было.

Как в целом вы можете оценить послевоенное время?

Как молодые годы. Были молодые, были здоровые — а это самое главное в жизни.

Спасибо!

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ

Интервью с Робертом Маннером, 1949 г. р.

Интервьюер: А. В. Голубев

Петрозаводск, 9 марта 2007 г.

Длительность интервью — 1 час

Мои родители приехали со своими родителями из Соединенных Штатов Америки в 1930 и 1931 г. Мать родилась в Нью-Йорке. Когда она приехала в Советский Союз, ей было одиннадцать лет. Отец родился в штате Массачусетс, город Устер. Ему было восемнадцать, [в Америке] он успел окончить школу, *high school*. Приехали они в Ленинград на теплоходе. Здесь [в СССР] участвовали в строительстве Горьковского автозавода. Там до сих пор есть Американский поселок.

Отец был музыкантом, скрипачом. Скрипка до сих пор жива. Учился он в Америке. Он поступил в Ленинградскую консерваторию, но поскольку он был финн, ему не дали общежития и пришлось уйти. У него была справка, что он закончил два с половиной года консерватории, хотя он не учился там.

Я не помню, в каком году они приехали в Карелию. Семьи отца и матери знали друг друга еще в Америке. Они ехали разными рейсами, но примерно в одно время. Тогда, в тридцатых годах, в Карелию приехало всего около шести тысяч американских финнов. Мой дед, отец отца, построил в Кондопоге дом. Он был столяр-краснодеревщик. В Америке он тоже строил дома. В 1932 г. наши родители вместе с другими американцами уехали в Нижний Тагил, где участвовали в строительстве металлургического завода. Из Нижнего Тагила родители матери в 1934 г. переехали в Карелию, а родители отца — в 1935 или 1936 г.

С чем был связан переезд в Карелию?

Стадное чувство, мне кажется так, потому что [в США] у них никаких проблем не было. Отец матери тоже был столяр. Дед со стороны отца где-то работал, одновременно покупал участок земли, строил дом, они переезжали в новый дом и продавали старый. Этим он еще подрабатывал. И когда они уехали на территорию Нью-Йорка, у них оставался участок земли, была проблема продать его. В Кондопоге отец успел получить специальность автоэлектрика, где-то там работал. В тридцать седьмом его арестовали, как и многих других. Он провел в тюрьме два года и семь месяцев. В лагере он не был. Был в Кеми, в Беломорске, в Петрозаводске, потом в Москве.

То есть легко отделался.

Да. Видимо, потому что у него было американское гражданство, советского гражданства не было, да он и не просил. Когда его выпустили из тюрьмы, ему просто дали советский паспорт.

Его выпустили не в связи с образованием Карело-Финской ССР?

Нет, его выпустили уже в тридцать восьмом году. Или позже... В общем долго на свободе он не успел побыть, до войны оставалось немного. [После начала войны] его взяли в трудовую бригаду в Челябинск. Это было что-то вроде концлагеря. Он был там в похоронной бригаде. Их было там пятьсот человек. Они не успевали хоронить, столько людей гибло. Были там в основном финны-ингерманландцы, но и американских финнов тоже было немало. Его там спасла скрипка. Знакомая из Кондопоги, тоже американская финка, собрала все

[музыкальные] инструменты и отвезла в Челябинск, и они стали там играть у начальства на вечеринках. Отец еще рассказывал, что он соврал, что работал поваром в ресторане гостиницы «Северная», и его поставили поваром. А так они ходили под ружьем за несколько километров на лесоразработки. Если норму выполнишь, так норма хлеба была. Нет, так поменьше. Там очень много людей умирало. Мать тоже была в Нижнем Новгороде, потом в Нижнем Тагиле...

То есть они до войны в Карелию не переезжали?

Они переехали до войны.

Вместе с родителями?

Да, только мать с родителями уехала в Петрозаводск, а отец был в Кондопоге. Мать была замужем, отец женат. Потом они оба развелись и в сорок шестом году поженились. Хотели уехать в Америку, но им не разрешили. Они не знали, что не потеряли гражданство. Узнали об этом только в девяностых годах, когда я получил [американское] гражданство. Многие здесь получили. А после войны отец, уже здесь, в Карелии, играл в разных оркестрах, в том числе симфоническом. Преподавал в педучилище скрипку, домру, мандолину. Ушел на пенсию уже из педучилища. Из Америки он привез много нот, по-моему, два чемодана. Жанровые ноты, для танцевальных оркестров. Он играл в парке культуры и отдыха, руководил там оркестром. Там тоже было много американских финнов. Больше десяти человек играло. Это было в пятидесятые, я уже помню. Играли в основном американскую музыку. Тогда не разрешалось играть ни джаз, ни фокстрот. Но чиновники ничего не понимали в музыке, и отец [при утверждении репертуара] говорит, [что] мы поставили Мандельштама или Дунаевского. Ставили печать, а играли американскую музыку. Людям нравилось. Я помню, как в детстве там стоял. Отец играл на скрипке или на ударных. Была большая площадка под открытым небом. Мать работала бухгалтером, экономистом, в последнее время до пенсии работала на комбинате строительных конструкций.

До вступления во второй брак их супругами были американские финны?

Нет. Русские были. У матери муж пропал без вести во время Отечественной войны, а от отца жена ушла, когда его забрали в тюрьму.

Браки в основном заключались внутри диаспоры?

Нет. По-разному было. Были браки и с американскими финнами, и с [красными] финнами, и даже с ингерманландцами. По-разному было.

Когда американские финны жили здесь, в Петрозаводске, они поддерживали отношения друг с другом?

Конечно. Держались друг друга. Тут в симфоническом оркестре много финнов было, финский был. Сейчас, наверное, еврейский в основном.

На каком языке разговаривали в семьях и воспитывали детей?

Моя бабушка знала плохо английский и русский и хорошо финский, поэтому у нас домашний был финский язык.

А у ваших сверстников?

Я знаю, что некоторые говорили дома на английском, но это редкость.

В каком поколении языком бытового общения стал русский?

Наверное, уже в моем. Женились уже в основном на русских.

Были религиозные люди среди американских финнов?

Не знаю ни одного.

Все в основном были коммунистами?

Да. Мои-то родители не были коммунистами. Тогда ездили, агитировали, чтобы в Советский Союз ехали на работу. Многие финны поехали и все привезли с собой: инструменты, дед привез даже машину, «Форд», которым, конечно, не смог пользоваться здесь.

Ваши дедушки пережили репрессии?

Оба пережили. Отец отца умер от воспаления легких в эвакуации. Отец матери умер после войны, в шестидесятых годах.

Бабушки помогали воспитывать внуков?

Да, меня же бабушка воспитала. Мой первый язык был финский.

Отличали ли американских финнов от остального населения какие-то бытовые черты?

Конечно. Кухня, например. У нас готовилось многое из американской кухни. То, к чему привыкли в Америке. А бабушка моя работала поваром. Она готовила хорошо, только продуктов было мало.

Можете вспомнить, какие блюда?

Сладкие пай [pie, англ. пироґ].

Pumpkin pie¹ делали?

У нас дома не делали, но я слышал о таких.

Русские соседи перенимали что-нибудь у вас?

Да. Именно блюда. У нас были и финские блюда, и американские. *Pork and beans* — фасоль со свининой — американское блюдо. В духовке готовится.

По организации быта ваша семья отличалась от соседей?

Да. [Американские финны] приехали с более развитой культурой, чем здесь. Они многое привезли с собой. У нас до сих пор есть сундуки, которые они привезли. Общались мы в те времена довольно часто. Тогда же бедно жили. Тогда и мебели не было. У нас до сих пор сохранилась мебель, которую отец матери сам делал. Кресло-качалка есть, трюмо. Одевались [американские финны] лучше. Портные были. Я помню, у матери была женщина, которая шила ей платья, довольно оригинальные. Муж у нее был канадский финн, а она сама из Финляндии. Известная [портниха] была. Была Хелен Сало, известная парикмахерша в Петрозаводске. Муж у нее был русский, работал художником в «Советской правде»².

¹ Пирог из тыквы, национальное американское блюдо. Примеч. науч. ред.

² Скорее всего, имеется в виду центральная карельская газета «Ленинская правда» (в 1923—1940 гг. — «Красная Карелия», в 1940—1954 гг. — «Ленинское знамя»). Примеч. науч. ред.

То есть была, по сути дела, своя мода?

Да.

А русское население что-то перенимало? Шили себе такие же наряды, как, например, у вашей матери?

Нет. У нее такие эксклюзивные были.

Происходила ассимиляция финнов с бытовой стороны?

Я думаю, что происходила. Они не замыкались в себе. Они общались с местными жителями. Не было такого, что только между собой.

На каком языке читали газеты, книги?

Мать сейчас читает в основном на английском. А в то время читали то, что было. У нас вообще довольно много в семье читали газет и книг. Бабушка читала. У нее даже любимые переводчики были. Особенно ей нравился Хаапалайнен³, который переводил [на финский] русские произведения.

Как ваши родители относились к Советской власти?

Я думаю, что отрицательно. Отец же в тюрьме был. Он мне много рассказывал про КГБ да про все [остальное]. Я думаю, что за ним всю жизнь следили как за врагом народа.

Родители обсуждали политические вопросы с друзьями? Ругали власть на кухне?

Я думаю, что да. Отец у меня читал все газеты, и «Правду», и «Известия». Тогда они дешевые были. Если была возможность получить что-либо из-за границы, то тоже... Слушали финское радио, с детства помню.

Можно ли сказать, что после войны в семьях американских финнов было критическое отношение к советской власти?

³ Тауно Хейкович Хаапалайнен (1908—1976) — полярник, участник экспедиции по спасению челюскинцев, переводчик художественной литературы с русского на финский и эстонский языки. Примеч. науч. ред.

Может быть, не у всех критическое, но в основном да. Некоторые ведь сотрудничали с КГБ, стучали на своих.

В тридцатые годы?

Это уже после войны было. Я думаю, что осведомителей было довольно много. Меня десятки раз пытались завербовать.

Как это происходило?

Организовывали встречи, уговаривали. Меня вообще хотели с первого курса из университета забрать. Прямо с лекции вызвали, пригласили за железную дверь. Были два офицера...

Это в ПетрГУ?

Да, тогда спецчасть была. Предлагали уйти, говорили, что обучим сами. Я не согласился, потому что слышал многое от отца.

А отец вам что рассказывал?

Рассказывал про тюрьму, про трудармию, как его допрашивали, как в карцере сидел. Была маленькая комнатка, там нельзя было ни сесть, ни лечь. Стоял очень долго, ноги опухли, стали, как столбы. Был тут такой народный комиссар Баскаков⁴. В своем кабинете ударил отца по лицу. Допрашивали, издевались по-всякому. Когда он был в Кемии, его посадили к уголовникам. Специально, чтобы те его избили. Уголовники политических не любили. Но его не избили. Там главный спрашивал, какая статья да где сидел. Они его уважали, что он не в лагере, а в тюрьме сидел. Его не побили. Всего отец отсидел в тюрьме два года и семь месяцев.

А из ваших личных знакомых кто-то был завербован?

Да. Были. Во время войны довольно многих послали в Финляндию, но оттуда мало кто вернулся. У нас в Соломенном был знакомый, тоже американский финн. Во время войны был диверсантом, вот он вернулся, у него был орден Красной Звезды. В партизанских отрядах было много американских финнов.

⁴ Михаил Иванович Баскаков, в 1938—1943 гг. — зам. наркома, нарком внутренних дел КАССР, нарком госбезопасности КФСР. Примеч. науч. ред.

По образованности отличались американские финны от местного населения?

Да. У меня все знакомые [из американских финнов], по-моему, с высшим образованием. Единицы только [без высшего образования].

Когда началась «оттепель», стали завязываться контакты с родственниками за границей?

Я первый раз в Финляндию поехал в пятьдесят шестом году, когда мне было семь лет, с матерью. Ее мать, моя бабушка, жила в Финляндии. Потом она приехала сюда. Во время войны она оставалась здесь [в Карелии], в оккупации, и потом [в 1944 г.] ушла с финнами.

В пятидесятые годы кто-нибудь пытался уехать?

Тогда же было очень трудно. Мать одна из первых получила разрешение посетить Финляндию. Отца после войны не пустили. У нас были знакомые из Петрозаводска, они сначала в Таллинн переехали, а потом в Америку.

В целом стремились уехать?

Наверное, нет. Семьи уже были.

А в девяностые кто поехал? Уже третье поколение?

Все поехали. Очень многие уехали в Финляндию. Матери уже позвонить некому, все уехали. Там и условия предлагались лучше, чем здесь, квартиру давали. Молодежь могла учиться.

Спасибо!

Анита Луома,

*журналист
журнала «Carelia»*

О моей семье

ЛУОМА

Мой дед со стороны отца, Лаури Михайлович Луома, родился 29 сентября 1896 г. в Финляндии, в местечке Юрва губернии Вааса.

В 1915 г. Лаури Луома уехал в США на заработки и обосновался в штате Мичиган. Там же женился на Анне Лийматайнен, уроженке Финляндии. Их единственный сын Лео родился 10 мая 1921 г. в г. Детройте. Лаури работал на автозаводе Форда, Анна была домохозяйкой. Семья имела квартиру в Детройте, дачу, машину. Лаури был членом компартии США со времени ее основания в 1924 г.¹ В годы Великой депрессии Лаури потерял работу. В это же время началась вербовка специалистов и рабочих в Карелию. Семья Луома приняла решение о переезде в Советский Союз. В мае 1931 г. Лаури с женой и десятилетним сыном в составе большой группы американских финнов покинул США.

В Карелии семья обосновалась в Петрозаводске. Лаури сразу нашел работу, он был хорошим плотником. Строительная бригада, которую он возглавлял и которая состояла в основном из финнов-эмигрантов, участвовала, кроме прочих объектов, в строительстве первого водопровода в Петрозаводске, чем заслужила большую известность.

В январе 1938 г. Лаури Луома был арестован. Его обвиняли в том, что он являлся участником контрреволюционной националистической организации и по заданию последней проводил контрреволюционную агитацию. Лаури Луома был расстрелян 6 марта 1938 г. в местечке Сандармох Медвежьегорского района. О его судьбе жена и сын

¹ Респондент ошибочно указывает год основания коммунистической партии США (1919 г. — Советский энциклопедический словарь. М., 1986). Также неверно дата указана на стр. 152.

ничего не знали до 1957 г., когда получили по своему же заявлению свидетельство о его посмертной реабилитации. О том, что он был расстрелян уже через полтора месяца после ареста, они так никогда и не узнали. Место расстрела было установлено только в 1997 г.

После ареста отца в 1938 г. Лео вынужден был оставить школу, так как его с мамой, как семью «врага народа», выслали на остров Гольцы Онежского озера. Квартира в Петрозаводске была конфискована. Школы на острове не было, поэтому продолжать учебу не было возможности. На острове все ссыльные были заняты на тяжелых работах. Лео с матерью провели на острове в изоляции от всего мира три года. Когда началась Великая Отечественная война, он был мобилизован в армию. После десятидневной подготовки огнемётчиков Лео Луома был отправлен на передовую Карельского фронта, где служил в знаменитом 126-м стрелковом полку под командованием майора Вальтера Валли. В октябре 1941 г. во время попытки выйти из окружения в районе Кяппесельги Лео и три его товарища были взяты в плен и отправлены в Финляндию.

В 1945 г. Лео был направлен в Кемеровскую область в фильтрационный лагерь, но был отпущен как «лицо без гражданства». Он пытался вернуться в США, но власти ему отказали. В 1949 г. он принял советское гражданство, после чего был сразу арестован по обвинению в измене Родине и в антисоветской пропаганде и приговорен трибуналом к 25 годам исправительно-трудовых лагерей. Будучи заключенным, он нашел мать, что считал совершенно невероятной случайностью.

В 1956 г. в связи с амнистией был освобожден. Вернувшись в Петрозаводск, он взял свою мать из дома престарелых, через год женился и начал строить дом в районе Перевалки, работал в КБО портретистом, в последние годы по совету врачей работал столяром.

В 1974 г. его не стало.

Йокимяки

Этот рассказ я записала со слов моей мамы, Луома Берты Юрьевны, и ее сестры, Йокимяки Хельми Юрьевны, в 1993 г. Их не стало в 1995 г.

«Наш отец, Юрьё Йокимяки, родился в 1893 г. в местечке Карвиа, на Западе Финляндии. Приехав в начале прошлого века в США, он взял себе новое имя и фамилию: Джордж Маки. Мать — Эмилия Йокимяки, урожденная Туомала, родилась в 1896 г. в Финляндии, местечке Перхо (Центральная Финляндия). В 14-летнем возрасте она со своей тетей отправилась искать счастья за океан.

Все дети от этого брака родились в штате Мичиган: Хельми (1918 г., г. Долларбей), Берта (1921 г., г. Барага), Ральф (1923 г., г. Барага) и Джордж Юрьё (1925 г., г. Барага). Мы жили на окраине маленького городка Барага. Родители держали небольшую ферму. Отец работал, мама занималась хозяйством, мы с сестрой ходили в школу.

Родители не были коммунистами, но портрет Ленина висел на почетном месте в гостиной. Запомнилось, как мы всей семьей ходили в «рабочий клуб» на какие-то собрания, вечера. Здесь же в клубе финская община города отмечала праздники. Дети проводили летние каникулы в пионерских лагерях. Однажды отец объявил, что мы уезжаем в Советский Союз, так как там нуждаются в рабочих руках и есть все условия для жизни простого рабочего человека. По маминим слезам мы поняли, что она не хотела уезжать, но потом согласилась, но только по одной причине: Карелия, куда мы собирались ехать, была совсем рядом с ее родиной, Финляндией. Это решение было принято отцом, возможно, и потому, что он в тот момент остался без работы. Зимой временно работал на лесозаготовках.

Перед отъездом на деньги, вырученные от продажи дома и коровы, отец купил несколько ящиков гвоздей, строительные инструменты, сельскохозяйственный инвентарь. «Это нам потребуется в Карелии», — сказал он.

25 сентября 1931 г. мы выехали на своей машине в Нью-Йорк и оттуда на теплоходе шведской компании «Дроттнингхольм» с большой группой (около 400 человек) американских финнов отправились через океан в Советский Союз. Помним, что прибыв в Гётеборг, финны, сложив последние доллары, закупили много велосипедов для Карелии. Велосипеды до места не доехали, скорее всего, они были конфискованы в Ленинграде.

Наша семья с группой финнов попала на лесопункт в Луулампи Тунгудского района, ныне Беломорский район. Там мы жили по типу коммуны. У нас, детей, остались очень хорошие воспоминания о том времени. Пришлось, правда, пережить и горе: в Луулампи умер в шестилетнем возрасте наш младший брат от воспаления легких. Старшая сестра Хельми к этому времени уже закончила педучилище и работала учителем, остальные учились в финской школе, жили в интернате. В 1935 г. закончилась работа в Луулампи и всех рабочих с семьями перевели в Пай.

Хельми осталась работать учителем в Лехто. Вскоре начали закрывать финские школы. Многие учителя тогда остались без работы, а ученики вынуждены были оставить школу, так как многим было тяжело продолжать учебу на русском языке. Хельми повезло, так как она почти сразу устроилась на работу в библиотеку. Вышла замуж, и в марте 1937 г. в их семье появился ребенок — сын Ёрма. В 1938 г. Хельми приехала с сыном в Пай, так как осталась одна после ареста мужа, Туро Рюткенена, уроженца Финляндии. О его судьбе до сих пор ничего неизвестно. К счастью, репрессии не коснулись наших родителей, хотя в это страшное время в Паю очень много семей осталось без отцов. Наша мама умерла от тяжелой болезни в 1939 г.

Во время войны мы были эвакуированы на Урал, а младший брат Ральф, которому исполнилось тогда только 19 лет, был мобилизован в так называемую «трудовую армию» в Челябинск. Там за колючей проволокой он и погиб от голода и лишений в 1943 г. Наш отец умер в Петрозаводске в 1946 г. от травмы, полученной на заводе во время работы.

Наша послевоенная жизнь, думаем, особо не отличалась от жизни большинства советских людей того времени».

Кивикоски

Сестра Юрьё Йокимяки, Хилма Кивикоски, урожденная Йокимяки, родилась в Финляндии в местечке Карвиа. Ее муж Артур Кивикоски тоже родился в Финляндии. Переселились в США в начале прошлого века. У них было двое детей: Роберт Кивикоски (род. в 1919 г. в г. Барага) и Кеннет Кивикоски (род. в 1924 г. в том же городе).

Семья Кивикоски переехала в Советский Союз в октябре 1931 г. Привезли с собой радио, несколько пишущих машинок, инструменты.

Проживала семья сначала в Луулампи, потом по окончании работ в лесопункте переехала в Пай. Артур Кивикоски умер в эвакуации в 1943 г., Хилма умерла после войны в Маленге.

Роберт Кивикоски пропал во время войны, до сих пор родные ничего не знают о его судьбе. Он, по слухам, после учебы в разведшколе был заброшен в Финляндию, где и погиб.

Кеннет Кивикоски (по паспорту Геннадий Артурович Кивиковский) после войны окончил техническое училище и был направлен на работу в Оленегорск, где и жил с семьей, в которой было трое детей. Скончался в 1998 г.

Петрозаводск, 2 марта 2007 г.

Виктор Паасо,

*старший преподаватель
Института повышения квалификации
работников образования РК*

О моем деде, любившем яблоки

Моему деду Хуго Паасо было что рассказать — у него сложилась интересная и вместе с тем трагическая жизнь, но после него не осталось ничего, даже предсмертной записки. Разве что несколько фотографий да подпись в следственном деле, которое мне показали в КГБ в 1989 г.

Я знаю деда лишь по рассказам его младших братьев и сестер, живших в Финляндии, моего отца и людей, помнивших семью Паасо по дружбе в США и в Петрозаводске в тридцатые годы.

Родился он 3 февраля 1894 г. в маленьком местечке Ий, что в сорока километрах к северу от Оулу. Хуго-Хенрик был первенцем. Семья большая: из одиннадцати детей отца от первого брака осталось в живых шестеро. Его отец Симуна работал на строительстве железной дороги, занимался земледелием, а мать, по финской традиции, воспитывала детей, вела хозяйство.

Деятельность «левых» была довольно активной в этих северных краях Финляндии, и в 1909 г. Хуго вступил в социал-демократическую партию. Летом того же года в Ий после ряда забастовок трудящиеся одержали победу и Рабочий кооператив укрепил свои позиции. Появился в коммуне также Дом рабочих.

В Америку из Ий уезжали уже во второй половине XIX в. Об успехах односельчан в Штатах Хуго знал из писем родственников, обосновавшихся за океаном. А тут еще произошло событие, слухи о котором громогласно разнеслись по всей Финляндии. В конце мая 1912 г. в порту Ханко причалил первый пароход, доставивший 170 соплеменников из США, решивших совершить туристическую поездку на родину. Потом прибыло еще более 350 человек. Финны разъехались по родовым гнездам, где своими откровенными

рассказами о жизни в Америке потрясли воображение родственников. Истории о благодатной стране вскружили головы многим, и первыми, кто уже готовился к переезду в Соединенные Штаты, были, конечно, молодые люди, и в их числе Хуго. Однако мать Каролина осенью серьезно болела, и отец был против отъезда старшего сына. Она продержалась еще с полгода и умерла от пневмонии в мае 1913 г. Приняв решение помогать семье, Хуго оформил документы и выехал в США 31 января 1914 г.

Лиза Тимонен родилась и жила в том же Ий, но по другую сторону реки. Лиза и Хуго были знакомы, может быть, их даже тогда соединяло какое-то более глубокое чувство, чем простое времяпрепровождение на молодежных вечеринках. Девушка еще раньше собралась в Америку, правда, мотивы ее решения были несколько иными: достаток в семье позволял Лизе совершить романтическое путешествие, не омраченное заботами о заработке. Весной 1912 г. она вместе с подругой забронировала билеты на «Титаник», на который они, к счастью, опоздали. Поэтому уехала в США только через год, в марте 1913-го.

Обосновались оба в штате Мичиган, где уже давно существовали многочисленные колонии финских эмигрантов. Вскоре встретились. Встретились, чтобы не расставаться. Хуго работал на медных рудниках города Ханкок, что на побережье Великих озер, а Лиза устроилась гувернанткой в богатую семью в местечке Кальюмет.

Этот городок стал знаменит трагедией в Рабочем доме итальянских мигрантов в рождественский сочельник 1913 г. В самый разгар праздника кто-то крикнул: «Пожар!». И сотни присутствующих в дикой панике устремились к единственному выходу. В дверях образовалась пробка, еще более усугубившая ситуацию. Всего в давке было растоптано 74 человека, 47 из них — женщины и дети финской общины. Многие считали, что эта бесчеловечная акция была спровоцирована крупной горнодобывающей компанией «Кальюмет-Хекла», на предприятиях которой проводились массовые забастовки рабочих-шахтеров. Так получилось, что именно в этот вечер хозяева непустили Лизу из дома, чем она была очень огорчена. Но когда

утренние выпуски газет сообщили о трагическом событии и жертвах, Лиза поблагодарила судьбу, так благосклонно отнесшуюся к ней.

22 марта 1917 г. у них рождается сын, которого они назвали Тойво Олави. Поселились они в городе Уокиган, штат Иллинойс, в 35 милях к северу от Чикаго. Хуго с помощью ивовой рогатки обнаружил на купленном участке земли в пять акров подземный источник воды, рядом с которым он и строит свой дом. Развели домашнюю птицу, фруктовый сад, огород. Какое-то время Хуго был без работы — кризис и застой царили во всех сферах экономики, хотя семья имела достаточно средств даже на покупку автомобиля «Шевроле», который потом научился водить и Тойво.

В бригаде финнов Хуго строил дороги, а Лиза содержала хозяйство, воспитывала сына. Он приносил в обеденный перерыв отцу пакет с нехитрой снедью: сэндвичи и горячий кофе. Однажды паренек то ли спешил, то ли упал по дороге, но принес разбитый термос, и кофе пить уже было невозможно. Отец нежно пожурил сына, понимая, что тот и сам осознал уже свой проступок.

Еще на родине, в Финляндии, Хуго страстно любил яблоки. На американском континенте он поразился густой розовости сочных наливных яблок. В Америке принято есть на ходу, и он решил основательно подкрепиться излюбленным лакомством. Шагая с огромным кулем, набитым доверху красными фруктами, он был бесконечно счастлив. Когда же он впился своими молодыми зубами в первое «яблоко», то оно брызнуло на него своим кровавым соком. От досады Хуго проклял, наверно, всю Америку, а заодно и уличного лавочника, продавшего ему... помидоры. Овощ, вероятно, был великой редкостью в родном северном краю, раз не удалось сразу его распознать.

У деда был финский характер: себе на уме, упрямый и отзывчивый, тонкий юмор и добродушие сочетались с довольно крутым нравом. Когда маленький Тойво посетовал однажды, что у него, как у всех нормальных мужчин, почему-то не растет борода, то отец дал ему конкретный совет: следовало только намазать лицо куриным

пометом, которого в их хозяйстве имелось в избытке, и с радостью ждать появления первой растительности.

Полагаю, что Хуго по своему темпераменту был сангвиником. Кто-то из его товарищей по работе, не догадываясь о возможных последствиях, неудачно пошутил. Хуго без лишних слов схватил топор и вполне с серьезными намерениями погнался за обидчиком. Бедолаге едва удалось сгинуть с глаз долой.

В мужских компаниях развлекались пробой сил по перетягиванию друг друга за согнутый палец. В этих состязаниях, пока не раскрылся секрет, Хуго неизбежно оказывался победителем. Дело в том, что он перетягивал всех своим не разгибающимся пальцем, у которого было порвано сухожилие...

Семья принимала активнейшее участие в общественной жизни финской диаспоры. В Рабочем доме устраивались праздники, концерты, ставились спектакли, слушали выступления политических деятелей, организовывалась работа с молодежью. Воспитанию подрастающего поколения в духе социалистических идеалов уделялось большое внимание. Подростки с восторгом носили красные галстуки и обставляли свои тайные сходки ритуалом пионерских организаций, выражая откровенное неприятие буржуазным скаутским формированиям.

Хуго, разумеется, читал небезызвестное «Письмо к американским рабочим», написанное Лениным в августе 1918 г., в котором вождь мирового пролетариата делал упор на «добрую революционную традицию американского народа». Тем не менее придерживаясь умеренных взглядов, он не вступил в созданную в 1922 г. американскую коммунистическую партию. В 1919 г. он вышел из финской социал-демократической партии, а через семь лет стал членом американской социалистической партии. Финны-социалисты США основали при этой партии свою, финскую, организацию, выступающую, в отличие от коммунистов, за поддержку и активизацию межобщинной деятельности финнов. В год разразившегося экономического кризиса, послужившего, вероятно, причиной глубоких разочарований и отказа от политической деятельности, Хуго вышел из партии.

Лиза крайне удивилась предложению мужа переехать в Советский Союз, но спорить с ним было бесполезно. Ранней весной 1931 г. начались хлопоты по продаже дома и всего имущества. Наконец, 12 июля 1931 г. семья выезжает в Чикаго, а оттуда в Нью-Йорк, где формируется очередная группа эмигрантов для отъезда в Советский Союз. Там в течение трех дней были завершены последние формальности с документами, и общество «Технической помощи Карелии» организовало выезжающим насыщенную культурную программу.

Неумолимо приближался день отправления. И вот рано утром 16 июля комфортабельный пароход шведской компании «Дроттнингхольм» отчалил. Некоторые из пассажиров с нескрываемым злорадством грозили кулаком проплывающей мимо 40-метровой «Мисс Либерти» — статуе Свободы: ведь они ехали туда, где есть настоящая свобода. На палубу высыпали все: женщины, словно предчувствуя сердцем беду, утирали слезы; детские личики, напротив, были переполнены наивной радостью — наконец-то они без боязни могут носить свои красные галстуки, которые прятали за пазухой. Все дружно грянули «Интернационал» — такова была традиция уезжающих в Советский Союз.

Путь предстоял долгий: через канадский порт Галифакс, где высаживались канадские финны, через Великобританию до шведского города Гётеборга и оттуда с пересадкой до Ленинграда.

Атлантика показала свой крутой нрав: морская болезнь обезлюдилась палубы и рестораны лайнера, загнала путешественников на каютные койки. Лишь редкие смельчаки игнорировали сильнейший шторм, в их числе были и Тойво с отцом: потягивая коктейль, они любовались из окон бара раскрепощенной стихией.

Когда корабль пришвартовывался в гётеборгском порту, шведы встречали алыми флагами, дружескими возгласами, теплыми приветствиями и широкими улыбками. Это были братья по вере. Ночным поездом перебрались с западного на восточное побережье Южной Швеции и прибыли в Стокгольм. В течение дня знакомились со столицей, а вечером под парами «Кастелльхольма» над Балтикой вновь дружно прозвучал гимн международного пролетариата.

Защемило сердце при подходе к Турку, но родина неласково встретила своих заблудших сыновей и дочерей. Местные щюцкоровцы продемонстрировали бурный протест бывшим соотечественникам, которых они воспринимали теперь как носителей и разносчиков бациллы коммунистической заразы. На борту парохода вынуждены были организовать вахтенное дежурство, чтобы лахтари-белогвардейцы — так называли всех антикоммунистов — не проникли на судно. Фашисты требовали высадить Лехтимяки: будучи военным летчиком, он нелегально вез с собой из Штатов различную документацию по самолетостроению. Выдача, разумеется, не состоялась. С корабля никто не сходил. Злая атмосфера, матерная брань, обвинения и оскорбления, ярость с пеной у рта — вот та гамма агрессии, которую испытали эмигранты на родной земле. Но кратковременная стоянка завершилась трубным гласом судна, запустившим свои турбины для последнего перехода по Финскому заливу.

«Ленинград! Ленинград! Смотрите, мы подъезжаем!» — известил ликующий крик.

Встречающих было много: кроме городской власти и представителей Карельской республики собрались и ленинградцы — поглазеть на «живых» американцев, многие были с цветами. Играл оркестр, звучали речи. Кто-то из ранних эмигрантов также пришел поприветствовать своих друзей или знакомых. В списке числится 42 фамилии мигрантов-«строителей», прибывших в СССР этим рейсом из Нью-Йорка и Галифакса (Канада): 41 мужчина, 16 женщин и 14 детей, т. е. всего 71 человек.

В течение двух дней гостей ждали отдых, экскурсии по городу, собрания и митинги.

31 июля 1931 г. Пятница. Незабываемый день! Поезд прибыл в столицу КАССР — Петрозаводск.

Разместили эмигрантов временно в переселенческом бараке на улице Урицкого. В комнате кое-как устроились 5—7 семей. Перегородившись одеялами, понемногу обживались. Мучение это длилось немногим более месяца. Хуго получил работу в бригаде плотников

по ремонту школ города, а к концу сентября его назначили учителем столярного дела в педагогическом техникуме, преобразованном позднее в педучилище. Тогда же семья получила однокомнатную квартиру в двухэтажке, которую через полгода обменяли на двухкомнатную в том же доме. По тем временам это считалось солидными апартаментами!

Тойво пошел в шестой класс средней школы № 2, в которой обучались в основном дети эмигрантов. Хуго в течение двух лет занимался педагогической деятельностью, не имея никакой специальной методической подготовки. Лиза хозяйничала по дому.

Летом 1933 г. в жизни Тойво произошло знаменательное событие: он оказался на одной палубе со Сталиным, Ворошиловым и Кировым. А предшествовало этому следующее. При участии финнов в Петрозаводске был создан юношеский оркестр, в котором Тойво играл на первой трубе. Инструментов не хватало, и Тойво отправил в одну из американских газет письмо с просьбой помочь карельским комсомольцам. Через некоторое время из-за океана прибыл контейнер с комплектом прекрасных новых инструментов, а на трубе Тойво была выгравирована персональная дарственная надпись. Позже он будет играть также в духовом оркестре при лыжной фабрике, руководителем которого стал Элис Ранта. Играли по вечерам и в выходные дни в парке отдыха, на увеселениях, разных торжественных мероприятиях, на похоронах. В особые «парадные» случаи «лыжников» включали в сводный оркестр города, насчитывавший до 140—150 музыкантов, им дирижировал сам Теплицкий¹.

Вот так и случилось, что во время торжественного пуска в эксплуатацию Беломорканала юношеский оркестр в полном составе доставили на теплоход, на котором находились высокие гости из столицы вместе с ленинградскими и карельскими руководителями.

В том же году дирекция техникума поручила Хуго скомплектовать толковую бригаду с целью подготовки документации для

¹ Теплицкий Леопольд Яковлевич (1890—1965) — композитор, дирижер, педагог, один из организаторов и главный дирижер симфонического оркестра Карелии, оркестра Государственного ансамбля песни и танца Карелии «Кантеле». Примеч. науч. ред.

строительства полутораэтажной студенческой столовой, а по окончании работ его перевели на должность помощника директора пединститута по хозяйственной части. И он сразу же приступил в качестве заказчика к оформлению документов на строительство по проспекту Ленина корпуса института, известного сейчас как главный корпус госуниверситета.

Перед самым завершением первой очереди строительства Хуго неожиданно снимают с должности и обвиняют в «халатном и безответственном» отношении к работе, «развале строительства». И это тогда, когда здание было уже практически готово! Немногим раньше, в ноябре 1936-го, Хуго, как «не внушающего доверия», исключили из кандидатов в члены ВКП(б).

Все это было, разумеется, не случайно. Не так давно убили Кирова. Только что закончились чистки, в ходе которых обменены старые партбилеты на новые. Начался процесс Каменева и Зиновьева. В разосланном в июле 1936 г. партийным комитетам закрытом письме ЦК содержались требования повышения бдительности, разоблачения притаившихся врагов, вслед за чем последовала волна доносов, исключений из партии, арестов. Сталин готовил истребление всех бывших оппозиционеров. С 23 февраля по 5 марта 1937 г. проходит Пленум ЦК, рассмотревший «вопрос об антипартийной деятельности Бухарина и Рыкова».

В Карелии свирепствовала та же эпидемия. Штампованные обвинения, только с упором на шовинизм и национализм. Материалы Пленума широко обсуждаются во всех партийных организациях. В пединституте состоялось заседание партбюро, решением которого Хуго был уволен. В августовских номерах республиканских газет публикуются призывы «Очистить пединститут от каждого контрреволюционного националиста и прочих врагов народа!». Анонимный автор бросает обвинение бывшему директору института Сювянену², якобы потворствовавшему проискам врагов, таких как декан

² Эло Сювянен — директор пединститута, был арестован в октябре 1937 г., обвинен в контрреволюционной деятельности и расстрелян 28 декабря 1937 г. Реабилитирован в 1989 г. Примеч. науч. ред.

исторического факультета Баклар, помощники директора Курачкин и Паасо, преподаватель финского языка Сало.

С такой «славой», естественно, никто на работу не брал. И лишь к зиме Хуго приняли вальщиком на лесоповал близ Ладвы. Ежегодно приезжал «воронок» и кого-то по разнарядке забирали. 19 января 1938-го приехали и за Хуго.

На допросе он узнал, что, оказывается, еще летом 1935 г. в Гостином дворе Петрозаводска его умышленно повстречал Артур Усениус из Наркомата местной промышленности, пригласил хитро домой и по-дружески завербовал в националистическую контрреволюционную организацию республики, работающую сразу на несколько иностранных спецслужб. И будто в качестве аванса Хуго получил 200 рублей. Тогда же, в октябре 1935-го, Усениуса и арестовали.

Хуго и Усениус были давними товарищами, и по работе им приходилось сталкиваться нередко, и московских командированных чиновников принимали вместе. Неординарная личность, интеллигент из рабочих, Усениус владел семью языками, имел солидный багаж политической, подпольной революционной, профсоюзной работы. Когда он до эмиграции в Швецию проживал с семьей в Хельсинки, в июле 1917 г. к ним привели Ленина, который в течение нескольких дней конспиративно жил у них, укрываясь от ищек Керенского. Газеты ему регулярно приносил Густав Ровио, в то время он был начальником милиции Хельсинки. До 1929 г. Ровио занимал ответственные должности в Ленинграде, откуда его направили в Петрозаводск возглавить Карельский обком партии.

Так Хуго предъявили обвинение в сотрудничестве с немецкой и финской разведками, в вербовке десяти человек в шпионско-повстанческую организацию (одной из диверсионных групп он якобы уже и сам руководил), в сборе секретных сведений и разработке планов проведения терактов.

Хуго допрашивали с пристрастием, и 27 января, на седьмой день пыток и унижений, он в полубессознательном состоянии вывел с «помощью» следователя свою подпись «на какой-то бумаге», как он позже скажет сыну.

В течение последующего месяца до вынесения приговора Тойво несколько раз тайно получал от отца из тюрьмы письма, написанные на тонкой папиросной бумаге и адресованные Калинину и Ежову в Москву. Писал, что он ни в чем не виноват, что произошла какая-то ошибка, страшное недоразумение.

13 февраля Хуго был осужден по четырем пунктам 58-й статьи УПК и приговорен к высшей мере наказания. Через 13 дней его не стало...

Петрозаводск, 24 апреля 2007 г.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Варпу Линдстрём,

профессор истории,

Йорк университет (Торонто, Канада)

Международный исследовательский проект «Пропавшие в Карелии: канадские жертвы сталинских репрессий» («Missing in Karelia: Canadian Victims of Stalin's Purges»)

О проекте и его участниках

«Пропавшие в Карелии: канадские жертвы сталинских репрессий» — это крупномасштабный научно-исследовательский проект, международная попытка объединить и проанализировать обширные, часто неполные и противоречивые сведения из разных источников о канадских гражданах финского происхождения, приехавших в Советскую Карелию в 1920—1930-е гг. Главной целью этой совместной, интернациональной, многоязычной, рассчитанной на три года программы является намерение проанализировать

репрессивную политику Советского государства на локальном, региональном уровне. Исследование сфокусировано на судьбах более 2400 канадцев финского происхождения, приехавших в Советскую Карелию по приглашению советского правительства строить новую финноязычную социалистическую отчизну.

В 2006 г. международная группа исследователей выиграла грант Совета по общественным и гуманитарным наукам Канады для работы по этой теме. Исследования в рамках данного проекта проводятся в пяти странах с различными языковыми, культурными и исследовательскими традициями. Командный подход дает возможность одновременно проводить работу в Финляндии, Швеции, России, Канаде и США. Координаторы проекта в каждой из стран-участниц являются экспертами в данной области и активно сотрудничают с коллегами из других стран. Коллективный подход к изучению темы оживляет научные дискуссии, повышает интенсивность поисков и снижает расходы на командировки, которые могли оказаться непомерно высокими.

Я являюсь руководителем данного проекта, а Йорк университет (Торонто, Онтарио, Канада) — базовой организацией. Другими участниками проекта являются доктор Маркку Кангаспуру, руководитель исследовательского отдела Александровского института Хельсинкского университета, и доцент Ирина Такала, зав. кафедрой истории стран Северной Европы Петрозаводского госуниверситета. По счастливому стечению обстоятельств наши три университета подписали договор о международном сотрудничестве, позволяющий осуществлять разного рода обменные программы. Обсуждение условий договора между Йорк университетом и Петрозаводским университетом с президентом ПетрГУ Виктором Васильевым в Торонто оказалось чрезвычайно важным для данного проекта.

В первый год работы была набрана команда исследователей, аспирантов и студентов, которые осуществляют сбор данных для проекта: Дмитрий Фролов (Национальный архив Финляндии), преподаватели Алексей Голубев и Александр Осипов, аспирант Дмитрий Зинков, студентка Анна Маркова (Петрозаводский университет), Елена Усачева (Национальный архив Республики Карелия), Самира

Сарамо и Евгений Ефремкин (Йорк университет). Студентка Йорк университета Елизавета Васильева помогает с переводами исторических документов. Также осуществляется тесное сотрудничество с Эйлой Лахти-Аргутиной, чья обширная информационная база доступна для участников проекта. Дизайнером web-сайта является компания Webmakersinc.com, поддержку сайта осуществляет Джеффри Макдугалл (Geoffrey MacDougall) из Intangible Inc. Сайт разработан в полном соответствии с этическими и дизайнерскими требованиями, одобренными Йорк университетом.

Цели и задачи проекта

Целью проекта «Пропавшие в Карелии: канадские жертвы сталинских репрессий» является поиск и анализ документов, а также обнародование информации о судьбах более чем 2400 канадцев, в основном финского происхождения, переехавших в Советскую Карелию из Канады в 1920—1930-е гг.

Проект состоит из четырех главных частей. Первая задача — разыскать и получить сведения об иммигровавших в Карелию канадцах, идентифицировать их, а также определить причину их отъезда. Этот вопрос тесно связан с антиэмигрантской и антикоммунистической политикой в Канаде в период депрессии и «красной угрозы».

Вторая задача аналитическая и предусматривает изучение репрессивной политики в отношении канадских граждан в Советской Карелии в 1935—1938 гг. Канадцы, в основном этнические финны, составляли примерно 40% от 6500 североамериканцев, приглашенных Сталиным и завербованных Комитетом технической помощи строить новую финноязычную социалистическую отчизну. Этот огромный добровольный исход канадских граждан в мирное время закончился катастрофой. Сотни из них были казнены и захоронены в братских могилах, обнаруженных лишь недавно. Избежавшие казни были сосланы в лагеря, и лишь немногие выжили. Мы хотим понять, как полные энтузиазма канадские рабочие и строители, безраздельно верующие в правоту социалистического строя, были превращены в злостных врагов человечества и стали жертвами этнической чистки.

Изучение этой проблемы позволяет на новом уровне проанализировать сталинский террор. Предыдущие исследования были сфокусированы на макроуровне и сконцентрированы на миллионах жертв. Исследование репрессий четко определенной группы граждан Канады — жертв репрессий в Советской Карелии — позволит детально проанализировать процесс осуществления террора на локальном уровне. Кто был заинтересован в распространении репрессий и почему? Кому была выгодна этническая чистка канадских граждан? Найденные данные будут проанализированы посредством web-технологий, сфокусированы на отдельных личностях при использовании анализа базы данных, специально созданной для этого проекта. Данная новаторская технологическая модель будет значительным вкладом в будущие исследовательские проекты. Сочетание традиционных исторических методов исследований и новейших технологических разработок позволяет проанализировать и количественную, и качественную стороны информации.

Третьей задачей проекта является стремление дать слово самим жертвам, проанализировав повествовательные акценты, найденные в письмах, воспоминаниях, личных дневниках тюремных надзирателей, протоколах допросов и других архивных документах. Гуманитарной стороной этого исследования является предоставление точной информации родственникам и, по возможности, содействие объединению семей. А также важно определить, сколько могил жертв репрессий еще должно быть найдено.

Четвертой задачей проекта мы ставим как можно более широкое распространение полученных данных в английских, русских, финских средствах научной и массовой информации, используя сайты, учебные и мультимедийные средства, с тем, чтобы донести результаты исследований до ученых, политиков, членов семей и широкой общественности. С помощью специально разработанной программы мы надеемся предоставить каждому пользователю прямой доступ к информации, что обычно отсутствует в традиционных исторических исследованиях. Несмотря на то, что большой шаг в изучении и документировании этой трагедии, затронувшей как минимум 14 000 невинных жителей Карелии, был уже сделан историками и журналистами, их работа не была сфокусирована

на анализе террора на локальном уровне или конкретной группе людей, в данном случае — канадцев, лишь потому, что они входили в категорию «финны» или «американцы». Очевидно, что наибольшая часть работы с историческими документами ляжет на российскую исследовательскую команду, так как она имеет непосредственный доступ к архивам.

Задачи на будущее

В течение первого года исследовательской работы команда столкнулась с некоторыми трудностями. Создание Web-сайта оказалось сложнее, чем предполагалось, из-за этого произошла задержка создания базы данных. Старые архивные списки и документы должны были быть представлены в цифровом формате, что занимает много времени. В связи с тем, что работа ведется в пяти странах на трех разных языках, возникают трудности с обработкой и введением информации в базу данных.

Возможно, главной трудностью нашего проекта является то, что он в данный момент сфокусирован только на гражданах Канады, и нам следует расширить область поисков и включить всех североамериканцев. Для этого нам потребуется сотрудничество с американской стороной и дополнительное финансирование. Исследовательская команда встретилась на конференции Finnforum 8, которая состоялась в университете Мелардален, г. Эскильстуна (Швеция) в июне 2007 г., где были представлены первые результаты работы. Мы также обсудили дальнейшие пути расширения проекта и попытались включить американских исследователей в нашу команду. Целью обсуждения являлась подача заявки для получения гранта от Национального гуманитарного фонда (США) в 2008 г. Все участники проекта с чувством оптимизма смотрят в будущее и привержены общей исследовательской миссии.

Перевод с англ. Е. Васильевой

Ирина Такала,
*зав. кафедрой
истории стран Северной Европы
ПетрГУ (Петрозаводск, Россия)*

**Научно-исследовательский проект
«Североамериканские финны
в Советской Карелии в 1920—1950-е гг.»**

Научно-исследовательский проект «Североамериканские финны в Советской Карелии в 1920—1950-е гг.» рассчитан на два года (2007—2008 гг.) и финансируется программой РГНФ «Русский Север: история, современность, перспективы» (№ 07-01-42104а/С). Главной целью проекта является изучение такого феномена, как массовое переселенческое движение по политическим мотивам на примере пребывания в республике финнов-иммигрантов из США и Канады. Основные исполнители — сотрудники, аспиранты и студенты кафедры истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета: И. Р. Такала (руководитель), А. В. Голубев, А. Ю. Осипов, Д. Зинков, А. Маркова, В. Иштонкова. Вся работа ведется в тесном взаимодействии с международным исследовательским проектом «Пропавшие в Карелии: канадские жертвы сталинских репрессий» и с его руководителем, профессором Йорк университета (Торонто, Канада) Варпу Линдстрём, поскольку цели и задачи обоих проектов во многом совпадают и дополняют друг друга. Научными консультантами проекта являются профессор российских исследований Хельсинкского университета (Финляндия) Тимо Вихавайнен и профессор университета Миннесоты (США) Алексис Погорельский.

Появление в Советской Карелии североамериканских финнов совпало со временем активного национального строительства и бурных экономических преобразований 1930-х г. Изучая историю этой этнической, культурной и социальной группы, мы можем выявить многие особенности развития советского довоенного — и отчасти

послевоенного — общества и раскрыть целый ряд актуальных научных проблем. Прежде всего, нам хотелось бы сконцентрироваться на таких вопросах, как влияние финского фактора на развитие многонациональной приграничной республики, специфика социальной, экономической и национальной политики центральной и региональной властей, особенности межнационального диалога в Карелии, этнические репрессии второй половины 1930-х гг., формирование образа Советского Союза за рубежом в условиях активной антисоветской пропаганды и экономической депрессии.

Многие вопросы, связанные с пребыванием североамериканских финнов в Советской Карелии, их влиянием на культурное, экономическое, социальное развитие автономной, а позднее союзной республики, не получили достаточного освещения в историографии. В отечественной и западной исследовательской литературе до сих пор отсутствуют обобщающие труды, в которых бы анализировались многочисленные источники, в изобилии хранящиеся в архивах Америки, Финляндии, России. Поэтому одной из главных задач проекта является выявление всех карельских источников по истории пребывания североамериканских финнов в республике и сведение их в единую базу данных.

Основными архивами, в которых будет вестись поиск источников, являются Национальный архив Республики Карелия и Карельский государственный архив новейшей истории, в которых сосредоточен большой и мало исследованный комплекс документов, отражающих самые разные стороны истории североамериканских переселенцев. Дополнительные данные могут быть получены в архиве УФСБ по РК. Также предполагается работа с документами в ряде центральных московских архивов, таких как Архив внешней политики Российской Федерации, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив новейшей истории. Коллекции документов, хранящиеся там (указания государственных и партийных органов по вопросам эмиграции, дипломатическая переписка, анкеты финских эмигрантов, документы о предоставлении североамериканским финнам льгот), остаются практически не вовлеченными в научный оборот.

Собранная информация будет обобщаться и систематизироваться с помощью информационных технологий. Предусматривается создание базы данных, которая будет давать не только статистическую информацию, но и представление о судьбах североамериканских финнов в Карелии.

Помимо поиска и анализа архивных документов и публикаций в прессе (мониторинг таких изданий, как журнал «Карело-Мурманский край», газеты «Красная Карелия», «Punainen Karjala», «Ленинское знамя» и др.) будут проведены интервью с переселенцами или членами их семей, которые помогут восстановить микроисторический контекст изучаемых событий.

Хорошие связи участников проекта с исследователями из США, Канады и Финляндии позволят обобщить разнообразные исторические источники по проблеме и создать объективную реконструкцию истории североамериканских финнов в общеисторическом контексте до- и послевоенного развития СССР в целом и Советской Карелии в частности.

Аналитическая часть проекта предполагает комбинацию макро- и микроисторических подходов, методов статистического и количественного анализа, что позволит преодолеть тенденции к односторонним оценкам изучаемого феномена, существующие в историографии. Экспертиза, которую могут осуществить финляндские и североамериканские коллеги, позволит соотнести результаты данного исследования с новейшими подходами в современной зарубежной историографии.

Кроме того, совместная работа над осуществлением данного проекта ученых из России (Петрозаводский государственный университет), Канады (университет Йорк в Торонто), США (университет Миннесоты, Дулут) и Финляндии (университет Хельсинки) будет способствовать установлению прочных научных связей между данными научными учреждениями. Участие же в работе студентов и аспирантов Петрозаводского государственного университета позволит им приобрести опыт исследовательской работы — как практической, так и аналитической.

Результаты проекта могут быть использованы и в научных, и в учебных целях (как в вузах, так и в школах), с ними может быть ознакомлена широкая общественность, которая сегодня почти ничего не знает об исследуемом феномене. Настоящий сборник — это первый шаг в намеченном направлении и первые результаты нашей работы в рамках двух представленных в данном разделе проектов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Основные публикации о североамериканских финнах в Карелии

Воспоминания

Boucht C. Onnea etsimässä. Punaisesta Karjalasta kaukaitaan. Helsinki: Kirjayhtymä, 1973. 307 s.

Boucht C. Karjala kutsuu. Helsinki: Kirjayhtymä, 1988.

Haapaniemi E. Muistelma // Lännestä itään. 1994. № 4. S. 12—18.

Hokkanen Sylvia and Laurence with Anita Middleton. Karelia: A Finnish-American Couple in Stalin's Russia, 1934—1941. St. Cloud: North Star Press, 1991. 160 p.

Isotalo A. Kirje // Maitten ja merten takaa. Vuosisata suomalaisia siirtolaiskirjeitä. Turku: Turun Historiallinen Arkisto, 1985. S. 236—240.

Komulainen E. A Grave in Karelia. New-York: Braun Brumfield, 1995. 128 p.

Koponen O.-M. Tavallisen ihmisen tarina. Vaasa: Ykkös-Offset OY, 2002. 221 s.

Kuusikko W. Kirje sukulaisilleen Kemin seudulle Kontupohjasta // Maitten ja merten takaa. Vuosisata suomalaisia siirtolaiskirjeitä. Turku: Turun Historiallinen Arkisto, 1985. S. 244—250.

Linkström V. Kirje sisarelleen Yhdysvalloihin Kontupohjasta // Maitten ja merten takaa. Vuosisata suomalaisia siirtolaiskirjeitä. Turku: Turun Historiallinen Arkisto, 1985. S. 241.

Miettinen H., Joganson K. Petettyjen toiveiden maa. Saarijärvi: Gummerus kirjapaino OY, 2001. 198 s.

Ranta K. Arpi korvassa ja sydämessä. Helsinki: WSOY, 2000. 456 s.

Sevander M. They took my father: A Story of Idealism and Betrayal. Duluth: Pfeiffer-Hamilton, 1991. 190 p.

Soneppi J. Kirje // Maitten ja merten takaa. Vuosisata suomalaisia siirtolaiskirjeitä. Turku: Turun Historiallinen Arkisto, 1985. S. 231.

Tuomi K. The Karelian Fever of the Early 1930s: A Personal Memoir // Finnish Americana. 1980. Vol. 3. P. 61—75.

Tuomi K. Isänmattoman tarina. Amerikansuomalaisen vakoojan muistelmat. Porvoo: WSOY, 1984. 190 s.

Ерохин С. П. Перевалка // На фронте мирного труда. Воспоминания участников социалистического строительства в Карелии. 1920—1940. Петрозаводск: Карелия, 1976. С. 73—77.

Копонен М. В. Женщины на лесозаготовках // На фронте мирного труда. Воспоминания участников социалистического строительства в Карелии. 1920—1940. Петрозаводск: Карелия, 1976. С. 80—84.

Нурминен В. Г. На Лыжной фабрике // На фронте мирного труда. Воспоминания участников социалистического строительства в Карелии. 1920—1940. Петрозаводск: Карелия, 1976. С. 43—46.

Сундфорс Х. Х. На целлюлозном заводе // На фронте мирного труда. Воспоминания участников социалистического строительства в Карелии. 1920—1940. Петрозаводск: Карелия, 1976. С. 22—25.

Туоми Э. В. Памятник Ильичу // На фронте мирного труда. Воспоминания участников социалистического строительства в Карелии. 1920—1940. Петрозаводск: Карелия, 1976. С. 49—52.

Юлен К. К. О строительстве первого водопровода в Петрозаводске // На фронте мирного труда. Воспоминания участников социалистического строительства в Карелии. 1920—1940. Петрозаводск: Карелия, 1976. С. 52—55.

Исследования

Ahola D. The Karelian Fever Episode of the 1930's // Finnish Americana. 1982—83. Vol. 5. P. 4—7.

Day P. Stalin's Finnish-American Victims // Codex: The Australian Journal of International Ideas, April — June, 1999.

Gelb M. «Karelian Fever»: The Finnish Immigrant Community During Stalin's Purges // Europe-Asia Studies. 1993. Vol. 45. № 6. P. 1091—1116.

Harpelle R., Lindström V. and Pogorelskin A. (eds.). Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depresson Era. Beaverton, Ontario, Canada: Aspasia Books, 2004. 226 p. (Journal of Finnish Studies. Vol. 8. № 1).

Hovi R.-L. Amerikansuomalaisten osuuskunnat Neuvosto-Karjalassa 1920-luvun alkupuolella amerikansuomalaisten ja neuvostokarjalaisten sanomalehtien valossa // Turun historiallinen arkisto XXIV. Vammala: Turun historiallinen seura, 1971.

Hudelson R., Sevander M. A Relapse of Karelian Fever // Siirtolaisuus Migration. 2000. № 2. S. 31—34.

Hudelson R., Sevander M. Pogorelskin Revises the Past // Siirtolaisuus Migration. 2001. № 2.

Karni M. Finnish Americans in Soviet Karelia, 1931—1991: An Update // Pitkät jäljet Historioita kahdelta maantereelta. Turku: Painosalama OY, 1999. P. 108—119.

Kangaspuro M. The Soviet Depression and Finnish Immigrants in Soviet Karelia // Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depression Era. Beaverton, Ontario, Canada: Aspasia Books, 2004. P. 132—140.

Karni M. G. Kaarlo Tuomi: Man Without a Country — the Tale of a Finnish American Russian Spy // Entering Multiculturalism Finnish Experience Abroad: Papers from FinnForum VI. Turku: Institute of Migration, 2002.

Kero R. Emigration of Finns from North America to Soviet Karelia in the Early 1930's. // The Finnish Experience in the Western Great Lakes Region: New Perspectives. Turku: Institute for Migration, 1975. P. 212—221.

Kero R. The Canadian Finns in Soviet Karelia in the 1930's. // Finnish Diaspora I: Canada, South America, Africa, Australia, and Sweden. Papers of the Finn Forum II. Toronto, 1979. P. 203—213.

Kero R. The Role of Finnish Settlers from North America in the Nationality Question in Soviet Karelia in the 1930's // Scandinavian Journal of History. 1981. № 6. P. 17—29.

Kero R. The Tragedy of Jonas Harju of Hiilisuo Commune, Soviet Karelia, 1933—1936 // Finnish Americana. 1982. Vol. 5. P. 8—11.

Kero R. Neuvosto-Karjalaa rakentamassa: Pohjois-Amerikan suomalaiset tekniikan tuojuina 1930-luvun Neuvosto-Karjalassa // Historiallisiin Tutkimuksia. 1983. № 122. S. 34—57.

Kero R. Neuvosto-Karjalaa rakentamassa. Pohjois-Amerikan suomalaiset tekniikan tuojuina 1930-luvun Neuvosto-Karjalassa. Helsinki: SHS, 1983. 231 s.

Lahti-Argutina E. Documented Evidence of the Fate of Finnish Canadians in Soviet Karelia // Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depression Era. Beaverton, Ontario, Canada: Aspasia Books, 2004. P. 118—131.

Lindström V. Martta Laitinen's Relentless Work for Socialism in Finland, Canada, and Soviet Karelia // Canadian Woman Studies/Les cahiers de la femme. 1989. Vol. 10. № 4. P. 68—70.

Lindström V., Vähämäki B. Ethnicity twice removed. North American Finns in Soviet Karelia // *Finnish Americana*. 1992. Vol. 9. S. 14—20.

Middleton A. Karelian Fever: Interviews with Survivors // *Journal of Finnish Studies*. 1997. Vol. 1. № 3. P. 179—182.

Miettinen H. and Warkentin R. Memories of the Depression in North America among Finnish North Americans in the Soviet Union // *Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depression Era*. Beaverton, Ontario, Canada: Aspasia Books, 2004. P. 201—215.

Pogorelskin A. New perspectives on Karelian Fever: The Recruitment of North American Finns to Karelia in the Early 1930s // *Journal of Finnish Studies*. 1997. Vol. 1. № 3. P. 165—178.

Pogorelskin A. Edvard Gylling and the Origins of Karelian Fever // *The Dividing Line: Borders and National Peripheries*. Helsinki: Renvall Institute Publications № 9. University of Helsinki Press, 1997. P. 261—271.

Pogorelskin A. Why Karelian Fever? // *Siirtolaisuus Migration*. 2000. № 1. S. 25—26.

Pogorelskin A. The Migration of Identity Etc // *Siirtolaisuus Migration*. 2001. № 1.

Pogorelskin A. The Recruitment of Identity Etc // *Siirtolaisuus Migration*. 2002. № 1.

Pogorelskin A. Nationality policy in Karelia, 1931—1939: from vision to disaster // *Entering multiculturalism: Finnish experience abroad*. Papers from FinnForum VI. Turku: Institute of Migration, 2002.

Pogorelskin A. Communism and the Co-Ops: Recruiting and Financing the Finnish-American Migration to Karelia // *Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depression Era*. Beaverton, Ontario, Canada: Aspasia Books, 2004. P. 28—47.

Pogorelskin A. Pipeline Accident on Lake Onega: A Study of Ethnic Conflict in Soviet Karelia, 1934 // *Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depression Era*. Beaverton, Ontario, Canada: Aspasia Books, 2004. P. 176—187.

Rautiainen E. Neuvostomaata Rakentamassa. Amerikan Suomalaiset Siirtolaiset Socialistisessä Rakennustyössä Karjalassa. Petroskoi: Kirja, 1933.

Sevander M. Red Exodus: Finnish-American Emigration to Russia. Duluth, MN: OSCAT, 1993. 232 p.

Sevander M. Of Soviet Bondage. Sequel to «Red Exodus». Duluth, MN: OSCAT, 1996. 157 p.

Sevander M. Vaeltajat. Turku: Siirtolaisuusinstituutti, 2000.

Sevander M. The push and pull of Karelian Fever // Entering multiculturalism: Finnish experience abroad. Papers from FinnForum VI. Turku: Institute of Migration, 2002.

Takala I. Eldoradoa etsimässä. Tarina ennen sotia Neuvosto-Karjalaan valtavesien takaa saapuneista amerikansuomalaista // Carelia. 1993. № 3. S. 4—25.

Takala I. Amerikansuomalaiset Neuvosto-Karjalaa rakentamassa // Verso. 1993. № 5—6. S. 22—25.

Takala I. Kansallisuusoperaatiot Karjalassa // Yhtä suurta perhettä. Bolshevikkien kansallisuuspolitiikka Luoteis-Venäjällä 1920—1950-luvuilla / Timo Vihavainen ja Irina Takala (toim.). Helsinki, 2000. S. 181—232.

Takala I. Out of the Frying Pan into the Fire. North American Finns in Soviet Karelia // Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depresson Era. Beaverton, Ontario, Canada: Aspasia Books, 2004. P. 105—117.

Takala I. Self-identification of Finnish Immigrants in the Soviet Karelia in the 1920s — 1930s // Regional Northern Identity: from Past to Future. Petrozavodsk, 2006. P. 66—67.

Vihavainen T. Framing the Finnish Experience in the Soviet Union. Finns from Finland and Finns from North America Compared // Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depresson Era. Beaverton, Ontario, Canada: Aspasia Books, 2004. P. 141—151.

Weidenhame E. Disillusionment on the Grandest of Scales: Finnish-Americans in the Soviet Union, 1917—1939 // *Vestnik, The Journal of Russian and Asian Studies*. 2005. № 3.

Ulikangas M. The Experience of Finnish-North American Writers in Soviet Karelia in the 1930s // *Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depresson Era*. Beaverton, Ontario, Canada: Aspasia Books, 2004. P. 152—175.

Андрюайнен А. И. Замечательный пример интернациональной пролетарской солидарности // *Вопросы истории КПСС*. Петрозаводск, 1968.

Андрюайнен А. И. Движение пролетарской солидарности зарубежных финских трудящихся с Советской Карелией // *50 лет Советской Карелии*. Петрозаводск: Карелия, 1969. С. 180—198.

Бекренев Н. Канадские лесорубы в Карелии. Петрозаводск: Кирья, 1932. 33 с.

Лаврушина Н. В. Из истории появления североамериканских финнов в Карелии в начале 1930-х годов // *Карелы. Финны. Проблемы этнической истории*. М., 1992. С. 176—189.

Севандер М. Скитальцы: О судьбах американских финнов в Карелии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 186 с.

Переplesин Б. В. Герой социалистического труда Э. М. Ярви. Петрозаводск: Гос. изд-во КАССР, 1958. 26 с.

Такала И. Р. Финское население Советской Карелии в 1930-е годы // *Карелы. Финны. Проблемы этнической истории*. М., 1992. С. 150—176.

Такала И. Р. В поисках Эльдorado. Североамериканские финны в Советской Карелии 30-х годов // *Вопросы истории Европейского Севера*. Петрозаводск, 1993. С. 91—110.

Такала И. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // *В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920—1950-е годы*. Петрозаводск, 1998. С. 161—206.

Такала И. Р. Финны-иммигранты // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С. 95—128.

Такала И. Р. Финны в Карелии и в России: История возникновения и гибели диаспоры. СПб.: Изд-во «Журнал Нева», 2002. 172 с.

Такала И. Карельская лихорадка: Североамериканские финны в довоенной Карелии // Stop in Finland. 2004. № 7(44). С. 28—31.

Такала И. Финны-иммигранты в Советской Карелии в 1920—1930-е гг.: проблемы этнической идентичности // Venäjä ja Suomi. Juhlakirja professori Timo Vihavaiselle 9.5.2007. Helsinki, 2007. С. 148—160.

Тонкель В. Канадские лесорубы в Советской Карелии. М.: Гос. лесное техн. изд-во, 1934. 151 с.

Филимончик С. Н. Об участии иностранных рабочих в индустриализации Карелии в годы первых пятилеток // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1987. С. 145—157.

Чернышева Т. Лесоруб Эро Лейво. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. 16 с.

Составитель И. Р. Такала

**Аннотированный
библиографический указатель статей
о североамериканских финнах в Карелии,
опубликованных в журнале
«Карело-Мурманский край»
за 1930—1935 гг.**

Валлин Г. И. Ближайшие задачи Карельской лесопромышленности // Карело-Мурманский край. 1933. № 7—8. С. 40—43.

В материале речь идет о начале переселения североамериканских финнов в Карелию, раскрывается его значение и говорится о неудовлетворительном использовании новой, привезенной иммигрантами техники на производстве. Автором приводятся точные данные о том, какое количество тех или иных инструментов было сломано из-за неумения пользоваться ими. Также в статье говорится о задачах, которые должны быть поставлены перед каждой карельской организацией, для полного и своевременного выполнения плана лесозаготовок.

Виссанен П. Хилли // Карело-Мурманский край. 1934. № 5—6. С. 53—56.

Основное внимание автор данного материала уделяет описанию жизненного пути Хилли — молодого человека, вынужденного уехать из Финляндии сначала в Северную Америку, а потом в Карелию. В то же время в эту «биографию» включены сведения о существовании в Матросах специальной школы по освоению американских орудий труда и о ее руководителе.

Клишко В. Онежцы в борьбе за план // Карело-Мурманский край. 1931. № 11—12. С. 51—52.

В статье рассказывается о «тов. Астекайнене — американском рабочем, партийце, формовщике литейного цеха». Дается краткое описание его успехов на производстве, наградах. Также в статье присутствуют краткие сведения о количестве американских рабочих на заводе. Прилагается фотография.

Малахеев С. К итогам лесозаготовок I квартала 1934 г. // Карело-Мурманский край. 1934. № 1—2. С. 39—41.

В статье упоминается о недостатках жизни людей в лесозаготовительных поселках. Прилагается фото.

Пашлаков В. А. Лесосовхоз «Интернационал» // Карело-Мурманский край. 1932. № 7—8. С. 29—31.

Автор материала рассказывает об истории появления и о развитии лесосовхоза «Интернационал» на берегу оз. Важезера, о жизни и быте населявших его людей.

Рушевич А. Лес — основа экономики Карелии // Карело-Мурманский край. 1935. № 5—6. С. 30—33.

В статье упоминается о приезде канадских лесорубов в Карелию в 1930 г. и об их вкладе в развитие республики.

Солодий Г. Лесозаготовки в Карелии // Карело-Мурманский край. 1935. № 4. С. 20—22.

В одной из частей данной статьи автор упоминает о группе шоферов (Колу Юрье, Саари Лаури и др.) Вилговского лесопункта Петрозаводского леспромхоза и об их ударном труде.

Степанов П. В борьбе за лес // Карело-Мурманский край. 1932. № 1—2. С. 45—48.

Основное внимание автор данного материала уделяет описанию высокой производительности труда канадцев по отдельным леспромхозам, объясняет ее причины. Автором приводятся точные цифры выработок, описываются различные инструменты, используемые канадцами при работе.

Яковлев С. В борьбе за лес // Карело-Мурманский край. 1933. № 1—2. С. 42—49.

В данной статье автором раскрываются некоторые неблагоприятные стороны жизни лесных хозяйств в целом. Но в то же время он подчеркивает необходимость использования опыта работающих в лесах Карелии лесорубов-канадцев. Автор рассказывает о некоторых мероприятиях, предпринятых в Карелии для более быстрого и удачного освоения канадской техники.

Ярви В. Мы желаем помочь СССР в деле социалистического характера // Карело-Мурманский край. 1931. № 1—2. С. 14—15.

Статья канадского лесоруба Вяйнэ Ярви о желании участвовать в «различных делах социалистического характера» в СССР. К статье прилагается 6 фотографий.

Фотографии в журнале «Карело-Мурманский край», иллюстрирующие жизнь североамериканских финнов в Карелии

Карелия — Иску — поселок канадских лесорубов // Карело-Мурманский край. 1934. № 1—2. С. 41.

Карельские лесорубы в Карелии / Фотомонтаж Г. А. Анкудинова // Карело-Мурманский край. 1933. № 1—2. С. 45.

Карельские лесорубы в Карелии / Фотомонтаж Г. А. Анкудинова // Карело-Мурманский край. 1933. № 5—6. С. 46.

Портрет «тов. Астекайнена — американского рабочего, партийца, формовщика литейного цеха» // Карело-Мурманский край. 1931. № 11—12. С. 51.

Работа лесорубов-канадцев. Трелевка бревен с места рубки на лесную биржу // Карело-Мурманский край. 1933. № 7—8. С. 43.

Работа лесорубов-канадцев. Американские сани «Юмпара» для трелевки по пересеченной местности // Карело-Мурманский край. 1933. № 7—8. С. 43.

Собрание канадских лесорубов в Вилге, посвященное 15-летию финской революции // Карело-Мурманский край. 1933. № 1—2. С. 29.

Составитель В. Иштонкова

Карта-схема основных мест проживания североамериканских финнов в Карелии в 1930-е гг.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Алатало П. И.	6, 68, 69, 71, 75, 77
Алатало Эллен	74
Алатало Эрки	74
Алатало Юхо	74, 81
Алликас	73, 74
Антила Аксель	94
Аронен Калле	36, 39, 40
Архипов Карп	100
Аутио Лаура	26
Баскаков Михаил	142
Бенсон Эрнст	26
Бородкин Осмо	95
Бухарин	156
Валли Вальтер	145
Вальюс Бруно	111

Васильев В. Н.	160
Васильева Е.	161, 163
Вастен Эдвард	87, 88
Вильпус Ниило	47
Виртанен Кейо	18
Вихавайнен Тимо	164
Ворошилов	155
Голубев А. В.	7, 25, 52, 68, 90, 119, 136, 160, 164
Гольденберг М. Л.	7
Гюллинг Эдвард	5, 32, 34, 35, 45, 50, 57
Дубровская Д.	54, 59, 63
Ефремкин Е.	161
Зинков Д. В.	160, 164
Зиновьев Г. Е.	156
Ирклис Пётр	50
Иштонкова В.	7, 164, 178
Йокияки (Туомала) Эмилия	146
Йокияки Джордж Юрьё	146
Йокияки Ральф	146, 147
Йокияки Хельми	145—147
Йокияки Эмилия	146
Йокияки Юрьё	146, 147
Каменев Л. Б.	156
Кангаспуру Маркку	160
Карвонен Ольга	26
Кауппинен Аксели	91—93
Кивикоски (Йокияки) Хилма	147, 148
Кивикоски Артур	147, 148

Кивикоски Кеннет	147, 148
Кивикоски Роберт	147, 148
Киннунен Артур	77
Киннунен Лилия	77
Киров С. М.	155, 156
Корган Оскар	36, 40, 45
Коскела	122
Куриikka Лаури	86
Куриikka Отто	86
Куриikka Уильям	86
Лайне Олави	87, 88
Лайне Санни	15, 16
Лайне Фия	87
Лайне Эдвард	13
Лайне Элмер	87
Ламми Александр	87
Латва Джон (Юсси)	36, 40
Латва Юхан	26
Лахти Август	87
Лахти-Аргутина Эйла	161
Лекандер Ааро	119
Лекандер В. В.	6, 13, 37, 42, 119, 130, 132
Лекандер Вильо	130
Лекандер Валтер	132
Лекандер Олави	119
Ленин	157
Линдстрём Варпу	6, 8, 159, 164
Ломов М.	62

Луома Анита	144
Луома (Лийматайнен) Анне	144
Луома (Йокимяки) Берта	145
Луома Лаури	88, 144
Луома Лео	88, 144, 145
Лялля Е. В.	179
Макдугалл Дж.	161
Маннер Роберт	136
Маркова А.	160, 164
Менньен Р. Дж.	17
Молотов В. М.	34, 123
Мюккянен Ада	90
Мюккянен Давид	90, 113, 117
Мюккянен Лаура	90
Мюккянен Юрьё	6, 64, 90
Нива Юхан	123
Нордман Алиса	105
Нордман Калле	105
Нордман Хилкка	105
Норкооли Айно	8, 19
Нурми Ниило	29
Осипов А. Ю.	7, 26, 118, 160, 164
Паавилайнен Лююли	26
Паасо Виктор	149
Паасо (Тимонен) Лиза	150, 151, 153, 155
Паасо Тойво	151, 153, 155, 158
Паасо Хуго	149—152, 154—158
Панула Калле	17

Паркканен Клаудия	28
Пеннанен Ф.	15, 16
Пёюрю	94, 95
Погорельский А.	164
Ранта Аунэ	77
Ранта Илми	77, 78
Ранта Элис	155
Рантакаллио Маркус	120
Расмус Матти	20
Рауанхеймо Аксели	23
Ровио Густав	40, 41, 50, 157
Рыков	156
Рюткенин Туро	147
Саари Калле	123
Сааринен Ойва	9, 24
Салмио Лаури	22, 23
Сало Д. А.	6
Сало Хелен	140
Сарамо С.	160, 161
Севандер Мейми	70
Сеппяля Юрьё	75
Сихвола Аллен	85
Сталин И. В.	34, 40, 41, 131, 134, 135, 155, 156, 161
Сювянен Эло	156
Тайми Адольф	87, 88
Такала И. Р.	7, 32, 43, 45, 160, 164, 174, 175, 179
Таппер Джерри	9
Тарвойнен	57

Тенхунен Матти	35, 36, 40, 51
Теплицкий Леопольд	155
Тикка Тойво	81, 83
Тиссари Эмиль	26
Томберг Елизавета	89
Туркки Эркки	88
Усачева Е. В.	160
Усениус Артур	157
Фогелер Генрих	7
Фролов Д.	160
Хаапалайнен Тауно	141
Халонен Юрьё	34, 35
Хаппонен Эмиль	26
Харью Тойво	26
Хейккинен Вальтер	28
Хейккинен Ханна	26
Хейкконен Иоганн	91
Хиетала Харольд	111
Хирвонен Мартти	103
Хонканен Хана	26
Хрущёв Н. С.	134
Хяннинен Тойни	76
Чад Чарли	105
Эриксон Нелма	101
Ялава Маури	24
Ялканен А. Й.	23

УКАЗАТЕЛЬ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ

Архангельск	128
Барага (Мичиган)	146, 147, 150 (56, 144, 146, 150)
Бараний Берег	86
Беломорск	60, 94—96, 99, 101, 137, 147
Ванкувер	90, 104, 107, 108
Виданы	125
Вилга	41, 44, 91
Галифакс	71, 90, 105, 106, 153, 154
Гётеборг	70, 106, 146, 153
Гольцы	145
Деревянное	115
Детройт	47, 144
Долларбей (Мичиган)	146 (56, 144, 146, 150)
Ий	149, 150
Ильинский	41, 100, 114, 121
Интерпоселок	41, 44, 121, 131

Йоэнсуу	103
Кальюмет (Мичиган)	150 (56, 144, 146, 150)
Кексгольм	81
Кемь	137, 142
Кентозеро	95, 100
Кескозеро	114
Кестеньга	92, 97, 100, 106, 109
Киндасово	111
Кирклэнд Лейк	23
Княжья Губа	33
Койгородок	91
Коккосалми	97, 98
Кондопога	41, 49, 57, 94, 98, 120, 137, 138
Красноармейск	85
Красноярск	101
Кривой Рог	72, 73, 74
Кудымкар	122, 123, 125, 129
Кяппесельга	145
Ладва	157
Ленинград	52, 55, 58, 70, 71, 77, 81, 90, 106, 120, 136, 146, 153, 154, 157
Летнереченский	101
Летняя	101, 102
Лехто	147
Лососинное	41, 111
Лоухи	96, 97, 99
Луголабина	41
Луулампи	147, 148

Маткачи	93
Матросы	41, 44, 91, 111, 115
Машезеро	111
Мегрега	120
Монреаль	15, 23
Москва	35, 82, 137, 158
Мянтсяля	20
Нижний Новгород	72, 73, 74, 138
Нижний Тагил	137, 138
Новосибирск	110
Норильск	101—103, 114
Нью-Йорк	35, 39, 52, 70, 106, 136, 137, 146, 153, 154
Оймякон	120
Оленегорск	148
Олонец	132
Оулу	149
Падозеро	120, 121, 123—132, 135
Пай	147, 148
Перхо	146
Петрозаводск	6, 7, 26, 32, 35, 36, 39—41, 43, 44, 46—48, 52, 56, 58, 65, 68, 72, 74—78, 87, 88, 90—94, 100—102, 106, 108— 111, 113, 115, 116, 126, 132, 136— 140, 143—145, 147—149, 154, 155, 157, 158, 160, 164, 166
Пори	68
Порт Муди	104, 105, 115
Порт Хени	104

Пряжа	62, 121, 124, 125
Пудож	98
Ревда	83, 84, 86
Сандармох	144
Сан-Франциско	52
Свердловск	84, 92, 110
Святозеро	61, 62
Соломенное	41, 58
Софпорог	97
Стокгольм	70, 71, 106, 153
Супериор (Висконсин)	35 (35)
Сыктывкар	91, 92
Сысерть	84
Таватуй	92, 93, 109
Таллинн	143
Таммисаари	90, 115
Тбилиси	73
Териоки	77
Томицы	122
Торнио	68, 78, 119
Торонто	6, 8, 20, 26, 30, 36, 39, 159, 160, 164, 166
Туапсе	73, 74, 86
Тумча	41
Тунгуда	44
Турку	154
Уокиган (Иллинойс)	151 (151)
Уоррен (Огайо)	68, 69, 77, 80, 85, 87 (68)

Устер (Массачусетс)	136 (136)
Ухта	41
Форт Уильям	19
Ханкок	150
Хапаранда	68
Хельсинки	65, 85, 157, 166
Чална	101, 111, 112, 119, 120, 124, 126, 128, 130, 133, 135
Челябинск	84, 85, 137, 138, 147
Чикаго	151, 153
Шижня	95
Шокша	41
Шотозеро	111
Шуньга	41
Шуя	41
Эскильстуна	163
Юрва	144

Научное издание

УСТНАЯ ИСТОРИЯ В КАРЕЛИИ

Сборник научных статей и источников

Выпуск II

Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов

Редактор *О. В. Обарчук*

Оформление обложки — *А. А. Сироткин*

Компьютерная вёрстка — *А. А. Сироткин*

При оформлении обложки использована иллюстрация:

Фогелер Г. «Американские финны в дороге».

1933—1934 гг. Бумага. Акварель. 19 × 17,2 см

Подписано в печать 01.10.07. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 200 экз. Изд. № 144.

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Отпечатано в типографии
Издательства ПетрГУ
185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33